Ма-Лин Ли
Кристина Бур

Исповедь юной модели

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Удочерение богатой американской семьей — чем не подарок судьбы для обездоленной корейской девочки? Но тринадцати лет от роду она оказывается в приюте, где надолго не задерживается. Отныне ее дом — улица, а ближайшее окружение — проститутки и наркоманы. Как ей выжить и не стать одной из них?

- Ма-Лин Ли, Кристина Бур
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Эпилог
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Ма-Лин Ли, Кристина Бур
Исповедь юной мадам

К Зои

Я говорила, что преданности нет, но ты — единственное исключение.

Пройдя через все испытания и лишения, я увидела, что у тебя невероятная душа, и я буду любить, ценить и заботиться о тебе вечно.

Ты моя лучшая подруга, моя единственная семья и самый красивый человек, которого я когда-либо встречала.

И не важно, что уготовано нам жизнью, просто знай, что ты останешься в моем сердце навеки.

Пролог

Было лето, и мне хотелось убраться из Нью-Джерси. Мне казалось, что лучшим способом для этого будет работа. Я уже давно подумывала о собственном деле. Это было бы нечто вроде странствующего борделя. Я бы на какое-то время останавливалась в городе, рекламировала интересные местечки, составляла список постоянных клиентов, а затем двигала дальше, прежде чем дела выходили из-под контроля. Я никогда раньше не пробовала ничего подобного, поскольку такой объем работы мне одной был не по силам, но теперь, когда у меня была новая подруга и партнер Зои, которая могла организовывать встречи и работать на телефоне, я была уверена, что у нас все получится. И я не ошиблась. Мы ездили иногда вдвоем, иногда еще с одной или даже двумя-тремя девушками и работали в таких местах, как Вашингтон, Нью-Йорк, Пенсильвания, Виргиния и Бостон. В то лето мы положили в карман кругленькую сумму.

Именно в Бостоне удача меня подвела. Мы с Зои зашибали хорошие деньги и смогли отложить двадцать тысяч долларов наличными. И тогда мы отправились по магазинам. Еще как отправились! Больше всего на свете я люблю делать покупки на Ньюбери-стрит в Бостоне. При этом я всегда выбираю обувь от серьезных модельеров. Зои, напротив, когда начала работать на меня, была не просто дешевой и несведущей бабой, она еще так и одевалась. Я постепенно растолковывала ей разницу между «Прада» и «Пейлес»[1], и наши клиенты с удовольствием отмечали изменения в Зои.

Мы остановились в одной фешенебельной гостинице, работала же Зои в соседнем отеле. Однако в конце недели я сказала ей, что она может использовать для встреч наш номер, поскольку меня несколько дней не будет. Я собиралась отправиться в Нью-Йорк и провести выходные с парнем, с которым совсем недавно начала встречаться. Скорпион, как он себя называл, был танцором, а это мой любимый типаж. Я была от него без ума. Я была абсолютно уверена, что вернусь через пару дней, поэтому взяла с собой лишь несколько вещей. Всю свою одежду, свой компьютер, всю нашу наличность и даже собственный пистолет я оставила на Зои.

В Нью-Йорк я попала в пятницу вечером и провела со Скорпионом незабываемую ночь. В субботу я проснулась поздно и решила позвонить Зои, чтобы узнать, все ли в порядке. Трубку

снял незнакомый мужчина.

— Кто говорит? — поинтересовалась я, решив, что Зои с утра пораньше привела клиента, который имел наглость ответить на звонок. Либо вечером она ушла с друзьями и успела кого-то подцепить.

— Это офицер Дэн из управления полиции Бостона. Кто это? — услышала я в ответ.

Я повесила трубку, и меня охватила тревога.

Глава 1
Очень молодая мадам

Вероятно, настало время сообщить вам, что я, так сказать, мадам. Я управляю первоклассным эскорт-агентством, которое обслуживает состоятельных клиентов в пригороде Нью-Джерси. Если говорить о материальной стороне вопроса, то по всем стандартам малого бизнеса я более чем успешна. Обычно на меня работает до десяти девочек одновременно, и в неделю мое агентство приносит около сорока тысяч, в основном наличными.

Когда меня спрашивают, чем я занимаюсь, я обычно отвечаю, что занята в сфере обслуживания или маркетинге. В принципе, это недалеко от истины. Одно из названий моего агентства — «Подружки напрокат». Но это не означает просто секс. От сотрудничества с нами клиент получает удовлетворение, мы создаем для него приятное приключение.

Не следует думать, что у нас просто «трах-бабах-и-разбежались». Мои девочки ведут себя с клиентами так, словно эта встреча для них — самое замечательное свидание в жизни. Они используют видео и приглушенное освещение, на них красивое белье, они спрашивают о ваших фантазиях. В справочнике сотрудника, который я раздаю своим «служащим», я привожу десяток различных способов, как сделать каждую встречу особенной. Да, это правда, у нас есть справочник сотрудника, как и в любой другой профессии. (Это говорит о том, что я серьезно отношусь к делу, которым занимаюсь.) В нем указано, за что девочки несут ответственность (расходы на дорогу, пунктуальность) и что от них требуется (уважительное отношение к клиенту, уборка номера до прихода следующего клиента и т. д.). Еще в нем даны некоторые советы, как предоставить исключительное обслуживание — начиная с того, что надеть, и заканчивая соображениями по выбору музыки, а также тому, как создать атмосферу соблазнения, которая понравится любому клиенту.

Конечно, мы предлагаем свидания, которые проходят так, как надо, что только добавляет им привлекательности. Но мои «уверенные крошки» не всегда так уверены, как вы могли бы подумать. Я организовываю все встречи, но каждая из девочек имеет абсолютное право вето. Если по какой-либо причине клиент не нравится девочке — у нее плохое предчувствие или мужчина пугает ее, он слишком стар, или слишком пьян, или слишком темнокожий (у меня есть одна девочка-мулатка, так она

обслуживает только белых ребят. Подумать только!), — то я отпускаю девочку без вопросов. Это ее жизнь и ее тело, и она должна иметь возможность сказать «нет», когда захочет.

Когда происходят подобные вещи, мне приходится стараться изо всех сил, чтобы отвергнутый клиент не почувствовал дискомфорта. Мы все-таки ориентируемся на желания клиентов. Со временем я поняла, что лучше всего в таких ситуациях брать вину на себя. Я зову парня и говорю: «Мне очень жаль, дорогуша, но у девочки неожиданно возникли проблемы» — в это легко можно поверить, поскольку у большинства девочек в нашем деле возникают проблемы. Потом я говорю: «Мне следовало предвидеть эти осложнения. Позволь мне загладить вину. Следующий раз бесплатно». (Или за полцены, в зависимости от того, насколько клиент разозлен.)

Это всегда работает. Я ни разу не видела парня, который отказался бы от халявы.

В нашем деле работают девочки самых разных национальностей, возрастов, социальных статусов, религиозных убеждений, у них разное образование. Одни замужем, другие — нет. У одних есть дети, у других — нет. Некоторые не раз были замужем и имеют детей от разных мужей. Причины, почему они занимаются этим, тоже самые разные — из-за денег, наркотиков, желания отомстить, стать независимой, потому что нравится, потому что не любят себя. Но есть одна вещь, которая объединяет их всех. Все девочки немного (а кто и сильно) без царя в голове.

Однажды одна из моих девочек застряла на Манхэттене и пыталась хоть как-нибудь добраться до Нью-Джерси. Мой шофер был в городе, и в тот вечер он не был мне нужен. Поэтому я позвонила ей и предложила:

— Почему бы тебе не вернуться с моим помощником?

Она горячо поблагодарила меня по телефону, но при следующем нашем разговоре была просто в бешенстве.

— Зачем ты послала ко мне того парня? — вопила она. — Он оказался таким никчемным партнером. Это была одна из самых ужасных ночей в моей жизни!

— Ты спала с ним? — спросила я ошеломленно. Ему было только девятнадцать, шофером он был надежным, поэтому я не понимала, зачем она это сделала.

— Конечно, спала. Ты же сама мне сказала.

— Я лишь предложила тебе прокатиться с ним, а не покататься на нем! — возразила я. — О чем ты только думала?

— Ах вот как, — ответила она намного спокойней, — теперь

ясно. А то я никак не могла понять, зачем тебе давать мне такой плохой совет. Я решила, что ты злишься на меня.

Только уличная девка могла подумать, что я предлагаю не транспорт, а нечто другое. Девочки, с которыми я работаю, скорее всего, еще более чокнутые, чем обычные проститутки. Ведь я общаюсь только с профессионалками, а следовательно, они уже какое-то время занимаются этим делом. Они не новички и не дамочки, которые пришли сюда попробовать, что же это такое. Возможно, для них это не основное занятие, ведь среди моих девочек есть домохозяйки, студентки, художницы… Многие женщины занимаются этим время от времени, но ни одна из них в этом деле не новичок. Если бы это было не так, я бы их не нанимала, поскольку мне нужны девочки, которые умеют предоставлять качественное обслуживание.

Мой бизнес, который предлагает высококачественное обслуживание, не существовал в этом уголке мира, пока я сюда не приехала. Когда я впервые попала в Нью-Джерси, самой высокой ценой за девочку было около ста семидесяти пяти долларов за час. Никто не запрашивал даже близко к тому, сколько я беру сейчас — обычно от трехсот до трехсот пятидесяти долларов за час, поскольку они ни за что не получили бы столько. Все агентства использовали непрофессиональных девочек в дешевых мотелях, которые находились в нехороших районах. Когда я переехала сюда, мне не составило особого труда найти клиентов, причем таких, которые мне были нужны: постоянных и состоятельных.

С деньгами в Нью-Джерси никогда не было проблем. И я могу предположить, что агентства вроде моего не было лишь потому, что никто не знал, как им управлять. Конечно, теперь, когда моя контора существует уже несколько лет, похожие заведения начали появляться словно грибы после дождя. Чтобы отличаться от других, я делала очень просто: нанимала профессионалок, у которых имелся опыт и которые знали, как предоставить качественное обслуживание. Я использую гостиницы с тремя или большим количеством звезд, они, по иронии судьбы, часто обходятся дешевле тех убогих мотелей, номера в которых можно заказывать через Интернет. Это, конечно, не операции на головном мозге, но ориентирование на клиента, свободу выбора и надежность сложно встретить в нашем деле, и эти качества высоко ценятся клиентами. И они с радостью приплачивают за них. На самом деле, если вы занижаете цену девочек, предлагая льготный тариф, это может испортить клиенту романтическое настроение (я уже не говорю о том, что девочки, как служащие в

любой сфере, не будут стараться, если им мало платить). Любой парень хочет почувствовать, что он платит за нечто особенное, и, понятно, разбивать эту иллюзию мне хочется меньше всего.

Цена всегда обсуждается индивидуально. Конечно, можно запросить слишком много. Через пролив от нас, в Нью-Йорке, есть несколько агентств, тарифы в которых — полторы тысячи долларов за час и более. Я хорошо проработала этот вопрос и поняла, что, какими бы привлекательными ни были подобные цены для агентства, они — ошибка.

Давайте посмотрим правде в глаза. Несмотря на то, во что мужчины хотели бы верить (и во что я хотела бы, чтобы они верили), по большому счету киска — это всего лишь киска. Поверьте мне, я в этом деле не первый день. При таксе от трехсот до трехсот пятидесяти долларов в час большинство моих подопечных, которые получают две трети от этой суммы плюс чаевые, если смогут их заработать (а на этом уровне большинство ребят дают чаевые), — будут знать, что им хорошо платят за работу, а клиенты почувствуют, что деньги потрачены не зря. Но полторы тысячи за час могут расстроить клиента, если только он не относится к тем людям, которые не задумываясь могут выкинуть на ветер полторы тысячи и даже не поморщиться. Однако таких людей очень мало, чтобы можно было нормально вести дела.

В моей работе всегда очень важно не попасться, но риск не так высок, как кажется некоторым. Главное — держать ухо востро. Ведь чтобы я попалась, свидетель незаконной деятельности, то есть клиент или девочка, должен был сдать меня полиции. Поскольку я никогда не нахожусь там, где происходит незаконная деятельность, найти свидетеля очень сложно. А поскольку сами клиенты и девочки участвуют в определенной незаконной деятельности, они в целом не горят желанием общаться с властями. К тому же я всегда очень осмотрительна по отношению к тем, с кем веду дела. Это касается как клиентов, так и девочек.

Обычно, если девочка уже работала раньше, она успела заработать репутацию, а ныне «репутация» каждой крошки, работающей буквально за углом, вывешена на специальных страницах во Всемирной паутине, где девочки дают оценку профессиональным качествам друг друга. Так что узнать, стоит ли нанимать ту или иную девочку, довольно просто. Что же касается легавых под прикрытием, ни один из них не будет работать лишь для того, чтобы кого-то прищучить.

Да и вообще, чего греха таить, легавые знают, что мы есть. Все это знают. Проституция — древнейшая профессия, и не

секрет, что она существует — в каждой стране, в каждом городе мира. Когда легавые арестовывают девочку за проституцию, они обычно просто заполняют рапорт, держат ее недолго в отделении и отпускают. У них есть дела поважнее, чем беспокоиться о том, кто кого трахает.

В целом, пока бизнес не привлекает внимания (а я овладела искусством не светиться), нас не трогают, если только у легавых не появляется серьезный повод. Иногда такое случается. Они вдруг решают устроить показуху, продемонстрировав, как старательно они борются с преступностью, как стараются очистить улицы, защитить детей и так далее в том же духе. В Нью-Йорке я пережила такое несколько раз. Там я держала бордель, и в конце концов мне пришлось убраться из города. Руди Джулиани только-только стал мэром, а во время предвыборной кампании он обещал очистить Нью-Йорк. Когда он победил, борьба с проституцией стала главной задачей полиции.

Конечно, по большому счету борьба была поверхностной. Легавые постоянно устраивали облавы на заведения вроде моего, которые находились на виду, и заставляли их закрываться. Потом страсти ненадолго утихли, но затем все началось с прежней силой, только по-другому — через Интернет, а не просто на улице. Единственное, что удалось Джулиани, так это заставить нас быть очень осторожными, — так налогоплательщики могли делать вид, что мы не существуем (я слышала, такая же история у него получилась и с бездомными).

Теперь я веду дела по-иному. У меня больше нет конкретного места, где я занимаюсь бизнесом и где легавые могут меня подловить, когда им взбредет в голову. Я стала намного более осторожной, благоразумной, а главное — мобильной, поэтому меня сложно найти. Для меня, как и для многих людей в этом деле, уйти в тень было хорошей идеей. Обстоятельства заставили нас быть умнее. Теперь я больше зарабатываю и нахожусь в большей безопасности, чем прежде.

Однако я отчетливо понимаю, что никогда не бываю в полной безопасности. Когда легавый взял трубку в номере Зои, я не знала, насколько велика опасность, а рисковать я не могла. Я закрыла бизнес. Я удалила сайт и всю рекламу из Интернета, что я делаю только в самых крайних случаях, поскольку это означает, что клиенты не смогут меня найти. Чтобы полиция не смогла отследить меня по сим-карте в телефоне, я выкинула ее, а с ней и все номера. Слава богу, у меня хорошая память, особенно когда дело касается информации о клиентах. Потом я оставила все свои вещи в камере хранения, чтобы путешествовать налегке. Теперь

при мне не было ничего такого, что можно использовать в качестве улик.

Без двух важных вещей — телефона, который я сдала в камеру хранения, и компьютера, который, скорее всего, попал в полицию, — я не могу работать. Мой бизнес построен на принципе моей защищенности, поэтому личные контакты я практически свела к нулю. С клиентами, да и с большинством девочек я общаюсь только по телефону. Я использую псевдоним и стараюсь никогда не показывать лицо. Когда что-то нужно сделать лично, например передать деньги, у меня есть помощники, которые и выступают в качестве посредников. Это еще одна причина, почему легавым будет сложно что-то мне пришить.

Так как я не могла работать, то и поступления наличных денег у меня не было. Воспользоваться же резервным депозитом я не хотела, поскольку боялась, что там меня уже ждут. Назовите это паранойей, но лучше перестраховаться. Поэтому мне пришлось жить на то, что у меня было с собой. Я нашла тихий отель в Нью-Джерси, сняла номер и затаилась, со мной был только мой пес Макс. Я не выходила из гостиницы и ни с кем не разговаривала.

Именно в такие моменты я решаю начать жизнь сначала. Оставьте меня в любом большом или среднем городе, и очень быстро я смогу себя самостоятельно обеспечивать, а через несколько недель начну развивать доходное дело.

Однако на этот раз, даже рискуя попасться, я не уехала из города. Я не знаю почему, но я решила поступить иначе. Все пошло совсем не так, как бывает в нашем бизнесе. К счастью или к сожалению, но я нашла место, где можно было затаиться и посмотреть, что же произойдет дальше.

Глава 2
Что можно купить на сто тысяч долларов

Совсем не случайно я так хорошо освоила умение начинать все с нуля. В этом у меня была большая практика, начиная с юности, когда у меня и выбора-то не было.

Самое раннее, что я помню, — это Корею, где я родилась в середине семидесятых годов. Бабушка била меня бейсбольной битой. По крайней мере, я думаю, что это была моя бабушка. Я была очень мала, когда видела ее в последний раз, поэтому не знаю точно, кем она мне доводилась.

Моя бабушка и моя старшая сестра, или, по крайней мере, та, кого я называла *«ан-ни»* (по-корейски это означает «большая сестра»), жили в задней части ресторана, торговавшего хот-догами. Втроем мы занимали одну комнату, а это значит, что мы были бедны. Бабушка была очень дряхлой, поэтому не могла нормально обо мне заботиться. На самом деле, насколько я помню, она обращала на меня внимание только тогда, когда била битой или говорила, что надо сделать. Обо мне заботилась «большая сестра», когда у нее было время. Но обычно она была занята уборкой и работой в ресторане. Кроме того, она ухаживала за бабушкой. Время от времени я от скуки выходила из ресторана и бродила по улицам.

То время я помню очень хорошо. Помню, что в день я съедала одну миску супа и постоянно занималась уборкой. Я до сих пор помешана на чистоте, вероятнее всего, из-за этого. Особенно хорошо я помню один из своих детских кошмаров, поскольку он иногда мне снится до сих пор: обычный, нормальный мужчина разговаривает со мной, а потом внезапно делает кувырок и превращается в злобного кровожадного волка. В такие моменты я с криком просыпаюсь вся в поту и дрожу от страха.

В конце концов я попала в сиротский приют. Я не знаю, забрали ли меня, потому что бабушка была слишком больной или слишком старой, или она сама отдала меня, или, быть может, продала меня. Именно люди в приюте объяснили мне, что случилось с моими родителями. Моя мать, сказали они, умерла при родах, а отец был военным, и поскольку он постоянно был в разъездах, то жить я с ним не могла. Правда, никакими доказательствами свой рассказ они не подкрепляли. Однажды много лет спустя, когда я уже выросла, в поезде я села возле

кореянки. Мы разговорились. Оказалось, что раньше она работала в сиротском приюте в Корее и хорошо знала эту кухню. В те времена не было никакой процедуры передачи ребенка в приют, поэтому все делалось на черном рынке. Среди корейцев считалось ненормальным отказываться от собственных детей, поэтому, чтобы как-то оправдать подобные поступки, придумывались душещипательные истории. Ведь нельзя винить мать за то, что она умерла и оставила ребенка без опеки. Конечно, некоторые матери действительно умирали при родах, поэтому я не знала, верить этой истории или нет.

Я помню самолет, на котором летела с одним или двумя корейскими детьми. Вероятно, они тоже были сиротами. Мы летели в Америку, хотя в тот момент я не знала, что со мной происходит. Нельзя сказать, что я была напугана. Скорее, я была смущена, мне было неуютно. Когда мы приземлились, у ворот аэропорта меня уже ждали мои новые родители — мама, папа и новая «большая сестра» Мишель, родная дочь моих приемных родителей. Тогда я получила Тедди, своего первого плюшевого медвежонка, которого храню до сих пор. Не помню, чтобы мне что-то дарили до того, как я приехала в Америку, поэтому игрушки так много значат для меня.

Мне было тогда шесть лет. Мой новый дом находился в очень богатом пригороде в Коннектикуте. Мы жили в огромном доме, также у нас был домик для гостей, в котором жила милая пара с ребенком. Муж присматривал за нашим хозяйством, а оно было немалым: ухоженный передний двор, большой задний дворик с деревьями, качелями и песочницей, а за домиком для гостей начинался яблоневый сад, который тянулся очень далеко. Вы даже себе не представляете, как там было красиво. Кроме всего, недалеко от дома находился пруд.

Я не помню, как я приехала в свой новый дом, но очень хорошо помню праздничный ужин, который устроили несколько дней спустя в честь моего приезда. Все были такие белые и большие. Я сидела в столовой и не переставала гадать, хватит ли на всех еды. Не придется ли нам съесть собаку Фиги, которая была похожа на большой мохнатый хот-дог на ножках. Так забавно все это вспоминать. Люди не переставали подходить ко мне, обнимать и целовать. Я думаю, они были членами семьи, некоторые могли быть соседями. Наш район был очень дружелюбным местом.

Через дорогу жили Адамсы. Они мне так нравились! На заднем дворе у них был бассейн. Возле него они устраивали

грандиозные вечеринки. Поскольку до этого у меня никогда не было друзей, я много времени проводила у них дома с их двумя детьми, которые были примерно моего возраста. Но в один прекрасный день, когда мы играли в больницу, один из них отрезал мне сосок пластиковым ножом, пытаясь провести «операцию». Это был последний раз, когда я была у них дома, хотя шрам после швов, которые наложил настоящий доктор, до сих пор напоминает мне об Адамсах.

Мама любила посплетничать об этой семье. У господина Адамса, говорила она, была интрижка с секретаршей. Потом он развелся и переехал в штат, законодательство которого не требовало выплаты алиментов на ребенка. По крайней мере, так говорили соседи.

Немного дальше жили Миллеры. Отец семейства продавал модные машины по всему Восточному побережью. Помню, при виде их дома у меня по коже пробегали мурашки, но думаю, причина была в том, что это было первое место, в котором мне довелось поработать нянькой. Перед этим мне кто-то рассказал историю о няне, которую пугал телефонными звонками какой-то псих. Когда полицейские проследили звонок, то сказали ей: «Звонили из вашего дома!» От этой истории у меня до сих пор внутри все холодеет.

Возле пруда, где мы зимой катались на коньках, были построены три новых дома. Один, в конце дороги, был большим, современным особняком, где жили Йи. Они были единственной корейской семьей в округе.

Миссис Йи много помогала моей матери. Ведь когда я приехала, то говорила только по-корейски, и моя новая семья без помощи миссис Йи просто не могла со мной общаться. Меня продолжали мучить кошмары, из-за которых я плакала и кричала во сне. Мама была так обеспокоена этим, что начала записывать все это на пленку. Миссис Йи слушала записи и переводила. Каждую ночь повторялось одно и то же. Я кричала от страха перед монстром, кровожадным волком. Много лет спустя я послушала записи, и они все равно напугали меня.

Как это нередко бывает в американских семьях, мои родители развелись через несколько лет после моего удочерения. Мне тогда было около девяти. Думаю, мое удочерение было тщетной попыткой сохранить рушащийся брак. Конечно, это не сработало, и очень скоро папа женился в третий раз (до мамы у него была жена из Бразилии) на женщине, которая была на пятнадцать лет младше него.

Родители продали дом и сад и сначала переехали в разные районы города, а затем и в разные страны (папа в конце концов

осел с новой семьей в Европе). Мишель, с которой я никогда не была слишком близка, решила жить с папой. Я осталась с мамой. Вот так наша не слишком счастливая семья раскололась, и нам всем пришлось начинать все сначала.

Несколько лет спустя, когда я встретилась с отцом, который к тому времени смог создать идеальную счастливую жизнь со своей новой идеальной женой и их новой идеальной дочерью, он рассказал мне, каким я обернулась для них с мамой разочарованием. Когда они решили взять в семью ребенка из Кореи, то им пообещали младенца. Потом появилась я, которая уже ходила, говорила и плакала во сне. Не меньше неприятностей я причинила им и уже после того, как они развелись. К тому моменту, когда он рассказал мне все это, я уже успела несколько раз сбежать из дому. Маме было сложно совладать со мной. Это ударяло и по кошельку отца, потому что он все еще поддерживал нас.

— Я уже заплатил за тебя сто тысяч долларов и все еще продолжаю платить, — сказал он.

Что отец имел в виду, я узнала много позже. Столько денег он заплатил за право удочерить меня и привезти сюда из Кореи. Изначально он очень скептично относился к этой затее, но мама была настроена решительно. Думаю, отец считал, что этим деньгам можно было найти лучшее применение. Например, отправиться в длительное путешествие по Африке, что он и сделал со своей женой номер три, потратив деньги, отложенные мне на колледж, когда стало ясно, что я не собираюсь в него поступать.

После этого я с отцом практически не общалась. В любом случае он не тот человек, которого я бы выбрала себе в отцы, если бы можно было выбирать. Он богат, но он отличается от тех богачей, которых я встречала, покинув дом. У него есть деньги, потому что он родился в богатой семье, а не потому что он их заработал. Он никогда по-настоящему не работал, несмотря на то что учился в одном из заведений Лиги плюща и мог воспользоваться всеми доступными привилегиями. Вместо этого он живет на содержании у родителей. Как можно уважать такого человека, который никогда ничего не добился своими силами? Я знала, что не хочу быть похожей на него.

В свое время у нас в доме он организовал офис, который стал источником множества шуток, когда я поняла, для чего этот офис предназначался. Для отца это не было рабочее место. Он мог удалиться туда, чтобы почитать газету или просто спрятаться от семьи, когда ему этого хотелось. Никому не позволялось

беспокоить его, когда он был в своем офисе, а если мы осмеливались нарушить это правило, за это приходилось жестоко расплачиваться.

Поскольку я была невысокого мнения об отце, не могу сказать, что я скучаю по нему. Не моя вина, что он решил заплатить за меня, а его надули. Если кто-то ворует ваши деньги, вы сами виноваты, что не приглядели за ними. Это правило я усвоила. Его печали — это его проблемы. Когда он рассказал мне эту историю, единственное, что я подумала, так это то, что хорошо хоть стоила недешево. На самом деле жаль, что его не заставили заплатить за меня еще больше.

Глава 3
Беглянка

Первый раз я убежала из дому, когда мне было тринадцать лет. Тогда нам с мамой никто не помогал. Вскоре после развода она зашла ко мне в комнату и сказала:

— Начнем все сначала!

После этого мы уехали из Коннектикута и поселились в небольшом милом домике у реки в штате Мэн, недалеко от побережья. Домик не был таким величественным, как тот, в котором мы жили прежде, но, тем не менее, у нас был приличный кусок земли и масса зажиточных соседей, поэтому жалеть нас не было нужды.

И в Коннектикуте мне было несладко, но в штате Мэн я вообще была единственным ребенком азиатского происхождения в школе. Еще был один чернокожий мальчик, на несколько лет старше меня. И всё. Все остальные были исключительно белыми. Когда я первый раз пришла в школу, некоторые дети принялись смеяться надо мной, потому что я выглядела не так, как они. Я поняла, что мы с чернокожим мальчиком очень быстро станем либо самыми популярными, либо самыми непопулярными ребятами в округе. Смешаться с толпой было невозможно, поэтому у нас не было выбора.

К счастью, я умела заводить друзей и хорошо училась. В шестом классе я со своими двумя лучшими подругами втюрилась в одного мальчика, Джона, который был одним из самых симпатичных парней в школе. В тот год на школьной дискотеке он пригласил меня на танец, и я мгновенно приобрела популярность. Конечно, когда я стала популярной, Джон мне уже был не нужен. Он был довольно скучным типом, и я бросила его месяц спустя. Думаю, я родилась с геном боязни скуки. Я сразу поняла, что жизнь в маленьком городке не для меня. Уже в детстве меня тянуло на приключения. Одним из моих героев был Аль Капоне.

Маме было сложно привыкать к новой жизни. Я точно знала, что ей не нравилось быть одной, и понимала, что моей компании ей мало. Она всегда была немного повернута на всяких альтернативных способах познания, но теперь с головой ушла в такие вещи, как нетрадиционная медицина и общение с собственным внутренним миром. Она пыталась и меня втянуть в эти дела. Она хотела, чтобы я рассказывала, что помню о Корее, и

снах. Какое-то время она даже пыталась помочь мне разыскать «ан-ни», мою «большую сестру», которая заботилась обо мне, когда я жила в Корее, но мы ее так и не нашли. Все эти вещи с «достижением мира с собственным прошлым» были не по мне.

Думаю, все это были попытки мамы почувствовать себя увереннее, но это у нее не очень получалось. Ее все больше и больше охватывала депрессия. В один прекрасный день она сказала мне, что ложится на обследование в одну частную психиатрическую лечебницу, а за мной какое-то время будет присматривать наша соседка, женщина, с которой я едва была знакома. Соседка была не виновата, она, наверное, желала добра, но у нас с ней не заладилось с самого начала. Я возмущалась из-за того, что меня оставили на нее, и старалась показать свое недовольство как можно чаще. Я начала прогуливать школу, сначала урок или два, потом целые дни. Однажды я хотела пойти на концерт «Дэф Леппард», а соседка не хотела меня отпускать, поэтому я просто убежала.

После концерта я вернулась в дом соседки. Она была вне себя от ярости, но, поскольку она не была моей матерью, я не обратила на это особого внимания. Я поняла, что никто не может остановить меня, если я хочу что-то сделать, или, по крайней мере, остановит лишь ненадолго. Бывало, когда украдкой я выходила из дома, меня ловили, а бывало, и нет. Я осознала, что, если продолжать упорствовать, в конце концов все будет по-моему. Однажды я ушла без спросу из дома соседки и отправилась к подруге, которая жила с бабушкой в Олд-Очард-Бич. Этот небольшой городок на побережье находился довольно-таки далеко от моего дома. В тот раз меня долго не было дома.

Олд-Очард-Бич был ярким, но немного неухоженным городком, в котором люди обычно проводили отпуска. Он был очень похож на Атлантик-Сити, но более сонный и провинциальный. Как-то раз, прогуливаясь, я встретила в одном из магазинов мальчика из Аргентины, который работал там летом, и запала на него с первого взгляда. Я хотела все время быть рядом с ним, поэтому свалила от подруги и ее бабушки. Когда он сказал, что скоро уезжает из города, я попросила его взять меня с собой, но он отказался, возможно, потому что я заявила, что хочу остаться девственницей. Надо сказать, что хотя я и была очень влюбчива, но родители успели привить мне определенные ценности (конечно, до того, как наша семья распалась). Я все еще считала себя хорошей девочкой, поэтому дальше поцелуев и прогулок под ручку дело не шло. В моем понимании, побег из дому не был чем-то плохим, ведь мама оставила меня на человека, которого я терпеть не могла и

который не мог терпеть меня, поэтому не думаю, что у меня был выбор. Когда мой предмет любви покинул город, я не захотела возвращаться ни к подруге, ни к соседке. Мне некуда было идти, поэтому я спала на пляже с другими подобными мне беглецами.

Где-то к девятому классу (при условии, что я ходила бы в школу; как оказалось позже, мое образование закончилось в восьмом классе) я быстро поняла, что могу сама о себе позаботиться. Я обнаружила, что могу жить в покинутых домах или в приютах Молодежной женской христианской организации, где я познакомилась с целой кучей ребят, которые ездили из города в город за поп-группой «Грейтфул дэд» — дэдхедами. В те времена эта группа была популярна, особенно в тех местах, где жила я, и особенно среди ребят, которые любили убегать из дому на концерты и жить в приютах Молодежной организации. Нельзя сказать, чтобы мне нравилась музыка этой группы, но очень быстро я узнала, что у дэдхедов всегда была кислота. Также я обнаружила, что могу заработать, покупая у них большую партию и продавая ее ребятам на пляже.

Поначалу я покупала кислоту только для себя, одну таблетку за раз, когда у меня были деньги и я хотела поймать кайф. Но однажды один дэдхед сказал мне, что я могу купить всю партию, а это сотня доз, всего за восемьдесят долларов. Получалось всего восемьдесят центов за дозу, в то время как ее обычная цена была пять долларов. И тут я подумала: «Черт возьми! Если бы у меня было достаточно наличности, чтобы купить всю партию, я бы смогла продать дурь друзьям и заработать немного, и, кроме того, у меня при себе всегда была бы бесплатная доза».

Думаю, я родилась с предпринимательской жилкой. За свою жизнь я многому научилась у разных игроков, торговцев и сутенеров — дельцов мира, в котором я живу. Но я думаю, что смогла научиться всему этому, потому что у меня были соответствующие способности. В основном я училась на наглядных примерах, потому что никто из этих ребят, на самом деле, не был хорошим учителем. Я вбила себе в голову, что так или иначе должна достать эти восемьдесят долларов. И тут меня осенило — чтобы собрать наличные, я сначала продам липовую дурь. У меня было немного промокательной бумаги, я позаимствовала у товарища нож для пиццы и сделала нечто, напоминающее кислоту. Потом я продала ее ребятам, которые уже успели забалдеть и поэтому не заметили разницы. Все прошло как по маслу.

Я заработала не очень много денег, продавая кислоту, но в те

дни мне много и не надо было. Только немного еды и деньги на развлечения. Самостоятельная жизнь в Олд-Очард-Бич была одним длинным праздником. Я всегда находила ребят, с кем можно было потусоваться, — любителей рок-н-ролла, других беглецов. Мы отправлялись в заброшенные здания или собирались прямо на пляже. Конечно, это не могло длиться бесконечно. Летом там было очень классно, но, как только начало холодать, вечеринка закончилась.

Когда я наконец попыталась вернуться к соседке, она была в бешенстве. Она закрыла меня и сообщила маме, что я не могу больше у нее жить. Мама, которая до сих пор лежала в психиатрической лечебнице, была очень зла. Поскольку никто больше позаботиться обо мне не мог, она договорилась, что я тоже буду жить в больнице. У них была программа для проблемной молодежи. Когда выяснили, что я злоупотребляю наркотиками, меня поселили в палате с еще одним проблемным ребенком.

Хотя формально это была лечебница для душевнобольных, заведение скорее походило на загородный клуб или курорт с минеральными водами. Оно было окружено огромным парком, и из каждой палаты открывался чудесный вид. Еда была потрясающая. Также там можно было заниматься плаванием, настольными играми или просто гулять с такими же ребятами. Если забыть о том, что это была больница, то, возможно, там прошла самая нормальная часть всего моего детства после развода родителей.

Удовольствие это стоило шестьсот долларов в день. Естественно, цена удвоилась, когда появилась я, но папа оплачивал все. Моя палата была симпатичной, а большая часть персонала — прикольной, всем года по двадцать четыре, только-только из колледжа. Они любили брать нас на пляж или в горы. Я радовалась, что снова была рядом с мамой, и, хотя у меня были неприятности, была довольна, что все случилось именно так. Мне там очень нравилось. Я готова была остаться в больнице навсегда или, по крайней мере, до тех пор, пока моя мама не будет готова выписаться. Жаль, что мне не позволили.

Я должна была ходить к психиатру, пока находилась там. И это мне на самом деле тоже нравилось. Психиатра звали Стэнли. Он любил прохаживаться взад-вперед, пока мы разговаривали. Ему досаждали всевозможные нервные тики. Например, он дергал себя за длинные усы. Мне нравилось, что он не был идеален и не пытался скрыть свои тики. Стэнли был весь как на ладони. Ни

капли притворства. Помню, я считала, что из него получился бы славный папа. Там был еще один психиатр — женщина. Она была одета, как школьная учительница из книжки Лоры Уайлдер «Домик в прериях». Ни для кого не было секретом, что Стэнли был от нее без ума. Мы с другими ребятами любили дразнить его по этому поводу. В такие моменты лицо его становилось пунцово-красным.

Мама и люди из больницы, вероятно, не помнят, но я изо всех сил старалась вести себя хорошо, поскольку хотела остаться там. Стэнли умел слушать, а мне было весело с другими детьми. Я регулярно виделась с мамой. Но как-то постепенно, даже несмотря на мои старания, дела начали ухудшаться. Однажды мама нашла в моей комнате пачку сигарет. Мне все еще было только четырнадцать, и она слишком заморачивалась по этому поводу. «Это не мое, мама. Это моей подруги», — оправдывалась я, и это было правдой. Но она мне не поверила и заставила при ней выкурить всю пачку. Так я первый раз в жизни закурила и курю до сих пор. На самом деле я не могу винить маму за то, как сложилась моя жизнь, но курение определенно на ее совести.

Это был первый прокол. Второй раз я прокололась, когда взяла в палату пиво. Но я не собиралась его пить или, по крайней мере, не все. Я просто хотела помыть им волосы, поскольку накануне прочитала в журнале, что волосы полезно мыть пивом раз в месяц. Мы с подругой сделали несколько глотков, а потом попробовали действие пива на волосы. Нам казалось, что все вышло отлично — волосы были абсолютно чистыми. После этого я забросила пустую банку под кровать, где позже ее нашла мама и предъявила мне. Я ей снова сказала правду. Я могла делать плохие вещи, но в целом была весьма честным ребенком. Я просто не была тем ребенком, которому люди легко верят. Я пробыла в больнице только несколько месяцев, а мама уже видела, как я курю и пью. Дела мои были плохи.

Я, возможно, смогла бы отмазаться от обоих проколов. В конце концов, многие дети пробуют сигареты и несколько глотков пива, но последней каплей стал один молодой парень из персонала, который решил, что я ему нравлюсь. Он был из группы, которая водила нас в походы. Бывало, он держал меня за руку, когда мы путешествовали, хотя я уже была подростком и, ясное дело, мне не нужна была помощь, чтобы перейти улицу. Он также приходил ко мне в комнату по вечерам, чтобы поцеловать и пожелать спокойной ночи. Мне нравилось такое внимание, я не думала, что мы делаем что-то плохое, но, когда моя мама и персонал узнали о том, что происходит, это стало моим третьим проколом.

Меня выперли за «половые контакты», если это можно так назвать. Мама меня совсем не поддержала в этом деле. Она просто согласилась, что будет лучше, если я уеду, быстро и тихо.

Уйти пришлось не только мне. Парень, которому нравилось держать меня за руку, был уволен, ему запретили работать в психиатрических заведениях. Могу точно сказать, что со мной поступили довольно сурово, но я честно не знала, что все так получится. С ним тоже поступили сурово (все, что я ему позволяла, так это подержать меня за руку и подоткнуть одеяло), но он должен был знать о последствиях. Я до сих пор удивляюсь, почему он так сильно рисковал, чтобы получить взамен так мало.

Мама еще довольно долго лежала в той больнице. Иногда нам удавалось увидеться, но мы никогда не были близки и никогда больше не жили вместе. Я называла ее «мама-робот», потому что она всегда свято верила в «следование правилам». Чьим правилам, я точно не знаю. Правилам общества, наверное. Но я, очевидно, не дотягивала до ее стандартов хорошего поведения.

После больницы я попала в приют на севере штата Мэн. Это была глухая провинция. Там было не так мило, как в больнице, но зато там был мальчик Доминик. Практически в первый же день он стал моим парнем. Он был веселый, всем нравился, с ним было легко общаться. Это делало мою жизнь в приюте относительно терпимой. Но однажды он сбежал со взрослым парнем по имени Дон. Новости о том, что Дом и Дон дали деру, молниеносно распространились по приюту. Еще быстрее стало известно о том, что полиция их настигла. Сообщили, что Доминик умер, убегая от полиции, — он сорвался со здания на стройплощадке.

Я была очень расстроена, что потеряла его, но хуже всего было то, что все в приюте постоянно скорбели о нем. Атмосфера была угнетающей, и оставаться там не хотелось. Я решила, что если Доминику удалось сбежать, то мне тоже повезет. И я убежала. Но свобода моя длилась недолго. Меня арестовали за кражу сигарет, и я очутилась в другом молодежном центре, который находился в ведении штата. Это было самое ужасное место из тех, где мне довелось побывать, но я вспоминаю его с теплотой, потому что именно там мы с Наташей стали лучшими подругами. Она разделила со мной остатки моего короткого детства.

Хорошо помню тот момент, когда увидела Наташу в первый раз. На самом деле это произошло еще в приюте, где мы жили с Домиником. Там жил ее младший брат, и однажды она пришла его проведать. Как только она вошла в комнату, все мальчики мгновенно прекратили заниматься своими делами и уставились

на нее. Девочки тоже. Она была такой роскошной, что не заметить ее было невозможно. У нее были длинные белокурые волосы и соблазнительная фигура, как у куклы Барби. Она выглядела более взрослой, хотя и была всего лишь на год старше меня. Ее пронзительный взгляд имел магическую силу, и она прекрасно это понимала. Наташа была могущественна и очаровательна. Заметив, что я смотрю на нее, она наградила меня широкой улыбкой. Она не могла мне не понравиться.

В тот день я с ней не общалась, но вскоре у меня появился шанс. Когда я попала в государственный молодежный центр, она уже там жила. Мэн, может быть, и большой штат, но людей в нем так мало, что даже на улицах я постоянно встречала знакомые лица. Тем более в штате Мэн было не так уж много «проблемных детей», а следовательно, и мест, куда нас могли направить. В этом смысле мы были чем-то вроде одной, рассеянной по штату семьи.

— Ты наверняка знаешь моего брата! — сказала мне Наташа, когда поняла, откуда я. Рядом с ней мне тут же стало уютно, и после этого я к ней привязалась. Казалось, что и она была не против. Думаю, я ей тоже понравилась, возможно, потому что надоедала не так сильно, как прочие дети. Она была намного мудрее и опытнее, чем все мы, поэтому дети постоянно спрашивали ее мнение — что она думает об этом, нравится ли ей этот человек, группа или наряд. С ее мнением считались. Она всегда знала, что следует говорить людям, и была слишком милой, чтобы потребовать оставить ее в покое. Все ее уважали, включая меня, но мне лучше всех удавалось это не афишировать.

Все дети в центре должны были заниматься какой-то работой. Нас с Наташей направили на кухню. В наши обязанности входило убирать после обеда. Вообще центр напоминал летний лагерь. Дети жили в семи или восьми коттеджах, построенных рядом, — мальчики на одной стороне, девочки — на другой. И все это на поляне посреди леса. Каждый вечер мы таскали от коттеджа к коттеджу большое пластиковое ведро, в которое собирали объедки, а затем несли на кухню, чтобы выкинуть их. В центре было столько правил и так мало забот, что эта обязанность даже скрашивала наши однообразные дни.

Однажды, когда мы совершали обычный обход коттеджей, Наташа посмотрела на меня и без всякой причины заявила:

— Давай посмотрим, сможем ли мы пробраться в лес!

Я молча согласно улыбнулась. Нам было скучно, а это было хоть какое-то развлечение. Мы побросали ведра и со всех ног бросились к лесу.

Я не думала, что мы сможем убежать далеко, но, к моему

удивлению, нам повезло. Когда мы попали в лес, то и не думали останавливаться. Мы бежали и бежали, пока не выбились из сил. Только тогда остановились передохнуть. Недалеко виднелось несколько домов. К тому времени мы были уже довольно далеко от центра.

Что делать дальше, мы не знали. Было понятно, что в центре вызовут полицию, как только заметят, что нас нет, поэтому выходить из леса мы боялись. Полиция, скорее всего, будет проверять дороги, а значит, появляться возле них тоже не следовало. Мы также не хотели проходить возле домов, а это надо было сделать, чтобы уйти подальше от центра.

— Давай останемся здесь ненадолго, — наконец предложила Наташа. — Когда стемнеет, мы сможем уйти.

Становилось все темнее и темнее, и я начала нервничать. Внезапно наша игра перестала казаться мне веселой. Думаю, Наташа тоже нервничала, но виду не подавала. Вместо этого, чтобы скоротать время, мы тихо пели друг другу любимые песни, которые слышали по радио, — Мелиссы Этеридж, Уитни Хьюстон, Джорджа Майкла. Мы пели песни об отношениях и измене, желании и страсти, обо всех вещах, которые еще не могли понимать, потому что были слишком молоды. Нашим абсолютным фаворитом была песня Фила Коллинза «Вопреки всему». Потом она стала как бы нашим гимном, поскольку мы считали, что все хорошее, что с нами происходило в жизни, происходило именно «вопреки всему». Я думаю, мы пели ее друг другу в ту ночь потому, что хотели сказать, что мы останемся друзьями навсегда, что бы ни случилось, даже если нас поймают или разлучат, а это было вполне вероятно. Детей в подобных заведениях постоянно переводят в другие места, на другие программы или отпускают. Поэтому, хоть я и встречала повсюду знакомых, крепких дружеских отношений ни с кем установить не успевала. Мы с Наташей не хотели, чтобы такое случилось с нами. Эта песня значила для меня так много, что я до сих пор помню большую часть слов: We've shared the laughter and the pain, and even shared the tears / You're the only one who really knew me at all… Oh take a look at me now, well there's just an empty space / And you coming back to me is against all odds and that's what I've got to face[2].

Наверное, мы провели в лесу много часов. Наконец, когда совсем стемнело, Наташа прошептала:

— Давай отсюда выбираться.

Мы тихо пробрались мимо домов к ближайшей дороге. Мы решили идти пешком или поймать попутку. Нашей целью был родной городок Наташи, который находился не очень далеко, там

мы собирались встретиться с ее друзьями детства. Так мы и поступили.

Первое, что мы сделали, когда встретились с друзьями Наташи, так это раздобыли хорошую одежду и косметику. Мы понимали, что нам нужно как можно быстрее уехать из штата Мэн, поскольку нас будут искать, и чем дальше мы уедем, тем в большей безопасности будем. В молодежном центре никогда не было особо весело, поэтому все, что мы хотели сделать в ту ночь, так это закатить вечеринку в честь нашей вновь обретенной свободы. Друзья Наташи развели на пляже костер, одним словом, мы не могли такое пропустить. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что друзья Наташи в основном были старшеклассниками-бездельниками, но в тот момент они казались мне чуть ли не самыми крутыми людьми, которых я видела.

Вряд ли утром следующего дня, когда мы проснулись, даже Наташа, которая была лидером и принимала все важные решения за нас обеих, действительно знала, что делать дальше.

— Мы должны уехать подальше от центра, — вот все, что она сказала, и мы начали ловить попутки.

К ночи, частично на попутках, частично пешком, мы добрались до Массачусетса. Мы были недалеко от Бостона, когда какой-то мужчина остановился, чтобы нас подвезти.

— Если вы согласны, мы можем сейчас пойти ко мне домой, там перекусим, а потом хорошенько выспимся, — предложил он. — Я выезжаю завтра рано утром, поэтому смогу подкинуть вас, куда скажете.

Поскольку мы не ели весь день, то с радостью согласились. Мужчина отвез нас к себе домой, где приготовил ужин, который мы мгновенно съели. Потом мы с Наташей уснули на его кровати.

Я проснулась посреди ночи, не совсем понимая, где я и что происходит. Когда я немного сориентировалась, то поняла, что кровать трясется, и именно эта тряска меня разбудила. Когда я открыла глаза, то увидела, что этот мужчина лежит возле меня на Наташе. Она не смотрела на меня. Благодаря неяркому свету, который проникал сквозь ближайшее окно, я заметила, что ее глаза наполнены слезами. Я знала, что происходит что-то очень плохое, но так испугалась, что просто закрыла глаза и притворилась спящей. Я слышала хрип мужчины, но Наташа не издавала ни единого звука. Она все время молчала.

Я лежала и желала только одного: чтобы этот мужчина оставил нас в покое. Неожиданно я почувствовала, что кто-то притронулся к моей ноге. Я все еще делала вид, что сплю, когда мужчина начал грубо гладить ладонью мое бедро. Я не знала, что

делать, поэтому замерла. Внезапно я почувствовала, что Наташа сбросила его руку с моего бедра, и услышала, как она грубо прошипела:

— Нет! Не ее!

После этого мужчина перестал меня трогать. Я немного приоткрыла один глаз, чтобы посмотреть, не рассердился ли он на Наташу. Но он совсем не казался разозленным. На самом деле он ухмылялся. Он резко закатил ее футболку и начал жадно мять ее груди. Я видела, что Наташе больно. Мужчина щипал ее за соски и не переставал глубоко дышать, пока, казалось, не запыхался. Через несколько секунд он уснул возле Наташи, которая начала тихо плакать. Я не знала, что тут можно поделать, поэтому взяла ее за руку. Наташа не смотрела на меня. Она нежно прикоснулась к моей руке и прошептала:

— Все хорошо. Тебе нужно немного поспать.

Однако заснуть я не смогла. Я полежала немного, слишком напуганная, чтобы шуметь, но чем больше я вот так лежала, тем хуже себя чувствовала. Я боялась, что мужчина может проснуться, а мне совсем не хотелось быть все еще там, когда это случится. Я посмотрела на Наташу и поняла, что она тоже не спит. Я махнула рукой, привлекая ее внимание, и указала на дверь. Мы тихо поднялись и на цыпочках вышли из комнаты.

Прежде чем уйти, мы прихватили несколько нужных вещей: полупустую пачку сигарет и около десяти долларов, которые нашли на кухне. В то время для нас это были большие деньги. Когда мы вышли на улицу, то принялись бежать, пока дом не скрылся из виду. Мы вышли на шоссе и начали снова ловить попутки. На этот раз мы решили, что не поедем с кем попало неизвестно куда. Мы решили, куда поедем. Нам нужно было добраться до Нью-Йорка любой ценой.

Глава 4
Девочки и сутенеры

Несмотря на наши планы побыстрее добраться до большого города, в тот вечер мы попали лишь в Вустер, штат Массачусетс. Мы ехали на юг, и это было правильно, но если вы когда-либо были в Вустере, то должны знать, что он плохая замена Нью-Йорку. Это унылое и мерзкое место, полное шоссейных дорог и дешевых домов. Там был торговый центр, концертный зал и больше ничего, что могло бы заинтересовать двух девочек-подростков. Однако мы задержались в Вустере на несколько месяцев по той простой причине, что мы быстро завели друзей и нашли работу — единственные вещи, которые нам были нужны.

Первые несколько недель мы жили у знакомой Наташи. Однако эта девочка не собиралась терпеть нас вечно, поэтому нам нужно было заводить новые связи. В любом городе дети, которые умирают со скуки и ищут приключений на одно место, в конце концов найдут друг друга. По крайней мере, так мне подсказывал собственный опыт. Мы с Наташей, например, подружились так с членами местной пуэрториканской банды. Нам было скучно, и мы ходили по главной улице, думая, чем бы заняться. Улица проходила мимо места, где жили пуэрториканцы. Их дети от скуки делали то же самое.

— Неу, niñas[3]! — кричали они нам, а поскольку делать нам было нечего, мы им отвечали.

Парни были рады принять нас к себе в банду. Разве плохо, когда две симпатичные девочки ходят за вами повсюду. У некоторых из них были машины, и мы были не против играть роль их «конфеток», пока они возили нас во всякие места. Один из них начал встречаться с Наташей, и, когда нам пришлось съехать от ее подруги, он нас приютил. Нам нужны были деньги, поэтому один из ребят привел нас в местный стрип-бар, где, как он сказал, можно легко заработать. Он познакомил нас с хозяином, и очень быстро мы получили работу. Мы танцевали за сто пятьдесят долларов в день. Хозяин забирал себе все наши чаевые, но я никогда не возмущалась, потому что инстинктивно понимала: так работают все подобные заведения. Хозяин устанавливал свои правила, поскольку брал на себя весь риск, особенно если это касалось таких молодых девочек, как мы. Мне было в то время пятнадцать, и он должен был понимать, что мы несовершеннолетние. Но ему было все равно. Этот человек стал моим первым боссом. Уже тогда я знала, что хотела бы однажды

стать человеком, который устанавливает правила.

Приблизительно через месяц мы с Наташей начали привыкать к самостоятельной жизни. Ничто из того, что с нами случилось, не было запланировано. Мы не сильно полагались на подобные вещи. Чем дольше мы жили сами по себе, тем яснее понимали, что не хотим возвращаться в какое-либо государственное учреждение. Мы обе ненавидели центр, и по сравнению с ним жизнь в этом городке была достаточно интересной. Все происходящее казалось нам большим приключением, и мы вместе его переживали. Мы всегда работали в стрип-баре в одной смене. Так мы могли приглядывать друг за другом. Когда нам нечем было заняться, мы шли в парк и смотрели, как играют в бейсбол. Мы садились на трибуны, выбирали команду, за которую будем болеть, и знакомились со всеми подряд. Просто для смеху. Даже если мы иногда не знали, где будем жить и что есть, нас не сильно пугало то, что никто нам не поможет решить эти проблемы. Мы совсем не понимали, насколько уязвимы были среди чужих людей, когда никто за нами не присматривал.

Вместе мы производили сильное впечатление. Наташа была бледнокожей, фигуристой, с густыми белокурыми волосами до пояса, я же была темнокожей и худой, как жердь. Правда, у меня были такие же длинные волосы, только черные как смоль и шелковистые. Когда ни один из парней не мог повезти нас куда-нибудь, нам приходилось идти пешком. Но, поскольку погода была хорошая, мы не особо расстраивались. А развлекались мы тем, что считали, сколько раз нам свистели и сигналили из проезжавших мимо машин.

В один прекрасный день, отправившись на прогулку до торгового центра, мы наткнулись на трех человек — мужчину и двух девушек. Одна была черная, а другая — белая. Они выглядели лет на восемнадцать. Наташа остановилась, когда увидела их, и, хихикнув, шепнула мне:

— Видишь того парня? Это сутенер!

— Да нет, — возразила я, — он не сутенер.

Я видела сутенера раньше, в Олд-Очард-Бич, когда убежала в первый раз. Он ездил на видавшей виды «тойоте» и всегда ходил в сопровождении одной или двух уставших девушек, которые плелись позади него. Человек, который стоял неподалеку, совсем не был на него похож. Он был симпатичным и упакованным, словно был при хороших деньгах. На нем был костюм от Фенди. Я знала, что это костюм от Фенди, поскольку его брюки и пиджак были полностью покрыты изображениями эмблемы Фенди — латинской буквы «F». Прежде эту эмблему я видела только на женских сумках. Также на нем было больше золота, чем в

Федеральном резерве, — золотые браслеты, перстни и тяжелая золотая цепь на шее. Недалеко стояла машина, бежевый «мерседес», которая, по всей видимости, была его, потому что он постоянно курсировал между ней и девочками.

Наташу позабавила моя наивность. Она была полностью уверена в том, что этот парень сутенер, а те две девочки — его шлюхи, хотя я ей и не верила. Она не могла отвести от них взгляд. Она пристально наблюдала за ними, пытаясь понять, что они там делают.

— Ну, если тебе так интересно, я пойду и узнаю, — наконец сказала я.

Прежде чем она успела возразить, я направилась к ним.

Когда я подошла, парень стоял ко мне спиной. Не обращая внимания на девушек, я сразу же направилась к нему.

— Ты сутенер? — строго спросила я.

— А кто спрашивает? — резко развернувшись, поинтересовался он. Я его застала врасплох, и он был немного сбит с толку вопросом. Но, когда он разглядел меня как следует, сразу расслабился. Он, наверное, весил в два раза больше меня и был, по крайней мере, на голову выше, поэтому я явно не представляла для него никакой угрозы. Было очевидно, что я не легавая и даже не озабоченная горожанка, которая пытается ему досадить. Я была просто молоденькой девочкой, которая не придумала ничего лучше, как заговорить на улице с парнем вроде него.

Он ухмыльнулся и начал со мной заигрывать:

— А ты симпатичная. И что же такая милая девочка, как ты, делает здесь? Разве ты не должна сейчас расслабляться где-нибудь с кем-то, кто может о тебе позаботиться?

Тут он заметил Наташу, которая решила подойти к нам.

— Это твоя подруга? — спросил он, слегка приподняв одну бровь.

— Да, — ответила я.

Он сделал паузу, окинул нас взглядом и проворковал:

— Если вы, девочки, ищете, чем заняться, почему бы нам не погулять вместе? Уверен, мы могли бы неплохо повеселиться.

— Мы не хотим здесь гулять. Здесь скучно, — я все еще говорила за нас двоих, хотя Наташа уже стояла рядом.

— Мы могли бы съездить куда-нибудь, — предложил он. — У меня есть тачка.

— А куда поедем? — наконец спросила Наташа.

— А куда хотите?

— Как насчет Нью-Йорка? — предложила она.

— Я мог бы отвезти вас в Нью-Йорк.

— Мы всегда хотели попасть в Нью-Йорк, но не могли найти колеса.

— Ну, тогда я думаю, нам пора ехать, — лицо парня в модном костюме расплылось в улыбке.

Вскоре мы выяснили, что парня зовут Хулио. Он хотел по пути подобрать приятеля и добавил, что мы уезжаем немедленно. Вероятно, он торопился, чтобы мы не опомнились и не отказались ехать с ним неизвестно куда. Мы были готовы на все, если в конце пути нас ждал Нью-Йорк, поэтому тут же запрыгнули в машину и включили радио. Наконец-то мы ехали туда, куда действительно хотели попасть.

Приятеля Хулио звали Паоло Данте, но все звали его просто Данте. Мне он сразу же понравился. Он был сексуальный, к тому же у него был небольшой черный «мерседес», который казался нам намного круче тачки Хулио. Нельзя сказать, что он обрадовался поездке, как Хулио, но поехать с нами согласился. Когда же мы его попросили, он разрешил нам ехать в его машине. Таким образом, мы отправились в путь на двух машинах. Мы с Наташей ехали с Данте и его девушкой, а Хулио — с одной из девочек на своей бежевой тачке. Нам с Наташей было все равно, как Данте относился к поездке. Мы думали, что стали очень модными, ведь ехали на таких машинах!

Через какое-то время машины свернули с шоссе. Как нам сказали, мы собирались сделать остановку по пути в Нью-Йорк. Так Хулио пытался заставить нас поработать передком. Не то чтобы мы понимали это в то время, но Хулио знал, что делает. Он знал, что Нью-Йорк — это слишком суровое место, где нужно уметь крутиться, и времени изучать основы там не будет. Поэтому он решил, что введет нас в курс дела и заодно заработает немного деньжат.

Когда мы добрались до какого-то города в Коннектикуте, который Хулио, по всей видимости, знал, мы остановились на обочине. Данте не хотел участвовать в затее Хулио и поэтому уехал. Когда мы уселись в машину, Хулио рассказал, что нужно делать. Первое, что мы должны были усвоить: если вдруг появятся легавые, ни за что нельзя говорить им свои настоящие имена. Мое имя на этот вечер было Чайна Уайт. Мне было двадцать три года, и я почти не говорила по-английски. Он придумал мне какой-то липовый адрес, вроде Мейн-стрит, дом 123, или что-то вроде того. Я должна была назвать этот адрес в случае, если бы легавые арестовали меня и начали составлять рапорт. Он заставил нас выучить липовые данные, которые мы в конце концов знали назубок. Потом мы надели короткие платья, и он высадил нас на темном перекрестке.

Мне было страшно. Я взяла Наташу за руку. Мы просто стояли, не зная, что делать дальше, пока девочка Хулио не высунула голову из окна машины и не крикнула нам: «Бегите!» Так мы и сделали, спрятавшись за каким-то зданием. По улице пронеслись две машины. Не знаю, привлек ли их шум, который создавала девочка Хулио, или, может быть, они просто патрулировали свой район. Эти машины оказались полицейскими автомобилями без опознавательных знаков. Для Хулио это был сильный удар, потому что он все еще был неподалеку. Нас всех арестовали, а мы не успели пробыть там даже и получаса.

Так я первый раз попала в тюрьму. Нам пришлось пробыть там всю ночь. Наутро нас выпустили. Не знаю, может кто-то заплатил залог или, возможно, у легавых не было улик против нас. В любом случае вопросов я не задавала. Я просто подписала бумаги, которые мне подсунули, — Чайна Уайт, как мне и было сказано. Потом мы с Наташей и Хулио ушли.

Мы поехали в ближайший мотель и сняли номер. Дела стали налаживаться, когда мы с Наташей поняли, что Данте с подружкой снимают соседний номер. Они провели вместе ночь и теперь заказывали в номер завтрак. Тут появились мы. Данте чуть не лопнул со смеху, когда увидел нас. Он словно хотел этим сказать Хулио: «Я же тебе говорил. Я говорил тебе не связываться с этими девочками».

Однако Хулио не сдавался. Он приказал мне привести себя в порядок и отослал в комнату на первом этаже возле вестибюля, где ждал какой-то парень. Я не знаю, как и когда Хулио успел договориться с ним, но думаю, что это был управляющий мотеля. Это был потный индеец средних лет, от которого разило несвежими специями. Как только я вошла, он, ни слова не говоря, начал меня трогать. Я все еще была девственницей, поэтому меня от этого стало тошнить. Когда он стянул с себя штаны и я увидела его член, меня вырвало прямо на него.

Я сразу же бросилась назад, в комнату Данте, и когда он услышал, что случилось, чуть не лопнул со смеху. К сожалению, только он так весело воспринял эту новость. Парень, на которого меня вырвало, был рассержен. Хулио тоже был рассержен, но послал одну из своих девочек загладить мою вину. Не думаю, что Наташе повезло так же, как мне. Они с Хулио вошли в комнату Данте, и я сразу же поняла, что они были наедине.

Наташа никогда не рассказывала мне о том, что они делали с Хулио, так же, как мы никогда не говорили о том, что сделал с ней тот парень, который подвозил нас от Бостона. Я чувствовала, что лучше не интересоваться подробностями. Дети, с которыми я встречалась в приютах, просто не спрашивали друг друга о таких

вещах. Мы все знали из опыта, что ответы будут невеселыми, поэтому у нас было неписаное правило: не рассказывать о том, как попал в приют.

Наташа не была исключением. Она очень мало говорила о своем прошлом. Единственное, о чем она рассказывала, так это о своем брате. Из ее рассказа я узнала, что она заботилась о нем и защищала, когда они жили дома. Не уверена, что я поняла, от чего она его защищала, но думаю, что ее родители не были хорошими людьми. Она обращалась со мной, как с братом, как с человеком, за которым нужно приглядывать и защищать от жестокого мира. Что бы с нами ни происходило, она всегда говорила мне: «Не беспокойся, все будет хорошо». Но я понимала больше, чем она думала. Когда ты проводишь каждый день, каждый час с одним человеком на протяжении многих месяцев, ты учишься понимать его очень хорошо. Когда в тот день Хулио с Наташей вернулись в комнату, она избегала моего взгляда и была какая-то отрешенная. Я знала, что между ними произошло что-то плохое, и могла догадаться, что именно.

Позже мы снова погрузились в машины и направились на юг. Когда мы наконец добрались до Нью-Йорка, я едва могла в это поверить. Была ночь, когда мы ехали по мосту в Манхэттен, и весь город сиял. Я думала, что это самое прекрасное место, которое я когда-либо видела в жизни. Мы проехали по Таймс-сквер, с его большими сияющими рекламными щитами и толпами людей повсюду. Мы проезжали мимо трансвеститов, которые ходили по улицам, словно они им принадлежали. Когда мы остановились на светофоре, я выглянула из окна и увидела чернокожего парня, на футболке которого было написано «Я люблю Нью-Йорк». На нем была эта футболка, кеды и больше ничего. Его член был выставлен на всеобщее обозрение. Я рассмеялась и пихнула Наташу локтем, чтобы она тоже посмотрела. Я тут же поняла, что это было место без правил, где ты можешь делать все, что тебе хочется, быть тем, кем тебе хочется быть. В ту ночь я влюбилась в этот город.

Хоть и было поздно, когда мы приехали в город, Хулио решил, что нам с Наташей тут же стоит начать работать. Типичный сутенер. Все, о чем он мог думать, так это о деньгах, которые заработает на нас.

Он повез нас прямо на Уэст-Фотиз, где в те времена располагался один из главных городских центров сексуального промысла. То был конец восьмидесятых — время, когда Таймс-сквер еще не стал привлекательным для туризма, а на улицах хозяйничали сутенеры и проститутки. Куда ни глянь, везде можно было увидеть девочек или мальчиков, одетых, как девочки. Они

расхаживали по улицам, гордо приосанившись, и на них были невообразимые наряды: боа и высокие парики, чулки и белье, невероятно высокие каблуки… У всех сутенеров были классные тачки — «роллс-ройсы», «бентли», «ягуары». Они, одетые в разноцветные костюмы и чудные шляпы, околачивались на перекрестках или ездили туда-сюда на машинах, следя за «товаром», а девочки медленно ходили от одного конца квартала до другого. И девочки, и сутенеры были все в золоте и бриллиантах. Казалось, что они очень горды своим внешним видом — чем ярче, тем лучше. Они напоминали павлинов, занятых неким странным брачным ритуалом. Думаю, что сутенеры и проститутки так одевались больше друг для друга, чем для клиентов. На их взгляд, не было лучше никакого иного места или занятия. И никто не прятался. Если ты парень, который ищет компанию, все, что тебе нужно сделать, так это поехать на запад через Таймс-сквер. Там ты найдешь великое представление, а также огромное количество девочек на любой вкус, которые ждут, пока ты выберешь одну из них.

Хулио был за рулем. Он явно был знаком с этим районом. Он остановился у тротуара и, особо не церемонясь, приказал нам снять шорты, чтобы на нас остались одни футболки и трусики.

— Я не хочу, чтобы вы убежали от меня, — объяснил он, пока мы раздевались. — Вы же не хотите бегать по городу в одном белье, поэтому лучше не отходите далеко от машины.

Он дал нам чулки и выгнал на тротуар. Мы не успели ничего сделать, чтобы привлечь клиентов, потому что нас тут же заметили другие сутенеры. Это была их территория, а мы были свежим мясом, на которое они готовы были предъявить права. Несколько человек направились к нам. Казалось, что сейчас будет драка за право сожрать нас первым.

Дальше последовала сцена погони. Я поверить не могла, что вижу это своими глазами. Словно бы отрывок из балаганной комедии. На улице было достаточно тепло, поэтому нам с Наташей было вполне комфортно в одном белье. Наташа, которая была посообразительнее, сразу же схватила меня за руку, как только увидела приближающихся мужчин. Несмотря на то что Хулио хотел сделать так, чтобы мы не могли убежать от него, мы тут же со всех ног бросились наутек. Хулио побежал за нами. Пара других сутенеров бросилась за ним вдогонку. Мы лавировали между людьми и припаркованными машинами. Мы нырнули на водительское сиденье одной машины, которая оказалась незапертой, потом выпрыгнули со стороны пассажирского сиденья, когда один из сутенеров подбежал к машине. Я была такой худой, что чулки, которые мне дал Хулио,

постоянно спадали, и один раз я чуть не упала. Мы с Наташей постоянно хохотали. Нам это казалось большой игрой, но кто знает, чем бы все это закончилось, если бы не подъехал Данте. Вероятно, картинка была бы не самой приятной.

Данте — единственный сутенер из тех, кого я когда-либо знала, у которого была совесть. Ему было отвратительно то, что Хулио хотел с нами сделать, поэтому, как только он побежал, Данте запрыгнул в тачку и поехал за нами. Он притормозил ровно настолько, чтобы мы успели запрыгнуть на заднее сиденье, и моментально добавил газу, оставив Хулио и прочих сутенеров далеко позади. Он выехал из города и не останавливался, пока мы снова не очутились в Массачусетсе. Вот такое было наше большое путешествие в Нью-Йорк. Нам даже не удалось провести там ночь.

Я не сутенер.

Я говорю об этом сейчас, поскольку не хочу, чтобы люди думали, что эти случаи, о которых я рассказываю, превратили меня в то, что я есть сейчас. Да, я училась у сутенеров и шлюх, которых встречала по жизни, но в основном я училась тому, как не быть такой, как они.

Я не понаслышке знаю, как работают сутенеры и почему девочки им подчиняются. Зачем какой-то девочке быть шлюхой у какого-то сутенера? Потому что она начинает жить, руководствуясь совсем другими правилами, а сутенер знает, как дать почувствовать девочке, что она особенная. Любой сутенер будет говорить тебе, что ты роскошна, что ты сексуальна, что ты не похожа ни на одну девушку в этом мире. Как только он привлечет твое внимание, так сразу же скажет что-то вроде: «Почему бы тебе не воспользоваться тем, что ты имеешь, чтобы немного подзаработать? Это же дар. Это нечто, что нужно людям. Это делает тебя личностью». Потом он повезет тебя по всяким модным местам, накупит стильных шмоток, познакомит с серьезными людьми и заставит почувствовать себя на гребне волны. Если слишком долго и внимательно не присматриваться, то мир, который предлагает сутенер, действительно выглядит весьма заманчиво. И какой выбор есть у этих девочек? Молоденьких, бедных девочек, глупых беглянок вроде нас. Таким выбирать особо не приходится. К тому же менее заманчивых вариантов тоже немного.

В те времена было несколько известных сутенеров, о которых в наших кругах знал каждый. Например, Дигги, сутенер с Западного побережья, на которого постоянно работало от десяти до двенадцати девочек. Он держал столько девочек, потому что внушал им, что работа с ним имеет массу преимуществ. Он

заставлял девочек заполнять специальные бумаги, и, если он их принимал, они должны были раз в месяц встречаться с ним (угадайте, что они делали во время этих встреч). Также у него были очень строгие правила в отношении одежды, режима питания и физической формы — его девочки должны были всегда выглядеть потрясающе. Так оно и было. Но девочки были крепко с ним повязаны. Они почти ничего не имели права делать без его ведома. Их квотой была одна тысяча долларов в день.

Был еще Кэнди Мак из Нью-Йорка, на которого тоже работало десять — двенадцать девочек. Он называл их «цыпочки Мака». После десяти лет работы на Кэнди Мака девочки выходили за него замуж. Он действительно любил их. Конечно, он не разводился со старыми, прежде чем жениться на новых. Поэтому его «семья» становилась все больше и больше. Как ни странно, они все казались одной большой счастливой семьей. Думаю, ему помогало то, что он выбирал бисексуалок, поэтому они любили не только его, но и друг друга. И он действительно заботился о них. Его девочки водили классные машины, одевались в модную одежду и меха, носили драгоценности. Когда они работали, он приезжал на большом разукрашенном фургоне, в котором девочки могли переодеться, отдохнуть или перевести дух между клиентами. Он был настоящий игрок, и это мне в нем нравилось.

Тогда попадались разные сутенеры, и разные сутенеры играли в разные игры. Некоторые говорили приятные вещи, чтобы получить контроль над девочками, другие перли напролом. В любом случае сутенеры были неудачниками. Ведь суть работы сутенера заключается в том, что он просто охраняет тебя от других сутенеров. Поиском клиентов и организацией встреч занимались в основном сами девочки, поэтому, если у них неплохо получалось это делать, сутенер им был и не нужен. Кроме того, у сутенера должен быть подвешен язык, иначе он не заставит девочку поверить в то, что она не сможет без него просуществовать. Вот поэтому я ненавижу сутенеров. Они охотятся на слабых, потому что их дерьмо с другими не сработает. Они ничто без девочек, но никогда не позволят им это узнать. Я говорю серьезно: сутенер без проституток — ничто. Сутенер очаровывает девочку, чтобы убедить ее, что она принадлежит ему. Потом он убеждает ее, что без него она ничего не стоит. После этого она не более чем его собственность. Это ужасно, но я легко могла стать одной из этих девочек или даже одним из сутенеров, что еще хуже.

В моем мире титул «сутенер» — это шутка. Друзья любят дразнить меня этим «титулом», а ребята, с которыми я работаю, со смехом называют себя «помощниками сутенера». Это смешно,

потому что данное понятие имеет прямо противоположное значение тому, кто я есть. Ведь сутенер забирает у девочки все деньги и считает, что она ему принадлежит. Сутенеры, с которыми я имела дело, никогда не воспринимали меня всерьез. Даже теперь. И не важно, что я зарабатываю намного больше, чем они, потому что они не воспринимают женщин всерьез. У меня нет времени на таких людей, но тогда у меня было на них время, потому что я не знала ничего другого и они были мне нужны, чтобы выжить.

Даже определение «мадам» для содержательницы борделя весьма иронично. В нашем мире это слово означает женщину, присматривающую за девочками и наставляющую их. Она заботится о девочках, распределяет работу, устанавливает очередность, часто живет с ними в одном доме. Но, на мой взгляд, если о девочке надо так заботиться, то ей совсем не стоит работать, и уж определенно ей не стоит работать на меня.

Я деловая женщина. Предприниматель. Я предлагаю услуги и предоставляю женщинам возможность получить доход, используя мое имя и репутацию, от моих клиентов, которые верят мне. Моя работа состоит в том, чтобы обеспечивать безопасность клиентов и девочек и продавать наши услуги «правильным» людям. Женщины сами решают, работать им на меня или нет. Они ко мне приходят.

Когда я пытаюсь объяснить суть своей работы людям из внешнего мира, которые не знают этой стороны жизни, я говорю, что это словно быть чьим-то агентом. Я знаю все тонкости нашего дела. Я знаю, что девочкам надо делать, чтобы заработать деньги. Я знаю хороших клиентов, которым необходимы подобные услуги, и делаю все возможное, чтобы свести правильных девочек с правильными клиентами. Единственная большая разница между мной и многими талантливыми агентами заключается в том, что я никогда не представляю девочек эксклюзивно, то есть любая девочка может работать на других, подобных мне, или на себя, если потянет. Я не обладаю правами на кого-либо, да и зачем мне это? Мне постоянно нужна свежая кровь, чтобы мои клиенты были довольны, поэтому я не хочу отвечать за девочку и ее благосостояние.

Я никогда не подбираю никого на улице и не заставляю работать на себя, как пытался сделать Хулио. Я никогда не кормлю сладкими разговорами (а разговор — это один из козырей сутенеров). Они гордятся своими ораторскими способностями, которые иначе не назовешь, как чушь собачья. И я никогда не использую несовершеннолетних. Данте тоже этого не делал. Несовершеннолетние не работали на него, но, как я уже

сказала, Данте не был похож на других сутенеров.

Когда мы уехали из Нью-Йорка, Данте повез нас прямо в Бостон, где он жил. Мы с Наташей начали возмущаться. Тогда мы были очень глупыми. Мы потратили столько времени, чтобы попасть в Нью-Йорк, и не могли поверить, что он везет нас назад туда, откуда мы начали наше путешествие. Мы даже не представляли, как нам повезло.

У Данте была девочка, которая на него работала. Ее звали Кайла. Он отвез нас к ней домой. Кайле, похоже, было не больше восемнадцати-девятнадцати лет, но ей нравилось заботиться о нас. Она говорила нам, когда чистить зубы и убирать за собой. Она готовила для нас завтрак и подыскивала нам одежду. Нам казалось, что у нас теперь есть свой собственный дом.

Хулио оставил нас в покое, хотя и знал, где мы находимся. «Он не хочет ударить в грязь лицом», — объяснила Кайла. Хулио знал, что если он приедет за нами, то Данте, вероятно, просто украдет нас снова. Одно дело, когда нас украли в Нью-Йорке, где Хулио никто не знал, и совсем другое — когда девочек крадут на собственной территории сутенера, тем более дважды. Так он будет казаться слабым, а для сутенера репутация — все. Хулио уже выглядел как настоящий неудачник. Он поехал в Нью-Йорк с нами, а вернулся с пустыми руками.

Если Кайла была нам как мать, то Данте — как папочка. Я думала, что он самый классный чувак из тех, кого я встречала. Я втюрилась в него по уши. Он любил музыку и возил меня на концерты таких групп, как 2 Live Crew. Их песни кардинально отличались от песен Фила Коллинза, которые мы с Наташей слушали раньше. Я писала Данте глупые короткие любовные записки и даже предлагала работать на него. Я готова была сделать все что угодно, чтобы угодить ему. Слава богу, он не принял ни одного моего предложения. Данте знал, что я была девственницей, конечно, он понимал, что это ненадолго, учитывая круг людей, среди которых я вращалась, но все же не мог позволить себе испортить меня. На самом деле я думаю, что он немного боялся меня. Когда я пыталась флиртовать с ним, он говорил что-то вроде:

— Если ты и дальше будешь со мной так разговаривать, то подведешь меня под монастырь, — и уходил прочь.

С Наташей была другая история. Она была старше всего на год, но всем казалось, что разница в возрасте у нас намного больше. При росте метр семьдесят Наташа была немного выше меня, и развилась она раньше. У нее было тело женщины, я же выглядела, как маленькая девочка с плоской грудью. Кроме того,

она была опытнее меня, и это было заметно. Она не была девственницей и ясно давала понять, что действительно хочет работать. Она говорила Данте: «Так или иначе, но я буду этим заниматься. Так почему ты не позволяешь мне делать это для тебя?»

Наташа постоянно доставала его этими разговорами. Наконец он сдался. Думаю, он прикинул, что она будет в большей безопасности, работая на него, чем на кого-либо другого.

Вот такая была Наташа. Она была очарована миром сутенеров и проституток. И была очень упрямой. Если она что-либо втемяшивала себе в голову, ее невозможно было переубедить. Она принялась за работу, словно всю жизнь этим занималась. Можно даже сказать, что это у нее получалось естественно. По крайней мере, такое впечатление на меня производили Кайла, Данте и Наташа. Когда Наташа начала работать, они стали оставлять меня одну. Я помню много ужинов, которые готовила сама, а поскольку я не умела этого делать, то это означало много-много лапши быстрого приготовления.

Вскоре Данте начал посылать Наташу на встречи за город. Я помню, какой потерянной чувствовала себя, когда оставалась дома одна. В основном из-за скуки я в свое время убежала из молодежного центра и вот снова застряла в месте, где мне было абсолютно нечего делать. Теперь было даже хуже, потому что я не могла ни с кем поговорить.

На одной тусовке они встретили Уэсли, компьютерного гения, который поступил в Массачусетский технологический институт и быстро сколотил состояние. Когда они встретили его, он уже не был юным дарованием, просто очень смышленым богатым парнем, которому только перевалило за тридцать. Жизнь казалась ему ужасно скучной. Естественно, он влюбился в Наташу с первого взгляда.

Я не знаю точно, чем Уэсли сманил Наташу и Кайлу. Возможно, он рассказал, какая у него классная квартира и сколько денег он готов выбросить на ветер, чтобы доставить им удовольствие, но, вернувшись домой, они поспешили сообщить мне новость.

— Мы переезжаем, — сказала Кайла. Было очевидно, что для нее это захватывающая новость. Не знаю, зачем нам надо было куда-то переезжать, но Уэсли согласился приютить нас всех троих. Я не спрашивала, как проходили переговоры. Думаю, одним из условий Наташи было, что мы едем с ней, а Уэсли с самого начала позволил Наташе делать все что угодно. Мне вся эта затея казалась очередным приключением. Данте тоже не

возражал. На самом деле он был счастлив, что теперь за нас будет отвечать кто-то другой.

Квартира Уэсли на Кендалл-сквер была такой огромной, что каждому досталось по комнате. Мы жили с шиком, как любила Наташа. Она взяла напрокат для нас машины. Ей даже какое-то время посчастливилось водить красный «феррари». Уэсли даже снял для нас номера в отеле «Фор Сизонз» — просто так, чтобы сменить обстановку. Несколько раз мы ходили в торговый центр. В кармане у Наташи была одна из кредитных карточек Уэсли, и мы покупали и покупали, пока не уставали так, что едва передвигали ноги. Видимо, именно тогда у меня зародилась любовь к модной одежде. Но жизнь у Уэсли сильно отличалась от той, какую мы вели раньше. Мы уже не казались одной семьей: Наташа все больше отдалялась. Если не считать редких походов за покупками, мы с ней очень редко гуляли вместе.

Несмотря на то что Наташе нравилось, как Уэсли заботился о ней, сам он ей особо не нравился. Однажды ни с того ни с сего она пришла домой и начала собираться.

— Я встретила одного человека, — как бы между прочим сказала она мне, — и собираюсь с ним жить.

— Я с тобой? — спросила я. Она бросила на меня короткий взгляд и сказала «нет».

Кайла сообщила Уэсли, что Наташа ушла. Она знала парня, с которым сбежала Наташа. Он был наркоторговцем из Буффало, и у меня сложилось впечатление, хоть Кайла этого и не говорила, что он был плохим человеком. Было еще что-то, о чем Кайла не говорила. Этот торговец общался с кучей всяких наркоманов, и Наташа потихоньку подсела на наркоту, причем на тяжелую наркоту. Вероятно, она убежала с ним, потому что он пообещал ей постоянную дозу, а это, в ее понимании, перевешивало квартиру Уэсли и машины. Я знала, что она принимала дурь, но не знала, насколько это серьезно. Теперь, вспоминая те времена, я понимаю, что Кайла и Уэсли прекрасно знали об этой стороне истории, хотя и не говорили на данную тему при мне.

Уэсли так расстроился, что послал меня разыскать Наташу и привезти назад. До того момента водить разрешалось только Кайле и Наташе. Я немного умела водить, но у меня не было прав. Хоть Уэсли дал мне старый, потрепанный «бьюик», я была очень рада, что получила собственную машину.

Уэсли сказал, что отправился бы на розыски сам, только Наташа скорее послушает меня, поскольку любит меня. В этом он был прав, но думаю, что причина была в другом. Несмотря на то что у него в квартире жили три девочки, две из которых были проститутками, причем одна из них еще и несовершеннолетней,

он все еще занимался бизнесом и не мог позволить себе появляться в тех местах, где я собиралась искать Наташу.

Я поехала в Буффало сама. До сих пор помню, какой длинной и унылой была эта поездка. Я думала, что никогда не доеду. Когда я все-таки добралась на место, то обнаружила Наташу в доме торговца. Я не знала, какова будет ее реакция на мое появление. Она сделала вид, что рада меня видеть. Я предложила поехать домой, и она согласилась. Вот так легко.

Я помню, как нам было весело ехать домой вместе. В то время как в Буффало я, казалось, ехала целую вечность, поездка назад прошла очень быстро. Мы говорили об обычных вещах — музыке, одежде и мальчиках. Мы радовались, что снова вместе, и вспоминали места, куда хотели поехать. Мы разговаривали о том, как любим свободу, насколько хорошо не торчать в молодежном центре. Когда по радио включали наши любимые песни, мы опускали стекла и громко пели — так же, как мы делали это, когда прятались в лесу и убегали. Все было, как в старые добрые времена, если могут быть старые времена в пятнадцать или шестнадцать лет.

Но за последнее время действительно многое изменилось. Мы не говорили об отвратительной стороне нашей жизни — о людях, которые хотели заполучить нас и заполучали, о наркотиках, которые все больше затягивали Наташу, о том, как это все иногда пугало. Мы просто не говорили, а зря.

Наше воссоединение было прекрасным, но недолгим. Вскоре Наташа снова покинула нас. На этот раз она вернулась к торговцу, не сказав нам ни слова.

После ухода Наташи мы с Кайлой по-прежнему жили у Уэсли, но это было уже не то. Мы знали, что, хотя он нас и не выгоняет, мы ему не нужны. Однако вскоре я заметила, что, как ни странно, Кайла и Уэсли стали ближе друг другу, я же чувствовала себя, как пятое колесо в телеге. Через несколько лет Кайла вышла замуж за Уэсли и они переехали в пригород. Фильм «Красотка» наяву… Что ж, у некоторых людей жизнь может сложиться подобным образом, но только не у меня. К тому времени мне было почти шестнадцать лет, и я должна была начинать самостоятельную жизнь.

Глава 5
Самостоятельная жизнь

От Уэсли я переехала к своему первому парню (в смысле, к тому, с кем я наконец потеряла девственность). Джексон жил на Род-Айленде, но часто приезжал в Бостон работать. Здесь я с ним и познакомилась. Он так же, как Данте и Хулио, занимался девочками, поэтому у нас было много общих знакомых. Он обратил внимание на меня, когда все вокруг обсуждали Наташу и Кайлу. В те времена этого было достаточно, чтобы я на него запала.

Независимость давалась мне с трудом, а Джексон не был для этого хорошим началом. Он был чокнутым. Когда он бил меня, то приговаривал что-то вроде: «Если ты любишь кого-то, то должен показывать свои чувства. Парень, который этого не делает, по всей видимости, не чувствует ничего».

Джексон был крупным, сильным парнем с телосложением боксера. Он постоянно качался и любил колотить все, что попадало под руку. Помню, однажды он бил меня много часов подряд без остановки, а я просто смотрела, как бегут минуты на настенных часах. Дошло до того, что, когда мы ехали на машине, я держалась за дверную ручку и представляла, как выпрыгиваю из машины на ходу и убегаю. Не знаю, что было хуже — продолжать жить с ним или вывалиться из едущей машины. Если бы мне даже удалось удачно выпрыгнуть, смогла бы я найти легавого или еще кого-нибудь, кто успел бы мне помочь, прежде чем Джексон пришел бы за мной? Я так и не сделала этого, потому что знала, что у меня не получится. Он казался мне слишком сильным и несокрушимым. Я думала, что никто не сможет спасти меня от него. А главное, я действительно верила, что он любит меня и я ему нужна. Я не могла бросить его, потому что, кроме него, у меня никого не было.

Я была в доме Джексона на Род-Айленде, когда его брата поймали при пересечении канадской границы с двумя малолетками. Его замели, и либо кто-то стуканул, либо легавые сами что-то заподозрили, но началось серьезное расследование. Они вышли на Джексона, а потом и на меня.

Когда в полиции узнали, кто я, они послали меня назад в молодежный центр в штате Мэн. Тогда я видела Наташу в последний раз. Она появилась в центре вскоре после того, как там оказалась я, в сопровождении пары служащих. Выглядела Наташа

совершенно разбитой. Ее прекрасные белокурые волосы были грязными и перепутанными, словно воронье гнездо. Когда я ее увидела, то воскликнула:

— Наташа!

Она повернулась и посмотрела на меня пустыми глазами. Я не знаю, почему она не ответила: то ли потому, что была обескуражена, то ли потому, что служащие не позволили ей остановиться возле меня. Может, просто не хотела. Но надеюсь, что причина была все-таки не в этом.

Ее повели прямо в палату с наблюдением, где состояние человека проверяют каждые десять — пятнадцать минут, чтобы убедиться, что он не покончил жизнь самоубийством. Вероятно, она была совсем плоха, если ее засунули туда. И все же я надеялась, что жизнь наладится. В конце концов, не будет же она сидеть в той палате вечно, мы снова начнем с ней общаться и я больше не буду одинока. Но у меня не получилось даже поговорить с ней. Она убежала при первой возможности. Я плакала всю ночь, когда узнала об этом.

Даже тогда я все еще надеялась, что однажды дела Наташи наладятся и мы с ней будем дружить, как прежде. Теперь я понимаю, что дороги назад для нее не было. Такую жизнь она выбрала сама, и я думаю, она знала, чем это закончится. Наташу всегда тянуло к той жизни, словно мотылька на пламя, — стоило только вспомнить, как она была очарована Хулио, как хотела быть проституткой и заставила Данте позволить ей работать, как она смотрела на работающих девочек на улице — даже на тех, на которых большинство из нас старалось не смотреть. Казалось, что это ее судьба. Или, возможно, она считала, что заслуживает такой жизни. Вероятно, я единственный человек, который был с этим не согласен.

Наташа старалась защищать меня. Она всегда находила для нас дом. Если кто-то хотел меня испортить, то она предлагала себя вместо меня. Прежде чем убежать, она убедилась, что я в безопасности. Может, Уэсли был и не самым лучшим кандидатом на роль няньки, но он, по крайней мере, не выгнал меня на улицу и был не опасен. Я думаю, Наташа неслучайно подстроила ту ситуацию, прежде чем сбежать. Я тоже легко могла стать проституткой, и какой-нибудь сутенер кормил бы меня наркотиками, рассказывал, что делать, и защищал на улице от других сутенеров. Но я не стала такой, и я знаю, как мне повезло. Поверьте, уж я-то знаю. И я должна благодарить Наташу за то, что она помогла мне пробиться через самые сложные годы относительно без потерь.

Я думаю, что Наташа уже мертва. Если ее не убили

наркотики, то что-нибудь другое, не менее мерзкое. Несколько лет спустя я узнала, что Хулио, как и одна из его девочек, умер от СПИДа, а я уверена, что Наташа спала с ним, по крайней мере один раз. Я также слышала, что Наташа работала в одном очень плохом месте, полном грязных нариков. Что угодно из всего этого могло убить Наташу, и я боюсь, что это было болезненно и отвратительно. Многие люди, возможно, со мной не согласятся, но я считаю, что она в этой жизни заслуживала лучшего.

Вскоре я тоже сбежала из молодежного центра. Мне никогда не нравилось жить в подобных местах, а после того, как я узнала вкус настоящей свободы, молодежный центр был просто невыносим. Это место, по большому счету, напоминало тюрьму для несовершеннолетних. Поскольку я уже убегала из центра, меня не могли поселить в большом здании, похожем на общежитие. Вместо этого меня запихнули в другое здание, где мне приходилось проводить большую часть времени в крохотной комнате с замком на двери, в которой была только кровать. Личных вещей иметь не позволялось. Обычные воспитанники носили зеленую форму, у таких же, как я, которые пытались убегать, была оранжевая форма, чтобы нас было легче обнаружить.

Даже тогда, когда нам позволяли выходить из комнат, нас строго контролировали. Был телевизор, но мы смотрели только то, что выбирали служащие центра. Мы могли играть в карты или писать письма, но это быстро надоело. Да и кому я могла писать письма? Помню, как я часами ходила по комнате взад-вперед, чтобы просто размяться. Вероятно, со стороны я выглядела, как зверь в клетке. По крайней мере, я себя так чувствовала.

Сейчас часть меня жалеет, что я не осталась там, а вернулась к Джексону. Но когда я была в центре, я считала, что это худшее место на земле. Я потеряла лучшую подругу, а Джексон был единственным человеком, которому не было на меня наплевать. Одним словом, при первом удобном случае я убежала.

Больше я ни в каких центрах не жила. До восемнадцати лет я ни разу не попалась, а потом уже не была никому нужна. Я научилась неплохо врать, поэтому, когда меня ловили за что-то (за драки, или распитие спиртного, или за нарушение правил дорожного движения, или слишком большое количество штрафных талонов), легавые не могли определить, что я воспитанница центра в штате Мэн, поскольку я не говорила им свое настоящее имя и откуда я родом. Первые пару раз, когда меня арестовывали, я была очень напугана, но вскоре поняла, что с ними очень легко иметь дело. У меня даже был список выдуманных имен. Так было веселее. Я обычно говорила, что

меня зовут Энджел (это имя казалось мне особо забавным, потому что у меня было мало общего с ангелами) или Роксанна, как в одной популярной песне. Для обозначения фамилии я также вспомнила несколько корейских слов. Одним из самых любимых было «халмуни», которое переводится как «бабушка». Энджел Халмуни. Легавые обычно заявляли, что я пудрю им мозги, но им было все равно. Меня никогда не забирали за что-либо серьезное, чтобы они заинтересовались мной. Я любила представлять, как какой-нибудь легавый-кореец читает рапорт о моем задержании и громко смеется. Эта уловка работала много лет. Она бы работала и до сих пор, но теперь я очень стараюсь, чтобы меня не арестовывали.

Чтобы заработать денег, пока я жила с Джексоном (поскольку он никогда не давал мне много), я танцевала в стрип-барах в Бостоне и его окрестностях. В одном чистеньком баре я встретила Андре. Он был такой клевый, что я не могла не заметить его, когда он вошел в бар. Он ездил на белом «кадиллаке» и носил красивую одежду, в основном костюмы, сшитые на заказ, которые прекрасно сидели на его высокой фигуре. На нем всегда было либо норковое пальто, либо в холодную погоду — лисья куртка «пилот», а пальцы украшали огромные, дорогущие бриллианты. Он был высокий, симпатичный, с темными глазами, темной кожей и темными волосами, что выделяло его среди всех неудачников, которые посещали этот бар. Он также был заметен благодаря тому, что выглядел зрелым. Ему перевалило за тридцать, и он знал, как разговаривать с женщинами. Большинство мужчин, которые приходили в клуб, заставляли меня чувствовать, что я зарабатываю деньги тяжелым трудом. В основном они были пьяными, грубыми кретинами. Но только не Андре. Когда он появлялся, все девчонки были рады уделить ему свое внимание.

Однажды я танцевала неподалеку от него, когда услышала, как он снимает одну из наших девочек. Я навострила уши, когда он начал диктовать номер своего телефона. Я повторяла цифры про себя снова и снова, пока у меня не появилась минутка, когда я смогла сбежать со сцены и записать их. Я не собиралась ему звонить, но знала, что зачем-то мне нужен его номер.

С тех пор не только я наблюдала за Андре, но и он поглядывал на меня. Он приходил достаточно часто, чтобы заметить, что я постоянно в синяках и кровоподтеках. Многое не спрячешь, если ты стриптизерша, но иногда я надевала во время танца солнцезащитные очки. Я надеялась, что ребята, если они об этом подумают, решат, что это просто прикольный фетиш или что у меня похмелье. Они не должны были знать, что я что-то прячу.

Андре всегда знал, что происходит. Однажды он оттащил меня в сторонку, посмотрел мне в глаза сквозь очки и сказал: «Это тебе не нужно». Он не уточнил, что именно мне не нужно, но я догадалась. В то время мне никто такого не говорил.

Джексон был из тех парней, которые озлоблены на весь белый свет. Он любил вымещать злость на мне. Честно говоря, у него были причины для расстройства. Незадолго до того, как я его встретила, любовь всей его жизни, Рейчел, была похищена, заперта на складе, подвешена к потолку и содомирована различными предметами, потом убита и брошена гнить в таком виде. Ее обнаженное разлагающееся тело было найдено лишь спустя какое-то время. Тогда полиция не обнаружила, кто это сделал, и из-за всей этой истории Джексон немного съехал с катушек. Неизвестно, был ли он до того хорошим парнем или нет (по-моему, он всегда был засранцем), но я знаю наверняка, что это убийство не давало ему спать спокойно.

Позже я узнала, что парнем, который убил Рейчел, оказался Джоел Рифкин, который был одним из самых отъявленных серийных убийц страны. Я сидела в камере временного содержания в Нью-Йорке, когда его поймали. Тогда я уже давно бросила Джексона. А в камеру я попала во время обычной облавы на мой азиатский «салон массажа». Я сидела на полу и играла с какими-то девочками в карты. Я посмотрела на экран телевизора, по которому показывали местные новости. Полиция преследовала грузовик на федеральной автостраде. Его хотели остановить за то, что у него не было номерных знаков, но шофер этого не знал и пытался смыться. Погоня закончилась тем, что он врезался в столб. Потом в грузовике нашли труп проститутки.

Я смеялась над тем, какой же он тупой. Показали его фотографию. Это был Джоел Рифкин, и я сразу же его узнала. Он несколько раз приходил в один из клубов, где я работала. Я даже раз или два танцевала для него. Он много раз пользовался услугами проституток, но ничего плохого с ними не случалось. Большую часть времени он вел себя как обыкновенный клиент, поэтому мы не знали, что нам стоит его бояться. Иногда люди мгновенно преображаются без предупреждения, но у меня это плохо укладывается в голове. Когда я увидела его лицо по телевизору, то начала повторять снова и снова, без остановки: «Я знаю этого парня, я знаю этого парня…» Думаю, у меня был шок. Я вся похолодела и дала зарок никогда не смотреть новости. Я до сих пор не нарушила его.

Позже я выяснила, что Рифкин охотился на экзотических проституток. Он искал их в стрип-барах в больших городах. В таких как Бостон, Нью-Йорк и в их окрестностях. Поэтому я

знакома с несколькими людьми, которым доводилось с ним сталкиваться. Я не знаю, почему он выбирал именно таких женщин, но у него, по всей видимости, были причины. Один друг рассказал мне, что он убил одну девочку, которую я знала, — красивую испанку по имени Венера. Она была на пятом месяце беременности, когда он схватил ее. Он вырезал младенца и оставил оба тела в разных мусорных баках в Центральном парке. Теперь я не хожу в Центральный парк.

То, что произошло с девушкой Джексона, люди просто не могут забыть. В конце концов я начала понимать, что Джексон уже никогда не изменится. Мысль о том, что он всегда будет такой, напугала меня даже больше, чем побои. Однажды ночью он начал так сильно лупить меня, что мне пришлось закрыться в ванной, чтобы защитить себя.

В тот момент на мне была одна пижама, в кармане я обнаружила одиннадцать долларов и пару носков. Я решила лучше вылезти через окно, чем иметь дело с Джексоном. Так я осталась одна, почти без одежды, и единственная вещь, о которой я думала, — это о звонке Андре. Я запомнила его номер, поэтому направилась к ближайшему таксофону. К счастью, он ответил и не повесил трубку, когда я начала плакать навзрыд. Он просто спросил, что стряслось. Когда я ему рассказала, он приказал:

— Оставайся на месте. Я пошлю кого-нибудь, чтобы забрал тебя.

Андре привез меня на квартиру одной своей «девочки». По крайней мере, он так сказал. Позже я узнала, что она была его женой. Она сразу же почувствовала во мне соперницу и была не очень приветлива, особенно когда узнала, что я останусь на какое-то время. Андре велел ей найти мне какую-нибудь одежду. Она принесла страшные шмотки, в которых я выглядела ужасно. Чтобы задобрить жену, Андре купил ей кольцо с бриллиантом, но это мало помогло. Ей было невыносимо терпеть меня у себя, и она этого не скрывала. Очень скоро Андре приехал за мной и забрал в другое место. Это была квартира с двумя спальнями в коттеджном поселке возле Бостона. Она была большой и красивой. Я чувствовала там себя в безопасности. Это был наш дом.

После этого Андре стал для меня всем миром. Когда я въехала туда вместе с ним, я поняла, что ничего не знала. Я имею в виду, вообще ничего. Я уже жила самостоятельной жизнью несколько лет. Были взлеты, были падения, но все это было несерьезно. Андре взял меня под крыло, но что важнее, он научил меня жить. Он начал с основ, показав, как готовить завтрак, как убирать за собой, как заботиться о себе. Каждому мужчине нужно,

чтобы рядом была сильная женщина, а каждому игроку нужна жена. Я приняла на себя эту роль для Андре. Я инстинктивно чувствовала, что он сделает из меня прекрасную девушку, а я была в том возрасте, когда это еще можно было сделать.

Андре много умел и знал. Он занимался многими вещами. Кроме того, что он содержал нескольких девочек, у него было несколько вполне легальных проектов, в том числе парикмахерская в Бостоне. Но в основном Андре занимался наркотиками. Он умел обращаться с деньгами, поэтому, когда мы закончили изучать кухонные премудрости, Андре начал обучать меня основам экономики.

Еще одной вещью, которой научил меня Андре, было уважение. В то время у меня его не было, и он сказал, что, если я собираюсь выжить, мне нужно его развить. Если бы не Андре с его наукой, кто знает, где бы я была сейчас.

В нашем мире было только два пути заработать уважительное отношение к себе. Первый путь — деньги. Люди уважают, если у тебя есть много денег. Когда мы гуляли, Андре всегда устраивал показуху, тратя много денег. Одежда, которую он носил, его машины, алкоголь — все было намеренно дорогим, и этого нельзя было не заметить. То же самое касалось меня. Я была его призом, поэтому должна была хорошо выглядеть. У меня появились замшевые и кожаные брюки, сапоги из крокодильей кожи, а через месяц совместной жизни — роскошная норковая шуба до пят с лисьей подкладкой. Через два месяца он подарил мне перстень с камнем, который стоял много-много тысяч зеленых.

Второй путь заработать уважение — насилие. Люди уважают тебя, если боятся. Андре в большинстве случаев зарабатывал уважение первым способом, но насилие (или угроза насилия) было намного эффективнее, а он знал, как и когда использовать этот метод. Андре не гнушался использовать насилие, когда хотел что-то получить. Люди знали, что с ним лучше не связываться, а вскоре они поняли, что со мной тоже лучше этого не делать. Однажды вечером, когда мы гуляли с его друзьями, я пожаловалась на что-то, и один его приятель назвал меня сукой. Андре холодно посмотрел на него.

— Возьми свои слова обратно, — тихо и спокойно сказал он. — Сука — ты.

Потом Андре шепнул что-то парню, сидящему рядом, тот кивнул и тут же покинул нас. Между тем парень, который назвал меня сукой, пытался объясниться, почему он так сказал. Словно это что-то меняло.

Очень скоро партнер Андре (всех своих корешей он называл партнерами) вернулся с банкой еды для собак и передал ему.

— Кто теперь сука? — спросил Андре. Он снял крышку с банки и протянул тому парню, который унизил меня.

Парень знал, что если он не возьмет эту банку, то едва ли вернется домой в целости и сохранности. Он бросил на меня взгляд и взял банку. Андре заставил его опуститься на четвереньки перед нами и съесть весь собачий корм. После этого Андре не обращал на парня внимания, словно тот не существовал. Бедняга больше никогда со мной не разговаривал. Тогда я поняла, насколько эффективно дать всем понять, что ты не боишься использовать немного насилия.

Но на самом деле Андре заработал уважение третьим, необычным способом. Он был честным парнем. Он никогда не говорил об этом, но я знала, что люди уважали его за то, что он не был треплом. Если он говорил, что наркотики будут стоить столько, то именно такая цена у них и была. Он не менял условий сделки в последнюю минуту и не пользовался тяжелым положением человека, чтобы получить выгоду. Он не был мелким воришкой, поэтому люди его уважали. Более того, они хотели вести с ним дела.

Именно Андре организовал для меня первое дело. Моим партнером была таиландка Сьюзи. Едва ли вы встречали такую симпатягу. Она была старше меня, но выглядела намного моложе. Должно быть, ей было около двадцати одного года, поскольку ее всегда обслуживали в барах и клубах, в которые мы ходили. А может быть, и нет. Я не дала бы ей и восемнадцати. Ни один бармен не отказался бы обслужить такую красотку.

Мы с Андре в те времена курсировали между Бостоном и Нью-Йорком. Андре говорил, что это «ради дела», но я поначалу не знала, в чем это дело заключается. Я знала только то, что при каждой поездке в Нью-Йорк мы прекрасно проводили время. Мы ели в дорогих ресторанах и зависали с классными людьми, которые одевались, как Андре. Он тусовался с компанией рэперов. Мы ходили на их концерты, съемки клипов и пили бутылками «Дом Периньон», который постоянно лежал на льду в их больших машинах. Андре одевал меня в меха и бриллианты, чтобы повести в клуб. Я едва ли могла с ним сравниться — почти на голову ниже и все еще худая, как жердь. Но мы всегда выглядели весьма эффектно, куда бы ни подались.

В первый раз, когда я встретила Сьюзи, она попыталась подцепить меня. Она просто подошла ко мне в одном из нью-йоркских клубов. Миниатюрная девочка с топорщащимися черными волосами, которая была довольно грубой особой, но в то же время умудрялась оставаться очень женственной и милой. Она была уверена в себе, поэтому мне сразу понравилась. Подцепить

меня ей не удалось, потому что я была очень привязана к Андре, к тому же я не бисексуалка. Поэтому мы решили стать деловыми партнерами. Мне было около семнадцати лет.

Сьюзи была родом из Таиланда, когда ей исполнилось тринадцать, она вышла замуж за влиятельного бизнесмена, основателя и владельца одной из ведущих японских корпораций. Брак организовали ее родители, и она стала его пятой женой. Естественно, она его ненавидела и сбежала, как только подвернулась возможность. Думаю, одной из причин, почему она стала лесбиянкой, была ее ненависть к нему. Я никогда не знала точно, как ей удалось улизнуть и почему он не пришел за ней. Может, он и пытался, но она, казалось, не боялась, что он ее настигнет.

Андре всегда искал новые деловые возможности, и мне он тоже хотел найти что-нибудь. Я была очень молода и считала его лучшим во всем мире. Я запала на него, ходила за ним хвостом и этим его сильно раздражала. Он был хорошим парнем, поэтому никогда не выкинул бы меня на улицу и не сказал бы, чтобы я убиралась. Да и потом, куда бы я пошла? Но я его стесняла, и он решил организовать для меня какой-нибудь проект, чтобы я была при деле и не путалась под ногами. Поэтому, когда Сьюзи подкинула идею, он дал мне денег на то, чтобы мы с ней основали бордель.

В то время мы уже жили в Форт-Ли, штат Нью-Джерси, и я прошла путь до личного казначея Андре. Также я многое узнала о торговле наркотиками, которой он занимался. Я хранила его деньги, а раз в месяц отвозила их в банк, который располагался в тридцати милях от нашего дома, чтобы положить на его депозит. Именно Андре научил меня, что десять тысяч долларов в стодолларовых банкнотах прекрасно помещаются в небольшом пластиковом пакете. Этот фокус я все еще использую, чтобы отслеживать наличность, которая у меня есть на руках. От него я также узнала, что люди вроде нас могут хранить в полной безопасности деньги в банке, если они лежат на депозите на ответственном хранении, а не на счете. Когда мне исполнилось семнадцать, он подарил мне «кадиллак», чтобы я могла ездить по своим делам. Я также танцевала в стрип-баре «Бодишоп» на пересечении Сто двадцать третьей и Лексингтон в Гарлеме, но Андре был прав — даже с учетом танцев и выполнения его поручений у меня оставалось слишком много свободного времени.

Для борделя мы с Сьюзи арендовали целый этаж коммерческого здания на Двадцать первой в Манхэттене. Когда

мы получили его, это была огромная, открытая территория, похожая на пустующий склад. Поэтому мы наняли людей, чтобы они сделали это помещение удобным для работы. Были отгорожены шесть кабинок, в каждой из которых разместили двухместный матрас на небольшом возвышении и стул для одежды в углу, и оставался еще узкий проход. Белые стены, никаких излишеств, никаких украшений… Также большая территория была отведена под душевые для девочек на одной стороне и под массажные столы для клиентов — на другой.

Когда клиент приходил к нам, он платил за вход от сорока до шестидесяти долларов, покупая право на массаж на одном из тех массажных столов. Девочки сидели на лавках, поставленных по периметру прихожей комнаты в самых соблазнительных и откровенных позах. Клиент выбирал девочку по вкусу, и они отправлялись на массаж. Если он хотел продолжения в одной из кабинок, то договаривался непосредственно с девочкой. За «чаевые» в сто двадцать долларов девочка могла ему подрочить, а еще за двести он получал секс. Девочки умели договариваться даже с дельцами, которые были нашими основными посетителями, хотя к нам приходили разные люди.

Чтобы привлечь клиентов, мы размещали рекламные заметки на последних страницах таких журналов, как «Девочки» и «Фишка», и в газетах вроде «Деревенский голос». В рекламные объявления мы добавляли фотографии молодых азиаток, что также привлекало женщин, ищущих работу. Мы были не слишком разборчивы в отношении тех, кого нанимали, — это могла быть практически любая женщина с нормальной внешностью. У нас работали разные девочки — не только молодые, бедные и беспомощные. Большинство из них были или из Таиланда, или из Кореи. На самом деле больше всего денег зарабатывала шестидесятилетняя кореянка. Она не стесняясь сообщила нам свой возраст, поскольку выглядела на тридцать и без проблем привлекала мужчин. Почти по всему телу у нее были татуировки.

Одной из моих любимых девочек (мы с ней даже сильно подружились) была двадцатилетняя китаянка, но ей давали максимум девятнадцать. Звали ее Кароль, она выросла в Чайна-тауне с девятью старшими братьями, которые все были в банде. Братья присматривали за ней, контролируя почти каждый ее шаг. Ей не позволяли ходить на свидания, поэтому она вышла замуж очень рано. Думаю, чтобы избавиться от опеки братьев, хотя мы никогда не обсуждали, почему она это сделала. У нас было не принято задавать вопросы вроде «Почему мы здесь?», «Почему мы занимаемся этим?». Если кому-то и было это интересно, вслух он об этом не говорил. Все было так, как оно было. И точка.

Кароль ненавидела мужа. Она, бывало, говорила: «Уф. Вторник. Мне надо идти домой и трахать мужа» — словно это была стирка или еще что-то в этом роде. Она была неуравновешенна. Кароль выглядела невинной, почти как маленькая девочка, но вы никогда не знали, что она вякнет в следующую минуту. Кароль работала время от времени, а когда работала, то обслуживала одного-двух клиентов и шла домой. Секс на самом деле ей не слишком нравился. Кароль говорила, что она настолько маленькая, что секс причиняет ей боль.

Кароль никогда не рассказывала, почему пришла к нам. Может, так она хотела отомстить мужу, или братьям, или всем мужчинам в ее жизни. Казалось, что деньги ее не сильно интересуют. Возможно, она просто хотела пойти куда-нибудь, где бы люди ее принимали. Отдельно от рабочей зоны у нас была частная зона с кухней и комнатой для отдыха девочек. Когда женщины не работали, они могли поиграть в карты или другие игры, перекусить или просто попить чаю и посплетничать. С самого начала наше заведение было местом, где люди могли собираться и тусоваться.

Когда я заметила, как людям нравится у нас тусоваться, у меня появилась еще одна идея насчет того, как делать деньги. Как я уже говорила, у меня есть предпринимательская жилка, поскольку я постоянно думаю о подобных вещах. Когда мне было нечего делать, я оказывалась в барах, где играла на автоматах (начало небольшой проблемы, которая привела потом к большим неприятностям). Я знала, сколько денег спустила на этих автоматах, поэтому заказала парочку для борделя, чтобы девочки или клиенты могли поиграть между делом. Это стало настоящим событием, а позже — плохой привычкой некоторых девочек, которые никак не могли остановиться.

Оказалось, что работы у меня немного, потому что без всякого руководства заведение работало, как хорошо смазанный механизм. У меня постоянно работало около пятнадцати девочек, а некоторые просто жили в нашем заведении. Они использовали кабинки как спальни, когда в них никто не работал. Кроме расходов на ремонт, особых трат у нас не было. Мы наняли охранников. Один дежурил днем, еще двое приходили на ночь, поэтому мы могли работать круглосуточно. Поскольку основная нагрузка приходилась на ночь, никто из соседей по зданию, которые работали днем — сотрудники складов одежды и прочие, — не знали, что у нас происходит. А если и знали, то никто нас никогда не тревожил.

Бордель сделал то, на что надеялся Андре, — теперь у меня

было место, куда я могла пойти, когда это надо было мне (или ему). Я любила играть на автоматах и общаться с девочками, поэтому я проводила там массу времени. Все «барышни» были старше меня, а в культурах Азии, откуда они в большинстве своем были родом, младшие делают то, что им говорят старшие. Хотя я формально была их боссом, они всегда говорили мне, что делать, и посылали за сигаретами и лаком для ногтей. Они не давали мне бездельничать, и я всегда делала то, о чем меня просили.

Особенно надеялась на меня Мамазан, если ей нужна была помощь. Ей было за пятьдесят, и ее работа заключалась в заботе о девочках, уборке и приготовлении пищи для них. Мы часто называли ее «охама», что по-корейски означает «смотритель». Она тоже там жила. Когда заведение закрыли легавые, ее единственную не забрали в тюрьму. Она не переставала повторять снова и снова: «Мамазан я». Легавые знали, что это значит. Каждое место вроде нашего имеет свою Мамазан, что-то вроде матушки притона, престарелой женщины, которая заботится о заведении. Полиция обычно сочувствует таким людям. Если бы они знали, сколько эти женщины зарабатывают, то не были бы столь великодушны. Нашей Мамазан платили сами девочки. Каждая давала ей двести пятьдесят долларов в неделю. Это называлось «карманные деньги», какую-то их часть Мамазан тратила на нужды заведения, но львиную долю посылала семье в Корею. В среднем у нас работало около пятнадцати девочек, поэтому можете посчитать сами.

Мы проработали четыре месяца, когда наконец пришли легавые. Я точно не знаю, как они нас нашли, но их приход никого особо не удивил и не испугал. Как я уже говорила, мы давали рекламу в информационных источниках, поэтому нас едва ли было сложно отыскать. Ведь держать бордель в те времена означало лишь, как долго ты сможешь продержаться, прежде чем тебя словят. В некотором смысле, как азартная игра. Легавые прошлись по борделю и арестовали всех, кроме Мамазан. Они привезли нас в отделение и оформили. Наш бизнес их особо не интересовал. Они просто хотели, чтобы отчетность по количеству арестов выглядела как надо. Не забывайте, это была эра Джулиани. Поэтому на следующее утро, после того как они заполнили документы и подсчитали количество арестов, нас выпустили на свободу. Никто из нас не сообщил свое настоящее имя. Если бы легавые знали, что я была одной из владельцев борделя, я бы так легко не отделалась. Но я прикинулась проституткой, которая плохо «говорить по-английски». Кроме того, я была азиатка, как большинство девочек, и подросток. Конечно, легавые поверили мне и отпустили. Мы с Сьюзи

выглядели совсем как дети: каждая весила не больше сорока пяти килограммов. Никто бы не поверил, что пара девчушек могли заведовать таким местом. Большинству людей до сих пор сложно поверить в подобные вещи.

Глава 6
Балтимор, или Еще хуже

Андре мог быть честным парнем в бизнесе, но в личной жизни он придерживался других правил. Он так часто оставлял меня одну и с такой неохотой рассказывал, куда ходил и что делал, что я начала подозревать измену. Конечно, для него это не была измена. Предполагалось, что я буду верна, но это правило не распространялось на такого жулика, как он. Тем не менее я чувствовала себя обманутой или, по крайней мере, забытой, поэтому решила обыграть Андре по его же правилам. Однажды, когда мы «занимались каждый своим делом» (что означало, что он шлялся с другой женщиной), я закрутила с горячим танцором чиппендейла, которого встретила, когда пошла с моими тайскими подругами на представление. С тех пор я испытываю слабость к танцорам. Все это было затеяно для того, чтобы отомстить Андре, но он даже не заметил. Он был слишком занят поездками в Калифорнию, где, как я узнала позже, у него была другая женщина, мать поп-звезды.

Я окончательно убедилась в ее существовании, когда он в конце концов взял меня в Калифорнию. Он сказал, что мы едем «в отпуск», но, когда мы туда приехали, постоянно бросал меня одну в гостинице. Когда он наконец признался мне, где и с кем был, я была вне себя от ярости. Я была уверена, что это была не единственная женщина, с которой он «валялся на сене», но с ней это был не просто случайный секс, у них были настоящие отношения.

Как раз перед нашей поездкой в Калифорнию я поняла, что беременна. Я решила пока не говорить Андре, поскольку подозревала его в связи с другими женщинами, а когда они подтвердились, поклялась, что он об этом никогда не узнает. Я села на первый возможный самолет, добралась до дома и вскоре, упаковав вещи, уже садилась на поезд. Мне было все равно, куда я поеду, только бы подальше. Я снова убегала и, в какой-то мере, даже была этому рада. В те времена мне нравилось кататься на поездах. Я тогда наездила столько километров, что мне, вероятно, стоило купить часть акций железнодорожной компании.

Путешествие мое закончилось в Балтиморе. Я не знала, что буду делать, поэтому пошла в приют, чтобы переночевать. Поскольку я выглядела очень молодо, сотрудники приюта начали задавать вопросы. Я сказала, что беременна и только что бросила парня. Мне казалось, что этого объяснения вполне достаточно.

Однако вместо этого мне начали задавать новые вопросы. Меня спросили, обижал ли он меня, и я сказала правду, что иногда он меня колотил.

У Андре отличное деловое правило не пробовать товар, но он никогда не мог следовать ему беспрекословно. Он был хорошим парнем большую часть времени, но он также был героиновым наркоманом до того, как я его встретила. Ему не нравилось такое положение дел, и он изо всех сил старался избавиться от зависимости. Он бросал на время, но потом я замечала, что он возвращается на старую дорожку. Обычно это начиналось с какой-нибудь травки, за которой следовало нечто потяжелее и, наконец, крэк[4]. Так он и болтался туда-сюда годы напролет. Пока мы были вместе, я думала, что мы поженимся, но я уже тогда отлично понимала, что есть два Андре. Один помог мне выкрутиться из передряги и научил, как заботиться о себе. А другой был наркоманом. Эта его сторона была не очень симпатичной, он часто срывался на мне, когда был под кайфом.

Когда я добралась до приюта, то была так зла, что не слишком задумывалась о его хорошей стороне. Уверена, что описала его довольно плохим человеком, когда рассказывала о наших отношениях. Не знаю, почему я была так честна с ними. У меня нет привычки быть откровенной с незнакомцами, если речь заходит обо мне или моей личной жизни. Но, может быть, меня заставил это сделать инстинкт самосохранения. Каждое слово правды, казалось, все дальше и дальше отдаляло меня от него. Чем больше я рассказывала о наших отношениях, тем сложнее мне было вернуться к нему. Если бы тогда вы спросили меня, почему я бросила Андре, то я бы сказала, что всему виной другая женщина или женщины. Но сейчас я подозреваю, что были и другие причины. Андре всегда был бы главным в нашей паре. Я никоим образом не смогла бы получить даже малую частичку власти. Чтобы понять, могу ли я получить власть, я должна была уйти от него. Уже тогда я знала, что не хочу, чтобы кто-то имел власть надо мной всю оставшуюся жизнь, пускай я даже буду любить этого человека.

Очень скоро я снова паковала вещи, потому что меня переводили в другое место. Поскольку я была молодой и беременной, меня перевели в приют для женщин, подвергающихся избиению. До этого я была в приюте для бездомных. Я не думала о себе как о «женщине, которую постоянно избивают», но, вероятно, в приюте посчитали, что я сбежала от Андре, потому что он был опасен, а не из-за его ветрености. Мне было все равно, что в приюте думают об этом. Сочувствие было приятным, но главным было то, что тут я могла

переждать нелегкие для себя времена. Первый приют, в любом случае, был настоящим цирком, поэтому я была рада переехать на новое место. По крайней мере, приют для избиваемых женщин был чище и безопаснее.

Второй приют организовал аборт. Я не собиралась возвращаться к Андре, а заботиться о ребенке в одиночку просто не смогла бы. Это я знала точно. У меня не было ни жилья, ни денег, ни работы. Не помню, чтобы из-за этого возникли какие-либо разногласия по поводу морали. Думаю, что все, включая меня, считали, что логичнее всего поступить именно так.

Я таки встретила Андре снова, когда в очередной раз приехала в Нью-Йорк. Когда я рассказала ему об аборте, он расплакался. Он был весьма набожным человеком, постоянно ходил в церковь. У его семьи были крепкие католические традиции, а мать все еще имела серьезное влияние на его жизнь. Он сказал, что хотел бы, чтобы я оставила ребенка. Он бы женился на мне, если бы знал. Да, поздно спохватился. После этого он даже пытался проникнуть назад в мою жизнь, но с ним было покончено.

Я до сих пор не теряю с ним контакт и даже время от времени встречаюсь. Я чувствую, что многим ему обязана. Он заботился обо мне, он обучил меня разным вещам в то время, когда я вообще мало что знала. Андре, несмотря на все его недостатки и на то, чем завершилась эта история, был моей первой настоящей любовью. Я знаю, что не достигла бы всего того, что сейчас имею, без него, поэтому я до сих пор высоко ценю его.

Несколько лет спустя, когда я была в Бостоне, я проходила мимо салона красоты, владельцем которого был его дядя, и оставила сообщение для Андре со своим номером телефона. Я играла на автоматах в Фоксвудз, когда он мне позвонил. Он приехал за мной, чтобы снова увидеться. Воссоединение было чудесным. Я тогда поняла, что много для него значила. Помню одну ночь много лет назад, когда мы жили вместе. Несколько нариков вломились в нашу квартиру, чтобы ограбить. Мы были в постели. Я немедленно запрыгнула на Андре, закрыв его лицо собой. Я, не переставая, кричала этим ребятам: «Мы не смотрим, берите, что хотите, мы не смотрим!» Так они и поступили. Я знаю, что если бы повела себя иначе, то Андре бы сцепился с ними, и тогда, возможно, мы оба были бы мертвы. Поняв, что я спасла его жизнь, он опустился на одно колено и попросил меня остаться с ним навсегда. Такой покорный жест был не свойственен человеку, столь гордому и сильному, как Андре, и я это знала. Это что-то да значило.

Может, Андре и хотел, чтобы я стала его женой, но он

никогда не хотел остепениться. Однако он всегда был со мной честен, даже в этом. Беспощадный, но честный. Он считал, что если что-то может меня расстроить, то лучше об этом не рассказывать, и если он что-то и недоговаривал, то обмана в этом не было. В такую философию я верю до сих пор. Я не лгунья, но я действительно считаю, что мое дело — это мое дело и никого другого оно не касается. Все то, чем я восхищалась в Андре, сейчас присуще мне. Мы оба холодные и рассудительные, но когда мы любим, то любим самоотверженно.

После аборта я убралась из того приюта, как только смогла. Просто место было очень угнетающим. Женщины в нем были словно привидения. Большинство из них попало туда из действительно нехороших мест. Они ходили с отсутствующим выражением лица, словно бы из них вытрясли жизнь. Мне такое было не по нутру. Приют пробовал привязать меня к себе работой — каким-нибудь почасовым занятием с минимальным окладом, но у меня были другие планы.

Я знала, что мне надо начать какое-нибудь дело, чтобы не приходилось каждый раз полагаться на какого-нибудь парня, но я не знала, чем заняться. Это был первый раз, когда я начинала, я могла полагаться на собственные силы, но была уверена, что у меня получится.

Поскольку бордельный бизнес неплохо работал в Нью-Йорке, я решила попробовать то же самое в Балтиморе. Я начала с исследования местного рынка. Прежде всего взялась за «Желтые страницы», а именно: изучила раздел «Эскорт» и сделала несколько звонков.

Мой метод был прост. Я сделала вид, что ищу работу, и под этим прикрытием задавала много вопросов о том, как работает бизнес. У меня был молодой голос, и я честно признавалась, что азиатка и мне еще нет двадцати. Все были рады со мной пообщаться. Никто ни на секунду не заподозрил, что я могу быть потенциальной конкуренткой. С чего бы вдруг?

Одно из агентств даже свело меня с одной девочкой, которая работала на него. Они посчитали, что она точнее ответит на мои вопросы. Звали ее Майя, и когда мы встретились, то сразу же понравились друг другу. Когда мы немного пообщались в офисе ее агентства, она не просто готова была мне все рассказать, но и пригласила пойти с ней на одну из встреч.

Я от нее узнала, что, конечно, могу организовать такой же бордель, как в Нью-Йорке, но это будет опасно, однако в Балтиморе наш бизнес вели иначе. К клиенту Майи мы пошли вместе. Майя объяснила ему, что я «на учебе». Парень немного удивился, но, думаю, он решил, что получил «бонус». Майя сразу

же взяла деньги, как обычно делают девочки, а потом спросила, что он хочет делать в ближайший час. Он покраснел и промычал что-то вроде «минет», а потом опешил, когда Майя возразила:

— Ах нет, мы не можем этого делать. Мы из эскорт-службы, мы не проститутки. — Когда парень наконец понял, что его провели и он не получит то, чего хочет, он нас отпустил раньше срока.

Так в основном делался подобный бизнес по всему городу. Мое исследование показало, что большинство агентств, перечисленных в телефонном справочнике, были либо настоящими, законными эскорт-агентствами (которые пишут, что девочки «только для сопровождения»), либо такими, которые я называю «разводными агентствами». Это означает, что девочки, которые работают в них, являются тоже только для сопровождения, но из-за особенностей рекламы этих агентств клиент узнает об этом слишком поздно.

Рекламы разводных агентств были полны намеков, но конкретно ничего не обещали. Предложения были вроде таких: «Сексуальные девочки на все случаи жизни», «Разбитные малышки за полчаса» и даже «Массаж всего тела!!!». Некоторые особо не заморачивались — «Обслуживание города Балтимора», а рядом фотография обольстительной молодой девушки. Но клиенты знали, что они имели в виду, или, по крайней мере, считали, что знают. Парень звонил, договаривался о встрече, ожидая получить полное обслуживание, а потом в его номере появлялась девочка, брала деньги и спрашивала, как Майя:

— Так что ты хочешь делать теперь?

Этот вопрос вводил большинство парней в ступор, ведь настоящей девочке не нужно говорить, что надо делать. Некоторые думали, что это подстава и их записывают. Если парень все-таки спрашивал о сексе, девочка говорила что-то вроде:

— Извините, но это незаконно, а я не могу делать ничего незаконного. — Потом добавляла: — Я могу помассировать вам тело за дополнительную сотню, но я не могу делать настоящий массаж. У меня нет разрешения делать массаж.

Одним словом, секса никогда не бывало.

Вы можете подумать, что это весьма рискованно, ведь парни могут разозлиться за то, что их развели, а девочки в результате пострадать. Однако обычно девочкам удавалось удачно выкрутиться, оставаясь спокойными и деловитыми и обескураживая парней своим возражением, что они не проститутки. Большинство парней, которые были обычными

бизнесменами, терялись и либо соглашались на массирование тела, либо отсылали девочек домой. Редко кто пытался выторговать «счастливый конец». Если парень выходил из себя, что, по всей видимости, иногда случалось, девочка просто вызывала полицию. В конце концов, по сути, она ничего плохого не сделала.

Конечно, подобный фокус мог пройти с парнем только раз, поэтому большинство клиентов должны были быть неместными. Однако в Балтиморе всегда много людей, которые либо приехали по делам на несколько дней, либо были в городе проездом, поэтому трюк работал снова, снова и снова. Встречались даже клиенты, которым ничего, кроме компании, не требовалось. Это был лучший вариант. Часто это были наркоманы, которым нужно было, чтобы кто-то находился рядом, пока они делают то, что они делают. У Майи был один постоянный клиент, импортер с юга, который каждый раз нанимал ее на целых сорок восемь часов при ее часовой ставке в двести долларов. Он даже не пытался договориться о чем-то большем. Этот состоятельный человек просто хотел, чтобы кто-то лежал рядом и держал его за руку, пока он будет пытаться заснуть, надравшись до чертиков. Судя по тому, как он метался и стонал во сне, Майя думала, что его мучили кошмары. А днем он водил ее по магазинам и кафе. Она считала его классным чуваком, которому не хотелось пить одному, пока однажды ночью, как следует подзаправившись, он не начал орать, что инопланетяне нападают.

Когда я все-таки решилась обзавестись собственной лавочкой, то сделала так же, как все («Как в Риме» и другие заведения подобного типа), и открыла «разводное агентство». Мне не нужен был большой стартовый капитал, как в Нью-Йорке, поскольку не надо было снимать помещение, что-то ремонтировать, нанимать охрану. Это было прекрасно, поскольку мне никто не помогал. Мне требовались лишь деньги для того, чтобы разместить несколько рекламных объявлений и нанять несколько девочек (в основном я «украла» их из агентств, которые были столь откровенны со мной), чтобы посещать клиентов. Вот так я открылась.

Конечно, у меня была уйма звонков от недовольных клиентов, но проблем от них не было, поскольку я всегда говорила им дежурную фразу: «То, что вы просите, незаконно, сэр. Мы первоклассное эскорт-агентство, которое предлагает только сопровождение. Молодая леди должна лишь составлять вам компанию, и, честно говоря, вы тратите время, за которое заплатили. К сожалению, мы не можем предложить вам возмещение или скидку, поскольку старались предоставить вам

исключительно обслуживание. Если вы будете упорствовать, то не оставите нам выбора и мы вынуждены будем обратиться в полицию».

Я была вежлива и говорила ровным голосом, и обычно эта речь помогала, но не всегда. Майе (она одной из первых пришла работать ко мне) однажды попался конгрессмен, который начал так возникать, что ей пришлось вызвать легавых. Даже когда они приехали, парень продолжал кричать, что он «заплатил за С-Е-К-С!» и не получил то, что ему пообещали. Из-за этих разговоров он быстро очутился в кутузке. Ну и идиот же он был. Приблизительно в то же время разгорелся скандал с Диком Моррисом, советником Билла Клинтона по политическим вопросам, — ему пришлось подать в отставку, когда всплыли фотографии, на которых он был снят с проституткой. В то время средства массовой информации любили такие истории, и после случая с конгрессменом нам с Майей позвонили из телешоу «Салли, Джесси, Рафаэль». Мы решили, что было бы забавно попасть на экран и поделиться некоторыми секретами нашего дела с телезрителями, поэтому сказали продюсеру, что согласны.

Общественность всегда шокируют случаи, когда известных людей ловят со шлюхами. Это меня очень веселит. Я знала одну девочку, которую несколько раз снимал один известный киноактер. Он был таким красивым, что она даже начала его преследовать после того, как он перестал ей звонить. Такой человек может легко снять девочку без всякой оплаты. Это очевидно. Тогда зачем так рисковать? Люди со стороны постоянно задают мне этот вопрос. Зачем парни идут на такой серьезный риск? Особенно женатые. Дело в том, что если бы эти ребята хотели дрючить одну и ту же девочку снова и снова, то просто завели бы любовниц. Но хотят они совсем другого. Есть много причин, почему они делают это, но чаще всего это происходит просто потому, что они хотят побыть с тем, кто не будет их судить какое-то время. У них очень нервная работа, они ведут сложный образ жизни. И иногда им надо получить что-нибудь до крайности простое. Некоторые парни не получают этого дома или слишком заняты на работе, чтобы заниматься настоящими отношениями, встречаются и озабоченные, но у большинства из них удачные браки и достаточно счастливая жизнь. Часто проблема заключается не в их женах. Проблема в них самих, в желании сделать перерыв в упорядоченной жизни, снять напряжение, причем без последствий.

У меня сейчас не так много известных клиентов, в основном потому что работаю в Нью-Джерси, где много богачей, но мало звезд. Вероятно, это и к лучшему, поскольку актеры, политики и

иже с ними могут привлечь ко мне лишнее внимание.

В Балтиморе я по-настоящему научилась разговаривать с клиентами. Сегодня я могу успокоить любого, какая бы проблема у него ни была, если сама остаюсь спокойной. Я точно знаю, что нужно говорить в любой ситуации, вот только сохранять спокойствие мне удается не всегда, и со временем это делать становится все сложнее. Чем дольше я общаюсь с клиентом, тем сложнее мне держать себя в руках. Я снова и снова слышу одни и те же извинения от клиентов и девочек, и я начинаю уставать от необходимости делать вид, что я озабочена этим. Терпение требует больше усилий, чем может показаться на первый взгляд.

Однако тогда я думала только о том, как заработать денег, и меня не занимали подобные глупости. Лишь через несколько лет я научилась вести «правильный» бизнес — безопасный, стабильный, приносящий хорошие деньги. Он основывался на отличном обслуживании, которое так высоко ценят клиенты. Мой теперешний бизнес приносит мне как материальное, так и духовное удовлетворение. Кто бы мог подумать, что в подобном деле такое возможно.

В то время я была довольна своим агентством. Мы с Майей проводили много времени вместе. Мы еще больше сблизились. Она была красоткой и умела делать хорошие деньги. Майя встречалась с парнем, который заправлял в одной местной банде.

Если сравнивать Андре с Тито, так звали парня Майи, то мой бывший «могущественный» возлюбленный явно бы проиграл. Тито был высоким и худым, как баскетболист, и если он даже не выглядел, как гангстер, он им был. Он утверждал власть над людьми при любой возможности, поэтому постоянно либо с кем-то препирался, либо флиртовал. Он тоже занимался наркотиками, но если бы они работали на одной территории, то Тито снабжал бы Андре товаром на продажу. Он был не просто крупной рыбой, Тито был в верхах одного из крупнейших наркосиндикатов района. На него работала целая команда торговцев и курьеров. Именно Тито познакомил меня с моим следующим парнем.

Аллен, товарищ Тито, также работал в этом бизнесе, но ему нравилось быть капитаном собственного судна. Он уважал банды, контролировавшие большую часть торговли в городе, но держался особняком. Он считал, что так чище и безопаснее. Мне это нравилось. Кроме того, он был сообразительным малым, и это меня тоже устраивало. Если работал он так, что его днем с огнем не сыщешь, то в личной жизни всегда был на виду. Это был высокий, мускулистый парень, весом под сто килограммов, днем он постоянно носил костюм гонщика. На самом деле он был одержим всем, что ездило на колесах. У него был целый парк

машин. Самыми классными были RX-7 ограниченной серии выпуска и салонная модель «Тойота Супра» с двойным турбоприводом. Многие тачки Аллен переделал по своему вкусу — опущенная подвеска, фиолетовые фонари заднего хода и прочее в том же духе. В «супре» он даже установил один из первых компьютеров на голосовом управлении. Ночью он был полностью одет в шмотки от Версаче. Аллен был большим модником, чем Андре, чей стиль я бы описала как «олдскул», но их сложно было бы пропустить в толпе.

Аллен также любил все контролировать. Не только дела, но вообще все. Он даже запретил мне ходить в черные клубы Балтимора. Это было смешно, потому что он сам был черным — правда, лишь на четверть, еще на четверть белым и наполовину латиносом. Это проявлялось в том, что у него была светлая кожа, но он называл себя «черным». Он считал, что черные клубы сильно напоминают гетто и его подруга в таких местах бывать не должна. «Ты слишком хороша для этого», — говорил он. Так что я ходила в места для белых или сидела дома.

Моя же подруга Майя ходила только в черные клубы, потому что она ненавидела белых и, по ее мнению, все белые клубы в Балтиморе были отстойными. «Белые ответственны за все грязные, мерзкие поступки в этом мире, — любила говорить она. — Они начинают войны, гнобят людей. И всегда именно белые ищут какую-нибудь бедную девушку, чтобы заплатить ей и заставить сделать что-то отвратительное. Как золотой дождь. Это придумали белые люди. Ни один уважающий себя черный мужчина не позволил бы написать на себя».

Я любила эту девочку. Она была просто несносна. Самое смешное заключается в том, что Майя тоже еле-еле тянула на черную, хотя и была таковой. У нее была светло-коричневая кожа, поэтому она скорее походила на арабку или на пуэрториканку. Другими словами, у нее были свои правила, а у Аллена свои. Я же зависла между ними, потому что хотела общаться с обоими.

Однажды я тайком пробралась в один из любимых клубов Майи, чтобы с ней пообщаться. Не успели мы туда зайти, как один известный баскетболист увидел ее с другого конца помещения, подошел и попытался подцепить. (Она всегда так влияла на парней, где бы ни появлялась.) Я понятия не имела, кто он такой, но в его пушистые волосы была заколота расческа, и он был такой напористый, когда разговаривал с ней, что я подумала, что он чокнутый. Майя тоже так подумала. Когда Майя его отшила, к нам подошел один наш знакомый и спросил: «Вы знаете, кто это?» Как только она услышала, кто это, так сразу же изменила мнение о нем. Майя немедленно подошла к нему и

завела сладкую беседу. Она действительно умела говорить с людьми. Мы веселились, пока не появился Аллен. Кто-то, кто его знал, должно быть, увидел меня и позвонил ему. У него везде были знакомые.

Аллен не сказал ни слова. Он просто подошел ко мне, поднял, закинул на плечо и пошел к выходу. Я кричала, чтобы он поставил меня на землю, и била кулаками по спине, но никакой реакции с его стороны не последовало. Он прошел мимо легавого, который его знал. Тот лишь спросил, не нужна ли Аллену помощь. Ему, а не мне! Аллен сказал «нет», закинул меня на пассажирское сиденье машины и отвез домой.

Меня выводило из себя, когда Аллен делал со мной такие вещи, но в то же время я понимала, почему ему постоянно нужно было все держать под строгим контролем. Многие подобные ему люди вели себя так же. Кроме того, он вырос в большой рабочей семье, и ему приходилось помогать родственникам. Он очень серьезно относился к своим обязанностям и четко понимал, что заниматься наркотиками — значит рисковать очутиться за решеткой или на том свете. В частности, друг Майи Тито играл по-крупному, и это было опасно. Через его руки проходило большое количество товара. Он постоянно твердил о равновесии между риском и вознаграждением. Однажды он сформулировал это так: «Полтора килограмма кокаина где угодно могут принести тебе от тридцати до двухсот пятидесяти тысяч долларов — в зависимости от того, как ты обтяпаешь дело и на какой риск пойдешь».

Как может одно и то же количество продукта иметь такую разную цену? «Все зависит от того, как ты его разделишь на продажу», — пояснил он.

Если ты продашь весь товар сразу одному покупателю, тогда получишь не более тридцати тысяч. Но, если ты возьмешь эти полтора килограмма и продашь их, скажем, четырем разным распространителям, можешь взять по двадцать тысяч с каждого. Получается уже восемьдесят тысяч. А если разделить на еще больше частей и распределить среди уличных торговцев, тогда можно получить намного больше. И наконец, если ты хочешь сам продавать товар на улице, у тебя это займет много времени, но уличная цена за такое количество товара — двести пятьдесят тысяч долларов, а то и больше.

«Это как лестница, и каждый парень на следующей ступеньке должен получать доход, поэтому цена все повышается, — продолжал Тито. — Наконец, парень с улицы, который хочет повеселиться, должен заплатить не только за товар, но и за работу, которая была выполнена, чтобы товар попал на улицы, и

за риск, который взяли на себя все эти люди».

Это уже имело смысл, но поскольку я тоже считала себя бизнесменом, то никак не могла понять, почему нельзя просто убрать промежуточные звенья. Не все, конечно, поскольку я знала, что он никогда бы не стал стоять на углу и продавать что-либо, но некоторые распространители могли бы, и он получил бы больший доход.

Ответ стал очевидным, когда он произнес его. Все дело в риске. Одна большая продажа означает один момент риска — когда продукт обменивается на деньги. Если ты распространяешь его среди десятков или даже сотен человек, риск попасться присутствует каждый раз, когда происходит обмен.

В конце концов я поняла, что мой бизнес практически ничем не отличается от торговли наркотиками. Девочки, которые работают на меня, и даже клиенты больше рискуют попасться, чем я, поскольку меня нет поблизости, когда происходит оплата услуг и, собственно, сам секс. Я в это время нахожусь в безопасном месте: номере отеля или дома, вдалеке от места преступления. Когда я руководила борделем в Нью-Йорке, я частенько в него наведывалась, чтобы посмотреть, как идут дела. Каждую минуту, проведенную там, я рисковала быть арестованной. Но не более. Конечно, так или иначе, я должна собирать с девочек деньги, однако я не делаю этого, пока «горшочек» не заполнится до краев, чтобы риск был оправдан. Даже если я посылаю другого человека вместо себя, это происходит после того, как ушел последний клиент. Полиции пришлось бы быть очень терпеливой и упорной, чтобы следы каких-либо преступлений привели их к моему порогу. Честно говоря, ради меня не стоит стараться. По крайней мере, я делаю все, чтобы так было.

Я восхищалась Тито и его образом мыслей, но он и пугал меня. Очевидно, он считал наркоторговлю долгоиграющим бизнесом, поэтому старался не слишком рисковать. У него был постоянный доход и много наличных. Он знал цену, которую мог бы заплатить за жадность. Но он никогда не думал о других вещах, на которых можно делать деньги, но которые более безопасны и менее опасны для него и Майи. Это был его выбор на всю жизнь. Ничего другого для него не оставалось.

Аллен в этом отношении был больше похож на Андре, поскольку интересовался другими возможностями предпринимательства. Он еще больше ими заинтересовался, когда наши отношения стали серьезными. Он отказался жить в самом городе, который считал слишком «черным», и переехал в фешенебельный пригород Мэриленд. Вскоре я подыскала себе

квартиру на той же улице, а Майя с Тито жили через дорогу от меня. Весь этот район был населен белыми. Мы с Майей смирились с жизнью в таком районе, поскольку могли больше общаться друг с другом. Кроме того, у Майи были дети, и это была веская причина жить там. Тито же и Аллену нравилось жить там, на мой взгляд, поскольку ничто не напоминало о бандах и наркоторговле Балтимора. Они чувствовали себя практически в полной безопасности.

Приблизительно в то время, когда я переехала в этот район, Аллен принялся искать пути покончить с наркобизнесом. Думал купить первоклассный «джентльменский клуб», который видно на выезде из города. Он, Тито и еще несколько ребят, бывало, зависали там. Это был наш план по уходу на покой. Он прикинул, что сможет уйти из своего бизнеса, а я — из своего. Вместе мы могли бы управлять клубом, который приносил тонны наличных, и жить по закону. Мы постепенно накапливали деньги, которые он держал у себя в квартире, чтобы использовать их как первый взнос. Мы почти собрали нужную сумму, когда все покатилось кувырком.

Я должна была понимать, что дела шли слишком хорошо и что так долго продолжаться не могло. Я верю в карму — как в бизнесе, так и в жизни — и думаю, что, возможно, людям вроде меня, Тито, Аллена и Майи не суждено отделаться так легко. Тито, в частности, нажил кучу врагов. Как пришло, так и ушло. Не знаю, как еще объяснить.

Все резко изменилось за одну ночь. Мы с Алленом поссорились по тому же поводу, по которому ссорились всегда: что он постоянно ревнует и слишком контролирует меня. Я так взбесилась, что швырнула в него его ключи (мы жили каждый в своей квартире, которые находились в паре минут ходьбы друг от друга, но у нас были ключи от обеих квартир, поэтому мы все же как бы жили вместе) и выбежала из квартиры, забыв сумочку. Когда я поняла, что не смогу попасть в свою квартиру, потому что забыла ключи у Аллена, я направилась к Майе. Я не хотела видеть Аллена и знала, что Майе удастся меня успокоить. Всегда удавалось.

Я как раз шла по автостоянке дома, в котором жили Тито и Майя, когда увидела их — четырех черных ребят в потрепанном старом «кадиллаке». Они быстро ехали к выходу из автостоянки. Как я уже говорила, это был исключительно белый район. Такие люди и машины здесь просто так не появлялись.

Я сразу поняла: что-то не так. Когда машина проезжала мимо меня, я посмотрела на парней, а они на меня. Мне удалось хорошо их разглядеть. По тому, как они были одеты, и по

выражению лиц я поняла, что они гангстеры. Я поднялась на лифте на третий этаж, где располагалась квартира Майи. Здание было построено в «садовом» стиле, то есть коридоры, которые вели к квартирам, располагались снаружи. Возле каждой входной двери были панели из матового стекла, через которые проникало немного света и в то же время через которые нельзя было заглянуть внутрь. Когда я подошла к квартире Тито и Майи, то попробовала увидеть что-то сквозь эти панели, но смогла различить лишь контуры вещей. Потом я заметила какой-то предмет на полу возле двери. Я не могла рассмотреть, что это, но он был достаточно большим, как тело.

Я сразу же позвонила Майе. Она была в местном кафе с детьми и не хотела привозить их домой, если там опасно. «Тебе следует вызвать полицию, — сказала она мне. — Ты должна это сделать».

Легавые примчались сразу же, а также какие-то ребята из пожарной части, которые взломали дверь. То, чего я боялась, оказалось правдой. Темным предметом на полу было тело Тито. Из квартиры вынесли все ценное.

Легавые быстро смекнули, что происходит, и вызвали ребят из управления по борьбе с наркотиками. Те отвезли меня в полицейское управление, где задавали вопросы много-много часов, словно бы я сделала что-то плохое. Я не хотела приплетать Аллена или Майю, поэтому сказала, что Тито был моим знакомым, которого я время от времени проведывала. Они понимали, что я недоговариваю, но к тому времени у меня уже было достаточно опыта общения с полицией, поэтому я знала, что нужно говорить. Когда они наконец отпустили меня домой, мне сказали, чтобы я не покидала город. Вы даже не представляете, как я была сыта общением с государственными служащими к концу той ночи.

После этого легавые начали держать меня под пристальным вниманием, а значит, мне следовало быть очень осторожной во всем. Я не хотела, чтобы они совали нос в мой бизнес или в бизнес Аллена. Однако я была так расстроена из-за всех этих событий, что решила немного выпустить пар. Майе это тоже требовалось. Через несколько дней после убийства мы нашли няньку для детей, взяли деньги, которые у нас были, и сбежали в Атлантик-Сити, несмотря на полицейский запрет.

Майя не играла, но она была такой красоткой, что все прожженные игроки с удовольствием тратили на нее деньги, чтобы привлечь удачу. Они просто хотели, чтобы она стояла рядом во время их игры. Это немного подняло ей настроение. Я же азартный человек. У меня было с собой около шести-семи

тысяч долларов, и я превратила их в сорок шесть тысяч. Это мне сильно помогло отвлечься от забот.

Через несколько дней, когда мы вернулись, Аллен был зол как черт, а легавые искали меня. Я решила, что мне надо найти работу, чтобы я имела хоть какой-то законный заработок и чтобы полиция от меня отвязалась. Единственная проблема заключалась в том, что я не умела ничего делать.

Сначала я устроилась администратором в большую корпорацию. Это была самая скучная работа, которую я когда-либо делала. Без преувеличения могу сказать, что это занятие было непроходимо унылым. Час за часом, день за днем я отвечала на звонки с напускным оптимизмом: «Чем могу помочь?» — словно бы других слов я не знала. Потом я переводила звонки на людей, которым доверяли произнести больше одного предложения, хотя практически все отвечали на звонок этой глупой фразой. Я не знала, как люди могут заниматься подобной дрянью всю жизнь. По-моему, они должны хотеть убить себя.

Когда мое терпение кончилось, я стала работать официанткой. По крайней мере, я была постоянно занята и было хоть какое-то разнообразие. Когда я была танцовщицей и когда много лет работала во всяких других случайных местах, мне платили хреновые деньги, но на этот раз было хуже всего. Мне казалось таким несправедливым, что я должна заниматься этим, в то время как я была сама себе хозяин и за две недели зарабатывала больше, чем большинство людей, с которыми я работала, за год. В этой стране столько людей, которые вкалывают за гроши. На самом деле я считаю, что чем ниже твое положение в обществе, тем больше ты работаешь и тем меньше тебе платят. В этом смысле эта страна просто ужасна.

Ресторан, в котором я работала, был частью большой сети закусочных, которые рекламировались как семейные заведения с приемлемыми ценами, что обычно означало требовательных посетителей и убогие чаевые. Одним из их любимых приемов была бесплатная добавка безалкогольных напитков. Я и так была постоянно на ногах, а эти добавки меня просто убивали. В один прекрасный день какая-то толстуха попросила столько добавок содовой себе и своим детям, что мое терпение кончилось и я принесла ей два больших кувшина этого пойла. Она оскорбилась и позвала управляющего, который тут же уволил меня. Мне было все равно. Честно говоря, я была поражена, что он вообще что-то предпринял. Обычно он сидел в своем кабинете в задней части заведения, смотрел футбол всю ночь напролет и появлялся только после закрытия, чтобы подсчитать наши промахи за день. Что касается владельца, то его я вообще ни разу не видела. Я

представила, как он сидит в каком-нибудь шикарном особняке, просто собирая дивиденды. Он, наверное, похож на моего отца.

Какое-то время мне удалось жить как относительно законопослушной гражданке, но в целом дела шли неважно. Я все еще пыталась потихоньку вести дела, но бизнес катился коту под хвост. На Майю, которая всегда была моей опорой и партнером в темных делах, эти события так повлияли, что она стала немного не в себе. Ей нужно было уехать на какое-то время, поэтому она покинула город и отправилась к каким-то родственникам. Аллен же был слишком озабочен возможным вниманием легавых к его бизнесу, чтобы беспокоиться обо мне. Мы с ним почти не разговаривали.

Потом легавые словили убийц Тито, и дела пошли совсем из рук вон плохо. Еще было терпимо, когда эти ребята считали, что им ничто не угрожает, но как только они оказались за решеткой и я узнала всю историю, то начала с опаской оглядываться буквально через плечо.

Полиция поймала идиотов, потому что они оставили у себя кое-какие вещи Тито. Они использовали его мобильный телефон, а у одного из них, когда его остановила дорожная полиция, в машине нашли шмотки Тито. Кретины. Но они были лишь орудием в чужих руках. Оказалось, что это был бандитский налет и что друг Тито — парень, о котором я слышала, но никогда не видела, — подставил его. Из-за денег, и только. Недавно полиция накрыла большую партию товара, поэтому у многих торговцев закончились запасы. Друг Тито знал, что у того есть приличное количество наркотиков, и хотел их получить. Ради этого он организовал убийство собственного друга.

Так как я обнаружила тело Тито, то почему-то чувствую определенную связь с ним. При воспоминании о том времени у меня мурашки по коже пробегают. Иногда, поздно ночью, когда я одна, мне кажется, что я слышу, как он разговаривает со мной. Нет, я не сумасшедшая, но иногда слышу голоса. Иногда голос Тито, иногда матери (родной матери, а не женщины, которая удочерила меня), а время от времени — голос Наташи.

Может быть, это со мной разговаривает совесть, а может, люди могут говорить с вами из могилы. Я не знаю. Мне лишь кажется, что то, что я слышу, идет от людей, которые заботятся обо мне, от людей, которые желают мне добра. Но это не о Тито. Некоторые люди, которые уже ушли, если они переживают за твою судьбу, хотят, чтобы ты двигалась дальше и была счастлива. Но послания Тито звучат скорее как угрозы или предупреждения.

Когда я слышу, что он разговаривает со мной, он словно бы говорит: «Не забывай обо мне. Не смей, твою мать». И я не

забываю. Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть.

Когда его убийц нашли, я больше не могла это терпеть. Я постоянно боялась, что ребята, которые убили его, придут за мной. Я знала, что они видели меня, я просто знала это. Хотя парни были в тюрьме и получили смертный приговор, друга Тито, который все это спланировал, так и не поймали. Кроме того, они были членами банды, а такие люди сплочены, поэтому всегда есть кто-то, кто может прийти по твою душу. Я не могла спать. Я почти не ела. Майи не было, а мы с Алленом стали практически чужими. Как видите, у меня было более чем достаточно причин для отъезда.

Я не знала, чем буду заниматься и куда поеду. Я просто знала, что мне надо убраться отсюда. Мы с Майей так хорошо повеселились в Атлантик-Сити и я так любила азартные игры, что сразу же подумала об этом городе. Карты на меня действуют успокаивающе, поскольку я могу полностью сосредоточиться на игре и забыть обо всем на свете. Тогда мне нужно было именно это. Как только я решила ехать, я тут же свалила, не оглядываясь. Мне было наплевать на Аллена и на легавых, которые хотели, чтобы я не покидала город. Мне были безразличны личные вещи и деньги, которые мы с Алленом отложили. Мне было наплевать на все, хотелось лишь одного: убраться куда-нибудь, где бы меня постоянно не преследовал страх. Я прихватила все деньги, которые смогла быстро найти, включая выигрыш последней поездки в Атлантик-Сити, и принялась играть.

Я играю в блек-джек. Я ходила из казино в казино, играя ночи напролет в течение пяти недель. Это время я вспоминаю как какое-то неясное пятно. Когда я играю, то играю по-крупному, а в тот момент я играла так, как не играла никогда. Очень скоро я потеряла почти все, что у меня было.

Я помню, как проснулась в машине, потому что не было денег и я не могла позволить себе номер в гостинице. И снова я поняла, что пора двигаться дальше. Мне надоело там быть. Кроме того, в Атлантик-Сити невесело, когда ты на мели. Я знала, что пока не готова снова осесть, а значит, мне необходимо было двигаться дальше. Так я и поступила.

Глава 7
Бегство в Канаду

Я приехала в Монреаль со сменой одежды в рюкзаке и шубой на плечах. Я планировала провести в Монреале своего рода небольшой отпуск, решить, что делать дальше, и переждать какое-то время. Но каким-то образом я застряла в Канаде на четыре года.

Я приехала в Монреаль на машине, которую мне одолжил Джек, матерый игрок из Нью-Йорка. Он был хорошим приятелем Андре, но вообще-то я познакомилась с ним до того, как мы с Андре начали встречаться. Он, бывало, приходил в стрип-бары, где я танцевала, когда жила с Джексоном. Он частенько давал мне травку, поэтому я считала его мелким торговцем травой и лишь позже узнала, что он был одним из крупнейших жуликов в тех местах.

Когда пришло время покидать Атлантик-Сити, у меня почти не было денег и места, куда податься. Джек помог мне в тяжелую минуту, но небескорыстно. Он хотел меня с того момента, когда увидел в первый раз много лет назад. Хотя он был влиятельным человеком и готов был прийти на помощь, я считала его самым уродливым парнем, которого когда-либо видела. Когда он мне был уже не нужен, я не смогла достаточно быстро от него отделаться.

Я заставила одолжить мне машину, сказав, что собираюсь на выходные проведать семью. Я рванула в Монреаль, потому что знала, что туда он за мной не последует. В то время он был одним из подозреваемых в серьезном убийстве и ему нельзя было покидать страну. Как только я приехала на место, то уговорила одного из знакомых отогнать машину назад через границу и бросить на любой парковке. Потом я позвонила Джеку и оставила ему сообщение, где он может забрать машину, а также поставила перед фактом, что не собираюсь возвращаться.

В Монреале все начиналось довольно неплохо. Я была сама, поэтому смогла расслабиться — никто на меня не работал, никто со мной не жил, никаких связей. Время от времени я танцевала в местном клубе, чтобы заработать денег, но большую часть времени просто гуляла и делала все, что в голову взбредет. Я начала встречаться с одним стриптизером, что было для меня в новинку, потому что прежде я никогда по-настоящему ни с кем не встречалась. У меня всегда были парни, один могущественнее другого, которые заботились обо мне, учили тому, что я должна

была знать о жизни, о бизнесе, о выживании. Я не утверждаю, что они учили меня, как быть независимой. Напротив, они спешили убедить меня, что без них я жить не смогу, но училась я только тогда, когда была рядом с ними. Добравшись до Канады, я не считала, что еще принадлежу кому-то, и теперь понимаю, что мне это было не нужно.

Потом я встретила Чарльза. Он привлек мое внимание в местном баре, где я играла на автоматах «Лото-Квебек». Бар находился возле «281», самого классного клуба с мужским стриптизом в Канаде. В пятницу вечером девочки выстраивались в очередь длиной в несколько кварталов, чтобы просто попасть внутрь. Это была улица святой Катерины, где вы могли найти и купить практически любой грех. В каждом квартале этой улицы был, по крайней мере, один бар и одна церковь.

Чарльз был обворожительным, очень напористым и уверенным парнем. Так он держал людей на расстоянии от себя. Тем не менее все его знали. Мы часто сталкивались на улице святой Катерины, но особо не общались. Хотя я положила на него глаз.

Однажды ночью у меня было свидание с моим стриптизером. Свидание закончилось раньше обычного, поэтому я попросила его подбросить меня до бара. Не успел он скрыться из виду, как ко мне подошел Чарльз.

— Я смотрю, ты встречаешься только с красивыми мальчиками, — бросил он, словно бы обвиняя меня в этом. Я восприняла это как комплимент и пожала плечами.

— Ты достаточно симпатичный, — ответила я. — Что же ты меня до сих пор не пригласил на свидание?

Так он и сделал, и я сразу же поняла, что больше никогда не увижу своего стриптизера. С ним, конечно, было весело и, что намного важнее, он был роскошным, но Чарльз, ну, я думала, что у него большой потенциал.

Очень скоро я съехала из гостиницы, где жила, и обосновалась в маленькой квартирке Чарльза. Она находилась за городом в не самом классном районе. Чарльз был выпущен на поруки, поэтому первым делом он принялся учить меня, что говорить, если, допустим, в определенное время суток зазвонит телефон, а его не будет дома. (Я должна была говорить, что он спит или в душе, если не знала, кто звонит.) Квартирка была ветхая, с крохотной кухонькой и еще более маленькой ванной. У Чарльза в квартире было только все самое необходимое для проживания, и ничего более.

Чарльз торговал наркотиками, но по сравнению с ребятами, с которыми я гуляла раньше, он был мелкой сошкой. Большую

часть ночей он стоял на углу улицы святой Катерины и продавал небольшие дозы крэка, завернутые в станиоль, за двадцать долларов. Если появлялись легавые, он клал станиоль в рот, а если они серьезно брались за него, он ее глотал. В Канаде за торговлю наркотой давали много, особенно за рецидив, и Чарльз решил больше не попадать за решетку.

Время от времени оживал пейджер Чарльза, и он запрыгивал в такси, чтобы произвести доставку, часто за плату в сорок — шестьдесят долларов. В основном его клиентами были старые проститутки и наркоши. Я наблюдала за ним какое-то время, прежде чем решилась ему помочь. Я была обязана это сделать. То, как он вел дела, было похоже на восхождение на гору без снаряжения. Ему бы понадобилась вечность, чтобы чего-то добиться. Если он собирался делать хорошие деньги, тогда следовало немедленно что-то менять.

Я неплохо зарабатывала танцами, а поскольку жила у него дома и у меня больше не было своего бизнеса, то и расходы мои были мизерными. Поэтому я решила помочь Чарльзу добиться успеха точно так же, как в свое время Андре помог мне, вложив деньги и показав, как надо правильно вести дела.

Я дала Чарльзу деньги, которые нужны были ему, чтобы купить больше товара, — это, как я объяснила ему, должно было принести больший доход. Теперь он мог снабжать ребят, которые вместе с ним работали на улице святой Катерины, оптимальным вариантом было заставить их работать только на него.

— Так должны делаться дела, — учила я его. — Иди к ребятам и скажи, что теперь ты будешь снабжать их товаром за ту же цену, только за каждые пять проданных доз они будут получать одну бесплатно. Это будет стимулом для них покупать дурь у тебя и продавать как можно больше, а чем больше они продают, тем счастливее все мы будем. Ты больше не должен стоять на улице и ждать, пока люди придут к тебе. Это слишком опасно. Ты можешь оставить клиентов, которые у тебя уже есть, но теперь они должны звонить и ждать тебя. И за доставку пускай платят не меньше сотни долларов. Если им это не нравится, пускай идут к черту. Тебе не следует больше гоняться за мелкими клиентами.

Очень скоро Чарльз начал зарабатывать намного больше с меньшим риском. У него уже было пять человек, которые стояли ночью на улице и продавали дурь. Единственной заботой Чарльза было постоянное снабжение ребят товаром, чтобы был постоянный приток денег. Он почти ничего не делал. Большую часть времени сидел дома или ходил играть. Бизнес стал безопаснее, легче и приносил больше денег. Чем плохо?

Чарльз был прилежным учеником. Он внимательно слушал и выполнял все, что я говорила. У него не было таких заморочек, как у Андре или Аллена, поэтому он без проблем следовал моим советам, пока я не давала их ему в присутствии посторонних. Но без определенных заморочек в этом бизнесе не обойтись, поэтому мне пришлось учить его Уважению с большой буквы. Начала я с того, что дала ему его первое гангстерское прозвище. Я начала называть его Капоне — так звали моего любимого героя в детстве.

Все, кого мы знали, все, кто нас окружал, были жуликами определенного рода: сутенеры, шлюхи, торговцы наркотой, игроки, нарики, бандиты. Ну, это вы и сами понимаете. Они были повсюду. И суть этого мира заключается в том, что если у тебя что-то есть, то обязательно появится кто-то, кто захочет это у тебя отнять. Внезапно оказалось, что Чарльзу есть что терять.

Что касается меня, то я поставила всех на место, как только прибыла в Монреаль, и люди быстро поняли, что со мной лучше не шутить. Однажды я сидела в любимом баре, держа в одной руке пиво, а другой играя на автомате в покер, когда ко мне подошла круглолицая блондинка, которая сидела с какими-то девчонками неподалеку.

— Тебе нужен сутенер, — сообщила она, без сомнения, по приказу своего сутенера, который искал новые «таланты».

Не отрывая взгляда от игрового автомата, я ответила:

— Почему бы тебе не убраться отсюда и не пойти отсосать у кого-нибудь член?

По всей видимости, я ее задела. Она начала кричать:

— Ты кем себя считаешь? Не смей со мной так разговаривать!

Тогда я взяла первый попавшийся под руку стул и принялась гоняться за ней по всему бару, словно сумасшедшая. В подобной ситуации не имеет значения, побила бы я ее или она побила бы меня. Просто так решаются подобные вопросы. Существуют определенные неписаные правила. Не тягать за волосы. Оружие приветствуется. Продолжать следует до тех пор, пока тебя не остановят, или кто-то не сможет встать, или пока не услышишь вой сирен. И если ты все-таки услышишь вой сирен, просто уходи, словно бы ничего не случилось. И не важно, как ты выглядишь, даже если у тебя сломаны ребра и по лицу течет кровь. Никогда нельзя позволять людям думать, что тебе больно. Если упала на задницу, нужно встать и продолжать драться. Именно так можно показать людям, что тебя не так просто свалить.

Моя потасовка с блондинкой закончилась довольно быстро, но с тех пор все знали, что со мной такое дерьмо не проходит. Мы жили в маленьком мирке, и новости распространялись быстро.

Я сказала Чарльзу, что ему тоже придется произвести на всех

впечатление. Нужно громко и уверенно заявить, что с тобой шутки плохи. «Поскольку ты мужчина, а теперь еще и настоящий наркоделец, тебе нужно сделать весьма серьезное заявление о себе», — сообщила я ему.

Момент подвернулся, когда я начала драться с подружкой одного из ребят, который работал на Чарльза. Этому парню едва исполнилось восемнадцать лет, а он уже считал себя реальным сутенером. Его девочке было двадцать четыре, она работала стриптизершей в одном из местных клубов. Он всегда забирал деньги, которая она зарабатывала, и просаживал их на азартные игры и проституток. Он сорил деньгами, словно бы они росли на деревьях. Я играла с ним в пульку, потому что он был простаком и я всегда знала, что смогу быстро облегчить его карманы.

Однажды ночью мы несколько раз сыграли с двойными ставками. Я, конечно, вздула его. Я поинтересовалась у его девушки, какого хрена она отдает все свои деньги такому неудачнику, как он.

— У меня лучший в мире мужчина, — возразила она. — Он обращается со мной, как с королевой. Он достает все, что я захочу. Лучше не придумаешь.

Я не могла не рассмеяться. У этой девочки не было машины, она неделями носила одну и ту же одежду и жила в крохотной квартире, где едва работало отопление. Эту суку следовало приструнить, поэтому я громко заявила:

— Ты тупая дрянь, а твой мужик — шлюха. Я вижу, как он каждую ночь бегает за новой девочкой, пока ты зарабатываешь деньги, которые он забирает у тебя и потом быстро половину проигрывает мне, потому что в пульке он лопух. И если он такой великий сутенер, то почему работает на моего мужчину?

Я знала, что драка неизбежна. Так и случилось. Девка умела махать кулаками, поэтому в ту ночь я вернулась домой с синяками по всему телу. Я сказала Чарльзу, что ему надо бы с этим что-то сделать, пока парень этой девки не возомнил, что ему все позволено. Конечно, все это были глупости, но для Чарльза это было прекрасной возможностью показать всем, что ни с ним, ни с его близкими не стоит ссориться.

На следующий вечер Чарльз выследил эту парочку и отлупил обоих у всех на глазах рукояткой пистолета. Через несколько дней я снова столкнулась с этой девушкой на улице, буквально налетела на нее. К моему удивлению, она просто пошла дальше. По всей видимости, Чарльз все доходчиво объяснил. С тех пор ни она, ни ее парень больше не смели валять с нами дурака.

Однако когда мы начали жить лучше, наши отношения все ухудшались и ухудшались. Честно говоря, из-за того, что я

старалась превратить Чарльза в подобие своих бывших парней, а также в подобие самой себя, поскольку стала именно такой, какой они хотели, чтобы я была. И Чарльз превратился в чудовище.

Дела пошли совсем плохо, когда я начала учить его, как управлять девочками. Существует разница между управлением девочками и работой сутенера, но Чарльз ее не замечал. И, если он собирался вести себя со своими девочками как сутенер, представьте, как он вел себя со своей подружкой. Он быстро забыл, что я обучила его практически всему, что он знал. Бывают же такие люди.

Я бросила Чарльза раз и навсегда, когда узнала, что он запускает лапу в двести тысяч долларов, которые мы отложили на то время, когда отойдем от дел.

Он просаживал деньги в казино и пульку, что было ужасно, потому что я всегда обыгрывала его в пульку, хотя и не была в этом деле профи (салагой, впрочем, тоже). Когда я услышала, что он делает, то потребовала, чтобы он открыл сейф, в котором мы держали деньги. Я нашла там только тридцать тысяч долларов.

Я оставила ему эти деньги, сказав, чтобы он потратил их на приличное образование, поскольку в одиночку у него ничего не получится. Вместо этого я забрала все украшения, которые он дарил мне, и отправилась прямо в ломбард. Много денег я за них не получила, если сравнивать с деньгами, которые я оставила Чарльзу, но для начала было достаточно.

К сожалению, от Чарльза было нелегко отделаться. Он ходил за мной по пятам и угрожал мне и людям, с которыми я была. Однажды он даже попытался задушить меня возле одного бара. Я убежала и пошла к Одри. В Монреале я нашла только одного друга, и этим человеком была Одри. Мы проводили вместе много времени, хотя Чарльз ненавидел ее.

Одри была законченной наркоманкой, но я все равно считала ее классной. Она была самостоятельной проституткой, то есть раньше у нее был сутенер, но наркотики не давали ему о ней заботиться. Хорошо, что он ее любил и отпустил, поскольку большинство сутенеров утянули бы ее с собой. Она была кандидатом на моего спасителя, поскольку не только была независимой, но еще и едва контролировала себя, поэтому даже Чарльз ее побаивался.

Однако Чарльз продолжал преследовать меня, пока в один прекрасный день мне на глаза не попался выпуск журнала «Алло, полиция». Это местное издание, в котором рассказывают о самых печально известных преступлениях и преступниках Квебека. Обычно я такое не читаю, но на обложке этого номера красовалась фотография Чарльза. Его замели в нашей старой

квартире. Его обвиняли в хранении огромного количества травки и кокаина.

Я считала, что это довольно забавно, пока полиция не пожаловала ко мне в гости. У них не клеились обвинения, и они хотели, чтобы я дала показания. К счастью, у Чарльза был хороший адвокат (сгорбленный еврей, которого я когда-то знала и у которого было столько клиентов-уголовников, что он мог снабдить вас практически любыми запрещенными товарами и услугами), поэтому мне особо не хотелось быть свидетелем. И дело было не в боязни, что Чарльз может что-то предпринять, если я решусь на это. Просто это было не в моих правилах. Вместо этого я придумала историю, которая совершенно запутала дело, а потом убежала, и меня уже не могли вызвать в суд. Я купила билет в Онтарио, где у меня было несколько знакомых девочек, которые танцевали в клубах и могли найти мне похожую работу, чтобы продержаться.

Я целый год пряталась в местечке под названием Сандер-бей. Не знаю, бывали ли вы в Сандер-бей, но если нет, то и не стоит туда ехать. Это одно из самых скучных мест, в которых мне доводилось бывать. Оно находится возле северного берега озера Верхнее. Население — около ста тысяч человек, практически все из которых — белые. Городок больше напоминает пригород, который плавно переходит в глушь. В нем большую часть времени практически нечего делать. Правда, это место может похвастаться такими туристическими приманками, как большой парк и пристань для яхт. Но поскольку снег там лежит почти полгода, кто захочет гулять в таких местах? Каждый вечер перед работой я играла в бинго. Просто для развлечения. В принципе, там почти все играют в бинго. Это одна из характерных черт той местности. Я завела несколько друзей, которые познакомили меня с экстази. Собственно, так я и развлекалась целый год — играла в бинго и принимала экстази. Когда я наконец узнала, что с Чарльза сняли все обвинения, я не могла дождаться, когда смогу вернуться назад к цивилизации.

Я взяла билет на автобус назад в Монреаль, поскольку к тому времени у меня практически не осталось денег. Из-за того что в такой глухомани, как Онтарио, сложно заработать денег, а из развлечений были доступны только азартные игры, мне не удалось отложить практически ничего. Однако мне было все равно. Честно говоря, я была так рада вернуться, что ни о чем не беспокоилась. Первым делом я связалась с Чарльзом. Я не знала, что он выкинет, когда услышит мой голос, поэтому просто оставила ему сообщение: «Я потратила целый год, чтобы ты был в безопасности, и если ты все еще хочешь убить меня, просто

сделай это, поскольку я больше не собираюсь убегать». Потом я сообщила, где буду в ту ночь, когда он может «прийти и забрать меня», если захочет.

Чарльз в ту ночь все-таки появился. Так крепко меня еще никто никогда не обнимал. Оказалось, что он был очень благодарен за то, что я спасла его от тюрьмы. «Я люблю тебя, несмотря ни на что», — сообщил он. Денег у него тоже было немного из-за судебных издержек, но он снова начал заниматься старым бизнесом и дал мне для начала несколько сотен долларов. Я была так рада, что вернулась и мне теперь не надо бояться, что он меня ударит, что даже расплакалась. Я снова была независимой, и это было хорошо.

Вскоре после того как я вернулась в Монреаль, я встретила Филиппа. Он был таким парнем, на фоне которого Чарльз смотрелся словно муравей рядом со слоном. Филипп был невысоким красивым танцором, который работал в нескольких стрип-барах для мужчин. Он был чертовски роскошен. Он поразил меня, как только я его увидела. Я сразу же поняла, что хочу пойти с ним домой, но не знала, что втюрюсь в него.

Той ночью, когда мы познакомились, я была на вечеринке для дам в одном гей-клубе, где работал Филипп. В подобных заведениях пару раз в неделю проходят женские вечеринки, потому что именно в них работают самые горячие парни. Дамы выстраиваются перед таким клубом в длинную очередь. Я видела, как Филипп танцевал для нескольких девочек, и решила, что он очарователен. Я хотела, чтобы он станцевал и для меня, поэтому дала двадцатку другому танцору и попросила его привести ко мне Филиппа. Я ждала его, но, к моему удивлению, он так и не пришел. Я видела, как он станцевал еще для пары девочек, а потом сказала: «Ну и черт с ним» — и решила уйти с друзьями. Когда я шла к выходу, Филипп наконец догнал меня и спросил, что я делаю позже. «Собираюсь взять тебя», — ответила я, стараясь не покраснеть. Друзья хихикали у меня за спиной.

Я всего лишь хотела немного привязанности. В три часа ночи, когда Филипп заканчивал работу, я подъехала к клубу и заметила его. Когда он влез в машину, то улыбнулся мне. В этот момент на его щеках появились милые ямочки.

Закончилось все тем, что мы приняли немного экстази, а потом принялись обниматься. Мы мгновенно влюбились друг в друга и покатили в один из тех занюханных мотелей с водяными кроватями в виде сердечек и джакузи в каждом номере. До сих пор я вспоминаю ту ночь как одну из самых страстных в моей жизни. Мы с Филиппом потом полгода каждую ночь проводили

вместе.

В ту ночь я флиртовала с Филиппом и сказала, что управляю эскорт-агентством. Согласитесь, «хозяйка эскорт-агентства» звучит лучше, чем «танцовщица на полставки» или «бывшая девочка наркоторговца». Я хотела произвести на него впечатление. Сработало. После этого я, без сомнения, приковала к себе его внимание, но, по правде говоря, я не руководила девочками с тех пор, как свалила из Балтимора. После того что там случилось, я не спешила возвращаться в бизнес и снова брать на себя подобную ответственность. В те времена то, что я немного привираю, для меня ничего не значило, поскольку я планировала любовь на одну ночь, — для меня, убежденного однолюба, это было в новинку. Я не собиралась больше видеть Филиппа.

Что меня больше всего беспокоит в любви, так это то, что ее сложно держать под контролем. На следующее утро я поняла, что Филипп мне чертовски нравится. Я не хотела, чтобы он считал меня лгуньей, поэтому решила, что лучшим способом превратить ложь в правду будет основание нового бизнеса. Я решила, что в любом случае могу потратить еще немного денег. Не обращая внимания на то, что у меня не было клиентов и подчиненных, я дала в один из местных эротических журналов объявление на четверть страницы. Спустя сутки я уже была в деле.

Реклама того, что я назвала «Университетский эскорт», привлекла не только клиентов, но также девочек, которые искали работу. Все было, как в Нью-Йорке. Я начала с того, что предложила девочкам долю выше средней, чтобы перетянуть к себе от конкурентов лучших. Сработало на сто процентов. После первой недели у меня уже было десять дамочек, готовых работать на меня.

Начать было несложно, но остаться в бизнесе оказалось непросто. В то время в Монреале часовое свидание стоило сто сорок канадских долларов. Из них от семидесяти до восьмидесяти долларов шло девочке (или ее сутенеру, как часто бывало в тех местах), еще двадцать — водителю, который привозил ее на место встречи. Агентству оставалось пятьдесят долларов или даже меньше. Совсем не фонтан.

Сложность состояла в том, что местные жители не могли себе позволить заплатить больше ста сорока долларов. К тому же была жесткая конкуренция. В достаточно небольшом городе действовало более трех сотен агентств подобного рода. Так что выбор был широк. Многие из этих агентств контролировались бандами мотоциклистов, которые держали под собой весь местный франкоговорящий рынок. Поэтому запроси больше, и ребята пойдут в другое место. Некоторые конторы, чтобы выжить,

даже предлагали скидки, рекламируя девочек за сто двадцать долларов в час. При таких расценках, с моей любовью к азартным играм (иногда я за неделю просаживала по пять тысяч долларов), мне бы пришлось очень сильно ограничивать себя, чтобы нормально жить.

Все вокруг воспринимали такое положение вещей как должное, но я решила, что надо придумать что-то получше. Опыт подсказывал, что американцы готовы платить намного больше, поэтому нормальные деньги можно было заработать только на туристах. Я начала давать рекламу в американские газеты и туристические журналы.

К сожалению, очень скоро выяснилось, что туристов слишком мало, чтобы поддерживать бизнес, а я знала, что если мои девочки не будут работать, то они покинут меня так же, как покинули предыдущие агентства в поисках чего-нибудь лучшего. Поэтому, чтобы все работало, приходилось привлекать и дорогих туристов, и дешевых местных жителей. Именно тогда мне пришла идея ввести категории девочек с разными расценками.

Я назвала свою контору «Университетский эскорт», поскольку планировала рекламировать девочек как молоденьких студенток, которые только начинают постигать собственную сексуальность. Днем они сидят на парах, а по ночам веселятся от души. Я держала таксу в сто сорок долларов, устраивавшую все остальные агентства, называя таких девочек «Сексуальные одноклассницы». Это было предложение эконом-класса. Средняя категория называлась «Круг почета» — небольшая группа профессионалок, которые были достаточно опытными проститутками и стоили двести долларов за час. Потом у нас шли «Учительские любимицы», которые стоили от двухсот пятидесяти до трехсот долларов. Мы обычно предлагали эту категорию, когда в городе происходили серьезные мероприятия, которые привлекали много туристов. Каждый месяц я предлагала «Студентку месяца» — роскошное предложение, которое стоило пятьсот долларов.

Секрет состоял в том, что между категориями разницы не было. Я использовала одних и тех же девочек на всех уровнях, в зависимости от того, кто был свободен в то время, когда поступал заказ. И тем не менее все работало. Маркетинговая уловка привлекала самых разных клиентов. Каждый находил себе что-нибудь по вкусу. Я использовала тот факт, что клиенты хотели платить больше, желая получить нечто особое за свои деньги. Это делало мое заведение более привлекательным по сравнению с другими. Я по-прежнему вкалывала на полную катушку, но за одну удачную неделю зарабатывала чистыми пять тысяч долларов. Это было намного лучше, чем одна тысяча, которую я

получала, когда только начала танцевать в Монреале.

В то время я не была слишком честной по отношению к девочкам. Я решила, что, вне зависимости от того, сколько платит клиент, работа у них в общем-то одна и та же, поэтому, когда я заполучала дорогого клиента, разницу обычно прикарманивала. В конце концов, если раньше девочки были рады получать восемьдесят долларов, а то и меньше за одного клиента, тогда пусть и дальше получают столько же. Не забывайте, что я им платила больше, чем в других агентствах. Но, поскольку именно девочки брали деньги с клиентов, они знали, что происходит, и некоторые из них начали высказывать мне недовольство. Иногда, чтобы порадовать девочку, я платила ей небольшую премию сверх того, что она получала, когда работала «Учительской любимицей» или «Студенткой месяца», но это было чисто символической надбавкой.

Если бы мне пришлось делать это снова, я бы платила девочкам больше. Они заслуживали этого. Я тогда использовала только местных девочек, а в Монреале они очень «работящие». Из-за того что в них больше европейской чувственности, они держатся более раскованно и сексуально. Ничего нет удивительного, что в тех местах так развита проституция, ведь там столько прелестных миниатюрных француженок. У меня был один разборчивый клиент — он любил девочек, которые весили меньше сорока пяти килограммов. Он даже приносил с собой в гостиницу весы и, прежде чем заплатить, заставлял девочку взвешиваться. В Штатах у меня была одна, максимум две девочки, которые бы ему подошли, но в Монреале я всегда могла отыскать кого-нибудь, кто устраивал его. Я до сих пор приглашаю девочек из Монреаля, поскольку они прекрасно выполняют работу.

Самое грустное заключалось в том, что я могла платить девочкам в Монреале меньше, вне зависимости от того, насколько хороши они были в работе, поскольку в основном этим бизнесом занимались сутенеры, которые едва ли вообще платили им. Я не подумала о том, что, если буду им больше платить, они будут лучше работать, что привлечет новых клиентов. Тогда моя работа упростилась бы, и мне не нужно было бы постоянно искать новых туристов. Но в любом случае, я еще верю в карму и думаю, что мое обращение с девочками тогда забрало у меня несколько очков в этой области. Теперь я даю девочкам стандартный процент от цены за каждую встречу, вне зависимости от того, что это за клиент, поэтому, если я зарабатываю больше, они тоже зарабатывают больше. В Монреале я вела бизнес неправильно, но, по крайней мере, я училась на собственных ошибках. Теперь я верю в то, что богатством надо делиться.

Однако в то время я научилась не только этому. Именно тогда, когда я была в Монреале, я сделала первый шаг к будущему своего бизнеса — я познакомилась с компьютером. Шла вторая половина девяностых годов. Интернет завоевывал себе место под солнцем, и некоторые агентства начали размещать рекламу в сети. Чтобы не отставать от других в нашем мире жесткой конкуренции, я тоже решила попробовать. Я люблю узнавать все новое, поэтому научилась работать на компьютере и сделала свой самый первый сайт для «Университетского эскорта».

С самого начала распространения Интернета сексуальная индустрия использовала его по полной. На самом деле это самая продвинутая технология, и, если я не хотела отставать от других, мне нужно было следить за новыми тенденциями. Не знаю, смогла бы я остаться в бизнесе, если бы в свое время не перешла полностью на информационные технологии. Я вспоминаю жизнь в Нью-Йорке и удивляюсь, что смогла тогда выжить. Мой первый опыт с Хулио и Наташей на Таймс-сквер или те первые бордели, которые мы с Сьюзи в свое время открывали… Тогда мы были такими глупыми, нас мог прикрыть любой полицейский, который не поленился бы приложить минимум усилий. Правда, в то время полиция не сильно старалась прикрывать подобные заведения раз и навсегда. Сегодня все изменилось. Я бы больше не пошла на такой риск. К счастью, благодаря технологиям в этом и нет нужды.

Так уж повелось, что в любом крупном городе наш бизнес сосредоточен в одном или нескольких районах. Это означает, что люди вроде меня привязаны к определенному месту. Когда я переехала в Монреаль, в городе имелся один специфический район, в котором в барах или на улице вы могли найти девочку, но после того, как я создала сайт, мне не нужно было бывать в таких местах, если только я этого не хотела.

В Балтиморе мне тоже не нужно было такое место, как бордель, и я также не делала ничего противозаконного, вот только зарабатывала я совсем не столько денег, сколько заколачиваю сейчас. Монреаль оказался посередине моей дороги к виртуальному бизнесу. Мне уже не нужно было снимать место для работы девочек, поскольку клиенты могли найти нас через сайт, а потом мне оставалось лишь послать девочек работать туда, куда необходимо. Но все же, из-за того что технология не была достаточно продвинутой, мне приходилось оставаться в городе, чтобы находить девочек, которые согласились бы работать на меня. Мне надо было встречаться с ними, чтобы убедиться в том, что они соответствуют стандартам. У меня был громоздкий компьютер, стационарный телефон и факс, с

помощью которых я вела дела. Это означало, что мне нужно было место, где я могла бы все это поставить и включить в розетку. И место это должно было находиться либо в городе, либо неподалеку от него.

В то время я половину рекламных объявлений размещала в печати, а другую половину — в Интернете, но сейчас я все делаю на собственном ноутбуке. Все просто. У меня два мобильных телефона, с помощью которых я веду дела. В одном из них восемьсот номеров. Также у меня есть сайт, размещенный на левом сервере, на нем есть фото девочек и ящик электронной почты, на который клиенты могут писать круглые сутки и заказывать услуги. Если новая девочка хочет работать на меня, она высылает мне по электронной почте свои фотографии и резюме, и я могу прочитать о ее прошлых «заслугах» прямо с экрана компьютера. Никому не обязательно знать, как я выгляжу и где нахожусь, чтобы вести со мной дела. Я даже управляла агентством в Нью-Джерси из Флориды и Мексики несколько недель подряд. Никто не заметил разницы.

Все это означает, что сегодня я могу руководить своим агентством из любой точки мира. На самом деле, быть в постоянных разъездах безопаснее. Раньше было по-другому. Если я переезжала из одного города в другой, то мне следовало на новом месте начинать все сначала. Но это осталось в прошлом. Когда я переезжаю, мой бизнес едет со мной. Я могу жить и работать по соседству с вами, а вы этого даже не заподозрите. Я слышала об одном агентстве, которое управлялось из большого офисного центра на Манхэттене. В одном здании находились представительства сотен компаний, и ни в одном из них не подозревали, что происходит у соседей через стенку, пока в один прекрасный день не пожаловали легавые и не прикрыли лавочку. Вероятно, полиция обнаружила агентство, потому что оно находилось там слишком долго. Я же делаю по-другому: руковожу из того места, в котором в данный момент нахожусь. И не важно, что это — номер гостиницы, квартира или дом моего парня. Я стараюсь как можно меньше пользоваться кредитками, а это значит, что я практически все покупаю за наличные. Я прошу друзей снимать квартиры или брать машины напрокат на свое имя (обычно я плачу им за такие услуги, но оно того стоит). У меня даже есть липовый идентификационный номер с выдуманным именем, которые я использую, когда снимаю номер в гостинице. Мобильность и анонимность — вот что лучше всего обеспечивает мне безопасность.

Я возилась с «Университетским эскортом» два с половиной года, пока не закрыла его. Это был неплохой опыт, учитывая

условия, в которых я работала. В Монреале всегда была жесткая конкуренция, а агентство, которым я управляла, занималось исключительно секс-услугами, а не подружками напрокат, как сейчас, поэтому мне сложно было заполучить постоянных клиентов. Однако закрыла я эту лавочку вовсе не из-за деловых соображений, а из-за своего парня Филиппа.

Хотя при нашем знакомстве на него произвело впечатление то, что я заведую борделем, на самом деле ему не нравилось мое занятие. Пытаться заниматься подобным бизнесом — значит не знать ни выходных, ни праздников. Как только колесо запускается, я провожу на телефоне и возле компьютера часы напролет до поздней ночи. Филипп не был против сути моего бизнеса, просто иногда ему казалось, что я пренебрегаю им, но и, конечно, он беспокоился обо мне. Если вы еще не догадались, у меня одержимая натура. Когда я вбиваю себе что-то в голову, то не останавливаюсь до тех пор, пока не увижу первые результаты усилий. Так было с сайтом, который я хотела сделать, чтобы не платить никому за его создание, так было с новой маркетинговой стратегией, которую я очень хотела попробовать. Я до сих пор такая. Убеждена, что хороший бизнесмен должен иметь подобный характер.

К тому времени у меня появилась серьезная зависимость от спидов[5]. Спид, который у меня был в Канаде, не идет ни в какое сравнение с тем, который вы получаете в Соединенных Штатах. Это просто наркотик мечты. Я принимала одну таблетку, потом еще половинку каждые три-четыре часа, и чувствовала себя такой бодрой, словно проспала целую ночь, хотя так и не ложилась. Это была настоящая эйфория. К сожалению, я занималась этим много лет и в результате подорвала-таки здоровье. Я могла не спать пять суток подряд, а потом вырубалась на пару суток, и, что бы Филипп ни предпринимал, он не мог меня разбудить. С точки зрения Филиппа, я усугубляла ситуацию тем, что под кайфом работала ночи напролет. Тогда он не был таким закоренелым наркоманом, как я. На самом деле, когда во время нашей первой ночи мы вместе приняли экстази, это были его первые наркотики.

Закончилось это тем, что Филипп попросил меня уйти из бизнеса. Мы так долго были вместе (более двух лет, для меня это очень долго), что я восприняла его слова серьезно и решила заключить сделку. «Я бросаю свою работу, а ты — свою», — предложила я. Он все еще танцевал, и мне не нравилось, что другие мужчины и женщины могут постоянно наслаждаться его видом. Я вам уже говорила, что он был роскошным, и я знала, что к нему постоянно пристают, хотя своими глазами этого и не видела.

Филипп согласился, и после этого мы почти стали этакой милой семьей. У нас было достаточно денег на какое-то время, поэтому мы просто жили. Очень скоро я узнала, что беременна. Филипп был очень взволнован. Но вскоре у меня случился выкидыш.

После этого между нами словно кошка пробежала. Этому было много причин. Думаю, мы просто были слишком разными. В конце концов я решила, что мне придется возобновить свой бизнес, ведь надо было зарабатывать деньги. Из-за большого количества неоплаченных штрафов за нарушения правил дорожного движения меня арестовали и влепили штраф в четыре тысячи долларов. Также мне пришлось выложить кругленькую сумму на залог, чтобы выйти из тюрьмы. Я была на мели, а Филипп все равно не хотел, чтобы я возвращалась в бордельный бизнес.

Мы все время спорили по этому поводу, наконец мне пришлось признать, что в бизнес я хочу вернуться не только из-за денег. Я просто хотела снова заниматься этим делом. Мне было только двадцать с небольшим, и я не могла представить, что остаток жизни придется бездельничать. Без работы я чувствовала себя потерянной и немного бесполезной. Это заставило меня осознать, что у меня были определенные навязчивые идеи, с которыми следовало совладать. У меня всегда было ощущение, что если бы Филипп знал меня лучше, то возненавидел бы. Думаю, я бы сильно упала в его глазах, если бы он понял, что я хотела быть частью этого мира не только потому, что у меня практически не было выбора. Когда мне в голову приходили подобные мысли, я думала, что наша любовь — ложь. В конце концов мы порвали наши отношения, потому что дальше так продолжаться не могло.

Я до сих пор считаю Филиппа своей единственной настоящей любовью и другом. Я любила Андре и Аллена, но с Филиппом все было по-другому. Он был очень милым человеком и в первую очередь заботился обо мне, а не о себе, своем бизнесе или о чем-то еще. Я доверяла ему больше, чем кому-либо в своей жизни. Время от времени я представляю, как бы все могло быть, если бы наши отношения развивались иначе, но, видимо, этому не суждено было случиться. По всей вероятности, стабильные отношения не для меня. Я никогда не считала себя человеком, который может выйти замуж и завести детей. Но тем не менее Филипп был особенным человеком.

Филипп очень тяжело воспринял наш разрыв. Он ходил за мной какое-то время, появлялся у моей квартиры в любое время дня и ночи. Однажды утром я даже обнаружила его спящим возле

моей двери. Его друг Рик, который работал барменом в одном из стрип-баров, где Филипп танцевал, всегда был ко мне неравнодушен, поэтому я решила, что лучшим способом покончить с этим всем будет начать встречаться с его другом. Так я и сделала. Филипп был разъярен, но он наконец понял, что между нами все кончено.

Вероятно, оставаться в Монреале после разрыва с Филиппом было ошибкой, но я потеряла свой идентификационный номер, поэтому не могла пересечь границу. Я уверена, что смогла бы найти выход, но в тот момент не нашла. Мир, казалось, говорил мне, что настало время двигаться дальше, а я не слушала.

Глава 8
Бегство В Канаду, часть 2

Жизнь в Канаде после Филиппа состояла в основном из работы, игры и свиданий. На этих трех китах основывалась моя жизнь. Я зарабатывала неплохие деньги, все те же пять тысяч долларов в неделю. В Канаде на них можно было бы неплохо жить, если бы не моя страсть к играм. Почти все деньги я оставляла в своем любимом местном казино. Не помогло даже то, что я начала встречаться с лучшим каталой города, который любил ходить в казино почти так же, как я. Он был математиком и учителем, настоящим «ботаником». Он совсем не походил на ребят, с которыми я обычно встречалась, но мне он нравился, и нам было весело вместе.

Я также завела нескольких друзей и знакомых, с которыми до сих пор поддерживаю отношения. Как я уже говорила, я часто приглашаю девочек из Монреаля для работы в моем нынешнем агентстве, потому что они опытные и отлично выполняют работу. Моя подружка Ники, например, которая работала на меня тогда и иногда делает это сейчас, ростом всего около метра пятидесяти, выглядит, как пятнадцатилетняя (хотя на самом деле ей намного больше), а грудь у нее четвертого размера. Вы будете правы, если подумаете, что она постоянно ходит полусогнутая из-за такого шикарного хозяйства, но энергия из нее так и прет. В те времена у нее были розовые волосы, пирсинг в языке, и она везде ходила с рюкзачком, на котором красовалась надпись «Беверли-Хиллз 90210». Ребятам она тогда нравилась, да и сейчас нравится. Ники белая, но у нее глубокий, страстный голос негритянки. Она всегда мечтала стать певицей и, возможно, стала бы ею, если бы не проклятый мескалин.

Я также познакомилась с местными «коллегами». После событий 11 сентября 2001 года поток туристов в Монреаль намного поубавился. Только самые крепкие выжили после кризиса, а я с моей любовью к игровым автоматам выстоять не смогла. Я закрыла агентство и начала работать на одно из пяти ведущих агентств города (я, когда закрывалась, была только в двадцатке лучших), у которого было достаточно местных клиентов, чтобы пережить тяжелые времена. Я очень хорошо набила руку, работая на телефоне и организовывая встречи, поэтому Дуг, владелец той конторы, предложил мне работу.

Я получала долю от каждого оформленного мной заказа. Обычно я работала на дому, но, когда случались запарки, ездила

с шоферами, которые развозили девочек на свидания и по домам, чтобы убедиться, что все идет нормально. Работа была не напряженной, поэтому мне какое-то время даже нравилось такое состояние. Это было похоже на частичный отпуск.

Однако к таким заработкам я не привыкла. Очень скоро я уже не могла платить за роскошную квартиру. У Дуга была девушка по имени Сенди, которая старалась подружиться со мной с тех пор, как я начала на него работать. Я ей особо не доверяла, но, когда она предложила пожить у нее какое-то время, я решила, что это неплохой вариант. Думаю, она хотела, чтобы я переехала к ней, потому что ей нужна была сиделка для детей. В любом случае, именно этим я и занималась.

У Сенди было четверо детей: двое от второго брака, которые жили с ней, и еще двое от первого, с которыми она встречалась каждые выходные и по праздникам. Она была настоящей сукой. Пока я туда не попала, дети питались кукурузными хлопьями на завтрак, обед и ужин. Время от времени, по особым случаям, она могла приготовить им какие-нибудь полуфабрикаты, потому что только это и умела. Когда она хотела, чтобы они что-то сделали для нее, она давала им конфетку. Это работало практически безотказно, потому что они всегда были голодными. Она постоянно шлялась по магазинам с разными ребятами, оставляя детей одних.

Дело не в том, что она постоянно просила меня сидеть с детьми. Просто я не могла смотреть, как она обращается с ними, поэтому я начала заботиться о них. Кроме того, я была дома, а ее не было. Я готовила для них обеды и делала бутерброды в школу. Те двое, что жили с нами, были настоящими трудными детьми. Когда они были расстроены, я просила их рисовать веселые картинки. Один из мальчиков однажды нарисовал, с его точки зрения, идеальную жизненную ситуацию. Он нарисовал дом, в нем себя, брата и отца в одной части дома, а мать — в другой. Причем мать была совершенно одна. Он ненавидел мать. Как я ни сопротивлялась, но в конце концов все-таки полюбила этих детей.

Между тем Сенди вела себя как сука не только с собственными детьми. Она перетянула на себя львиную долю дневной работы агентства (которой я тоже занималась), поэтому Дуг имел смутное представление о том, что там происходит. Она использовала каждую возможность, чтобы ограбить его, а потом придумывала объяснения вроде того, что у них была неудачная неделя. Меня она тоже грабила, а проблема заключалась в том, что я знала это. Она отдавала только около десятой части того, что должна была мне в виде комиссионных за организацию встреч. Большую часть этих денег я тратила на нормальную еду

для ее детей.

Я не уважала Сенди, но, тем не менее, научилась у нее одной вещи — всегда следить за своим бизнесом. В свои самые удачные времена у меня возникало искушение нанять кого-нибудь, кто бы делал за меня всю тяжелую работу, в частности работу на телефоне. Но когда я вспоминаю Сенди, то понимаю, что лучше не сообщать никому слишком много информации о своем бизнесе. Дуг был довольно неплохим парнем. Я его знала не слишком хорошо, но он помог мне в тяжелую минуту и поэтому нравился. Но ему следовало знать, что к чему. Особенно когда появился Полковник Эд. Эд был бывшим военным, который представился как специалист по целевым спискам рассылки. На самом деле такие вещи он делал не только для эскорт-агентств, но и для самых разных организаций, поэтому большую часть времени Полковник Эд занимался вполне законным бизнесом. Он сам нас вызвонил и поинтересовался, не думаем ли мы расширяться.

Полковник Эд утверждал, что у него есть способы охватить большую клиентскую базу заинтересованных в нашем деле людей. У него был, не знаю даже откуда, длинный список электронных адресов потенциальных клиентов, с которыми мы могли связаться напрямую. Когда Сенди услышала об этом, у нее глаза буквально засверкали от жадности. Она старалась изо всех сил держать Полковника Эда подальше от Дуга и неплохо в этом преуспела. Однако она не сообразила, что надо держать его подальше от меня.

Поскольку я занималась большей частью заказов, Полковник Эд часто общался со мной по делу. Он очень скоро понял, что Сенди лучше устранить от бизнеса где только возможно. У нее была нестабильная психика, и он это знал. Он не хотел, чтобы его замели, поэтому предпочитал работать со мной. По сравнению с ней я была намного надежней.

В целом Эд предлагал рассылать наши предложения на адреса электронной почты из его списка и хотел иметь долю от каждого оформленного свидания с парнем. Оказалось, что у него действительно был достаточно ценный «товар». Каждый раз, когда мы использовали его список, мы получали неплохой доход. Я также узнала у Полковника, что у него были подобные списки и из других городов Соединенных Штатов. И тогда я поняла, что настало время что-то менять.

В один прекрасный день к нам поступил заказ от нового клиента, который хотел девочку для компании, а не для секса. Это был бизнесмен, и в Монреале он был проездом. Ему просто не хотелось быть одному. Когда я увидела, что ему нужна азиатка, я

немедленно ухватилась за возможность взяться за заказ самой. Он предлагал хорошие деньги за легкую работу, а мне это было нужно.

Парня звали Пол, и у него были определенные проблемы с психикой. Одна из них — сильная боязнь женщин. Он платил две тысячи долларов за обед и последующий поход по клубам. Он даже пришел с бриллиантовыми сережками в качестве подарка, словно бы это было настоящее свидание. Я была рада им, хотя это и выглядело немного пафосно. Я его завела по полной в ночном клубе, а потом, задолго до рассвета, оставила его.

После этого Пол запал на меня. Думаю, ему нравились женщины, которые плохо обращались с ним. Раньше я бы отшила его, но в этом случае я не могла упустить возможность. Он был прекрасным парнем, который смог бы помочь мне вернуться в Соединенные Штаты.

Мне не хотелось самой пересекать границу, поскольку после 11 сентября меры безопасности ужесточили, а у меня до сих пор не было идентификационного кода. Кроме того, я все еще была на поруках за нарушения правил дорожного движения. Я так и не появилась в суде и не заплатила штраф. Если бы кто-нибудь заглянул в мое дело, то меня наверняка отправили бы назад в тюрьму.

Я не хотела возвращаться в Штаты на каком-нибудь общественном виде транспорта, потому что тогда очень пристально проверяли людей в аэропортах и на железнодорожных станциях. Я подумала, что смогу проскочить, если махну перед носом у пограничников липовым кодом, но для этого нужно было ехать в частной машине. У Пола был БМВ, и он предложил подвезти меня до Бостона, куда я как раз хотела попасть. Я решила, что игра стоит свеч. Прежде чем уехать, я позвонила в службу по делам несовершеннолетних и сообщила, что всем детям Сенди было бы лучше жить с отцами. Я сделала это ради их безопасности. Мне было очень жаль покидать их. Я также связалась с Дугом и рассказала, что Сенди делала у него за спиной. Я позвонила ему, потому что Сенди заслуживала этого.

Мой план попасть в Штаты прошел как по маслу. Пол был настоящим бизнесменом, у него была хорошая машина, поэтому пограничники пропустили нас без проблем. Однако когда я попала в Бостон, я быстренько отделалась от Пола. У меня были уже другие планы, и ему в них места не было.

Мои планы в Бостоне были тесно связаны с парнем, сетевое имя которого было Мастер Ромео. Он был (да и сейчас является) ключевым игроком на самом известном обзорном сайте эскорт-услуг в тех местах. Подобные сайты независимы, поэтому люди

склонны доверять мнению таких ресурсов по поводу конкретной девочки или агентства. Это то же самое, что читать рецензии на книги или отзывы об обслуживании в ресторанах. Кроме того, определенные «рецензенты» стали известными благодаря таким сайтам. Им никто не платит, как и любым другим обозревателям, но, благодаря их большому опыту и манере изложения своего мнения, их обзоры привлекают многих мужчин с подобными взглядами. У Мастера Ромео и небольшой группы ему подобных были серьезные контакты с большим количеством реальных и потенциальных клиентов услуг, подобных моим, по всей стране, а также в Канаде. Они заработали репутацию «специалистов», а их сетевые имена известны всему сообществу «Любителей хобби», как они себя называют. Их мнения о девочках, с которыми они встречались, кому-то помогают сделать карьеру, а кому-то ее губят. На самом деле, если у меня есть девочка, у которой немного заказов, я иногда предлагаю ее одному из этих ребят бесплатно, очень надеясь, что хороший отзыв, который действует практически как «звездная» реклама, может подстегнуть ее карьерный рост.

Мы с Мастером Ромео подружились в Монреале, а союзником я его сделала, когда решила, что пришло время покидать город. Я знала, что он и еще несколько «звездных» обозревателей являются членами привилегированного клуба богатых бостонцев. Клуб спонсировал регулярные вечеринки, и на каждую они приглашали толпы девочек. Они часто обращались к крупному агентству «Монреальские подружки», которое снабжало их необходимыми «талантами», но, когда Мастер Ромео узнал, что я уезжаю в Штаты и хочу возродить свой бизнес, он сказал, что его друзья с удовольствием примут всех девочек, которых я смогу им предложить.

Прежде чем я попала в страну, у меня уже были на неделю расписаны заказы от друзей Мастера Ромео и приглашены девочки из Монреаля. И к концу первой недели в Бостоне у меня в кармане лежали тысячи долларов.

Это было прекрасное начало, однако Бостон был лишь промежуточной остановкой. Полковник Эд сказал, что он может делать для меня то же, что делал для Дуга и Сенди, но только в Нью-Джерси, где конкуренция была относительно не такой жесткой. Меня очень заинтересовала эта идея, и я приняла его предложение. Благодаря Мастеру Ромео и его друзьям у меня был стартовый капитал для того, чтобы немедленно начать работу в полную силу.

Глава 9
Приключения в Нью-Джерси

В Бостоне у меня появилась возможность сходить на «топовые» вечеринки Мастера Ромео. Это было что-то. Я познакомилась там с несколькими солидными людьми, единственной целью которых, казалось, было потратить как можно больше денег. Был там один парень, настоящий сорокалетний девственник. В молодости он, наверное, был слишком занят сколачиванием состояния мультимиллионера, чтобы беспокоиться о том, с кем бы трахнуться, но к тому времени, когда я с ним познакомилась, он быстро наверстывал упущенное время. Он стал прекрасным постоянным клиентом. Я также встретила там девочек из «Монреальских подружек», которые обслуживали вечеринку. Это тоже было полезно. Одну из них звали Мэнди, и мы сразу же подружились.

Мэнди была без царя в голове. У нее был свихнувшийся дружок, который принимал литиевый транквилизатор, поэтому они постоянно готовы были поубивать друг друга. У него была аллергия на моллюсков, и когда она злилась на него, то творила просто неимоверные вещи, например засовывала кусочки креветок ему в зубную пасту. Но с ней было весело. Когда мы познакомились, она постоянно таскала меня за собой по разным местам и хотела, чтобы я делала то же, что и она. Она вбила себе в голову мысль, что, после того как закончит работу в Бостоне, полетит в Сан-Франциско, просто для того чтобы пойти в тот известный гей-клуб, где, по слухам, ребята дрочат прямо на сцене. Я только что неплохо заработала на разных миллионерах, поэтому подумала: «Какого черта, а почему бы и нет?» — и полетела с ней.

Когда мы были в Калифорнии, я рассказала Мэнди о Полковнике Эде и его предложении помочь мне начать дело в Нью-Джерси. Полковник Эд сказал, что у него есть восемь тысяч электронных адресов потенциальных клиентов в относительно неосвоенном районе северного Нью-Джерси. Он добавил, что кто-нибудь может использовать этот список, чтобы организовать небольшое, незаметное, но прибыльное эскорт-агентство, которому не надо будет размещать рекламу в журналах или Интернете, а следовательно, это не привлечет нежелательного внимания. Рекламные же объявления, с помощью которых я раньше всегда начинала бизнес, мог найти кто угодно — не только потенциальные клиенты и «работницы», но и легавые или

представители общественных организаций, которые следят за такими вещами, а это означало возможность возникновения серьезных проблем. Даже обычные обыватели могут вызвать неприятности, если начнут слишком сильно шуметь. Но со списком электронных адресов у меня будет прямой доступ к клиентам, поэтому я смогу быть настолько беспечной, насколько захочу.

Этот вариант показался мне прекрасным, поскольку подобные возможности предоставляются редко. Но в целом я была не уверена в затее. Я никогда не работала в подобном месте. Конечно, я жила в Нью-Джерси с Андре, поэтому немного знала город. К тому же у меня в свое время были бордели в Нью-Йорке, но это было совсем не то. В Нью-Джерси я буду работать не в большом городе, как было всегда. Этот город больше похож на пригород — особняки, семьи, дети. Это была совершенно другая обстановка.

— Возможно, он позволит нам опробовать свой список, — предположила Мэнди, и это было замечательной мыслью. Она согласилась побыть моим подопытным кроликом. После поездки в Сан-Франциско мы подались в Нью-Джерси, чтобы проверить обстановку и список Полковника Эда.

Мы решили, что лучшей проверкой эффективности будет сравнение списка с моим старым способом начала бизнеса. Сначала я использовала обычную практику размещения рекламы в различных журналах и газетах, которые, как я полагала, читают местные потенциальные клиенты. В рекламе говорилось, что Мэнди прибыла в эти места с эксклюзивным визитом лишь на неделю. Потом мы начали наблюдать, что произойдет.

Произошло не слишком много. За неделю мы оформили четыре или пять заявок. Мэнди встречалась с клиентами в местных гостиницах и говорила, что ребята попадались неплохие — приличные клиенты и приличные чаевые. Но если я смогла найти для одной девочки всего пригоршню клиентов на целую неделю, то как я смогу обеспечить работой нескольких девочек одновременно? Надежда была слабой.

Несколько недель спустя я написала электронное письмо с предложением схожего содержания. Полковник Эд разослал его по всем адресам из своего списка. Мы только тем и занимались, что рассылали предложения. В результате неделя удалась. Мы заработали десять тысяч долларов за пять дней, а Мэнди ушла домой с семью тысячами. Отозвалось невероятное количество людей. Мне приходилось судорожно искать свободные номера, чтобы Мэнди было где работать. Так как я не ожидала такого ажиотажа, то забронировала для нее комнату всего на пару дней.

Мне даже пришлось нескольким отказать, многие спрашивали, когда мы вернемся. К концу недели мы обе были выжаты как лимон, но я уже приняла решение. Эта затея со списком рассылки была находкой. Я сказала Полковнику Эду, что куплю его список. Мы сошлись на пятидесяти тысячах долларов.

Я решила, что это нормальная сумма, поскольку планировала окупить ее за несколько месяцев. Кроме того, столько денег я еще ни во что не вкладывала. К тому же мне раньше доводилось делать сайты, но не списки рассылки. По словам Полковника Эда, это было непросто. Он предложил остаться и помочь мне с технической стороной, в обмен на пятьсот долларов с каждой девочки в неделю. Я пошла на это. Я быстро собрала необходимую сумму, и мы с Полковником стали деловыми партнерами.

Одной из первых вещей, которые я сделала, было создание самобытного образа моей конторы. Тогда и появилось название «Подружки напрокат». Оно говорит клиентам, какие услуги мы предоставляем, поскольку большинство людей, которые обращаются в эскорт-агентства, знакомы с этим понятием. Я так решила, поскольку изучение рынка показало, что в этой сфере в основном предлагали традиционный секс, без излишеств и без особых вариантов. На этом фоне можно было легко демонстрировать индивидуальный стиль. Я решила подчеркнуть тот факт, что мы предлагали не просто секс, а эротическое приключение. Я прикинула, что это не только выделит нас из толпы, но и привлечет различных солидных клиентов, которые будут стабильно посещать нас и у которых хватит на это денег.

Когда мы послали первое сообщение с рекламой агентства, в нем я написала, что мы предлагаем членство в престижном клубе. В нем говорилось: «Вы были выбраны для получения бесплатного членства после получения подтверждения Ваших рекомендаций и статуса. Это предложение сделано ограниченному кругу лиц». Опять-таки я обращалась к таким клиентам, которые меня интересовали, то есть к таким, которых привлечет привилегированность и роскошность. Такие клиенты могут не только оценить нашу незаметность, но и потребовать ее.

Я также создала сайт, где клиенты могли найти больше информации о нас и наших девочках, и включила адрес сайта в письма из списка рассылки. После этого я уселась и стала ждать звонка. Почти мгновенно прозвучал звонок.

Я не проверяла парня, пока он не заказывал конкретную девочку. Но как только он это делал, я заставляла дать мне определенные личные данные: имя, место работы, рабочий и домашний номера телефонов. Мне часто приходилось хитростью

выведывать у людей эти данные, но я не жаловалась. Я просто говорила:

— Послушайте, дорогуша, я знаю, что это неудобно, но это лучшее решение для всех нас. Вы бы не захотели, если бы я послала к вам непроверенную девочку, не так ли? Каждый должен пройти проверку. В противном случае все мы подвергаемся опасности. К тому же, когда вас проверят, я уничтожу ваши данные, — что было полуправдой. Поскольку у меня была хорошая память, я держу в голове большую часть подобной информации, кроме электронных адресов. Потом я продолжала: — Я не больше вашего хочу, чтобы ваши личные данные попали в третьи руки. — Я всегда с удовольствием пичкала очередного парня этой речью. Практически всегда это срабатывало. На самом деле, чем больше парень колебался, тем увереннее я в нем была. И наоборот, я отказывала людям просто потому, что они слишком охотно делились своими данными.

Как только я получала данные парня, я говорила ему, что мы перезвоним, когда проверим его. Это звучало довольно официально, но я начинала, как поступили бы и вы, с того, что вводила его данные в поисковую машину. Я также звонила ему на работу, чтобы удостовериться, что он там действительно работает. Иногда я звонила к нему домой, разговаривала с женой, прикидываясь рекламным агентом. Мои вопросы зависели от того, что я думаю об этом человеке, но я обычно спрашивала столько, сколько считала нужным. Если мне что-то не нравилось, я ему просто не перезванивала.

Если вас приняли как клиента, то обычно процедура такая: вы можете пойти на наш сайт и просмотреть фотографии девочек, которые работают на этой неделе. Там же приведены их данные: рост, вес, параметры, расовая принадлежность, цвет волос и глаз. Также часто указано состояние волос на лобке: «полностью бритый лобок», «естественный лобок», «клинышком». Далее идут персональные профили, которые немного надуманны. Я создаю эти истории сама и считаю их одним из моих лучших талантов. Конечно, никто из девочек не использует настоящие имена, поэтому мы придумываем псевдоним для каждой из них и играем уже от этого.

Некоторые из девочек становятся учителями, поэтому они знают, как взять под контроль любую ситуацию. Другие — иностранки с сексуальными акцентами, которые только-только приехали в страну, немного потерялись и жаждут помощи. Есть милые и невинные школьницы, которые хотят, чтобы их обучили. У нас были акробатки и массажистки, медсестрички и мамочки, библиотекарши и так далее. Иногда мы предлагаем

исключительно шикарное описание лучших сторон девочки, в частности наших постоянных девочек. Например, описание Джинни из Невады:

По многочисленным заявкам Джинни из Невады приезжает в Северный Нью-Джерси! Для тех, кто еще не успел насладиться встречей с очаровательной Стервочкой. Она невероятно чарующа и прекрасна в своей роли. Известная и признанная гетера, она насытит вас неподдельной бодростью, заставляя пережить абсолютное, мощное, сносящее крышу романтическое приключение. Потом вы решите, что вернулись из мира грез.

Рост Джинни — один метр восемьдесят сантиметров, вес — шестьдесят килограмм, размер груди — четвертый. Длинные, шелковистые, темные волосы и светло-голубые глаза. У нее крепкое, атлетическое телосложение, но фигура отличается соблазнительными изгибами в нужных местах. Она дополняет идеальные пропорции и модельную внешность острым желанием доставить наслаждение. Она с удовольствием отметет все запреты и исполнит любое ваше потаенное желание или чаяние… Не исключено, что вы познаете новое значение этого слова.

Как только вы нашли подходящую девочку, вы просто звоните или пишете электронное письмо. Прямо у нас на сайте есть специальная форма, которую можно использовать для заказа. Даже есть форма для кредитной карты, которой пользуются наши самые надежные клиенты, если они не хотят платить наличными. Однако большинство мужчин предпочитают звонить. У всех наших клиентов есть номер моего мобильного телефона. Наши ребята хотят получить удовольствие побыстрее, поэтому они не любят сидеть и ждать ответа по почте, а предпочитают разговаривать со мной по телефону. Однако если они не могут связаться со мной, потому что я не работаю круглые сутки, у них есть несколько запасных вариантов, которые обычно выручают.

Мы работаем по стандартной системе в два звонка, что означает, что, когда вы звоните в агентство по поводу встречи, вы получаете имя девочки и название отеля, где произойдет встреча, но не номер. Чтобы получить его, вы звоните второй раз, когда приезжаете в гостиницу, чтобы сообщить, что готовы. Потом я звоню девочке, чтобы убедиться, что она тоже готова. Вы должны помнить, что мы обычно организовываем встречи подряд, то есть я звоню девочке, чтобы убедиться, что ее предыдущая встреча закончилась, что парень ушел и что она может немного привести себя в порядок перед вашим приездом. Нет ничего хуже, когда

клиент приезжает на место и видит, как уходит предыдущий «посетитель». Это может полностью убить настрой. Только после того, как девочка говорит мне, что все в порядке, я сообщаю следующему клиенту номер комнаты. Тогда начинается отсчет времени.

Я точно не знаю, что происходит дальше, поскольку я никогда не бываю поблизости и, честно говоря, не хочу знать. Как только они оказываются в номере вдвоем, то сами разбираются между собой. Конечно, у меня есть правила, которые приведены в моей памятке, но я знаю, что они не всегда строго следуют ей. Например, девочки не должны принимать наркотики во время работы, но я знаю, что это правило постоянно нарушается. На самом деле я советую всем клиентам, которые работают с одной моей девочкой:

— У меня есть для вас небольшой секрет относительно этой конкретной девочки. Если вы не боитесь запаха дыма, позвольте ей забить косячок перед тем, как вы приступите. Вы получите намного больше удовольствия, я гарантирую это. — Все клиенты без исключения последовали этому милому совету.

Моя официальная политика заключается в том, что каждый должен следовать правилам. В реальности, однако, наркотики у нас являются скорее запретной темой для разговора. Если ко мне не поступают жалобы, мне все равно. Но если у девочки передозировка и клиент сообщает мне, что она потеряла сознание, вела себя странно или вытворяла в его присутствии нечто нехорошее, я увольняю ее за нарушение правил.

Я могу увольнять девочек, когда захочу, поскольку можно легко нанять других. На самом деле каждую неделю я стараюсь использовать разных девочек. Большая часть их не живет в Нью-Джерси. Они прилетают из дому — из Флориды, Калифорнии, Канады, иногда из Европы — и останавливаются в гостинице, где работают неделю, а иногда и две.

Существуют две веские причины использовать приезжие «таланты». Во-первых, если каждую неделю я использую девочек из разных частей страны или даже мира, то меня очень трудно прижать к ногтю, поскольку так намного сложнее использовать девочку, чтобы проникнуть в мою организацию и добраться до меня. Во-вторых, разнообразие — это хорошая приправа к серому быту. С рыночной точки зрения, каждый раз, когда ко мне приходит новая девочка, у меня появляется повод разрекламировать «свежий товар». Кроме того, у меня есть постоянные клиенты, которые приходят один-два раза в неделю. Если я буду раз за разом предлагать им одних и тех же малышек, им это очень скоро надоест.

«Взнос» составляет от трехсот до трехсот пятидесяти долларов за опытных девочек, как я уже говорила, но, когда у меня появляется новая дамочка, которой надо поднабраться опыта, я часто предлагаю ее за двести пятьдесят долларов в час, пока она не заработает хорошее реноме. У меня уйма клиентов, которые с радостью хватаются за возможность «обкатать» такую крошку, а потом сказать, стоит ли ее держать. У нас также есть специальные предложения, размещенные на сайте. Например, на День святого Валентина. Или на дни рождения. Плюс «небольшой бонус в виде бутылки красного или белого вина, или какого-нибудь игристого, чтобы отпраздновать важное событие!» Конечно, у меня есть несколько клиентов, которые каждые несколько месяцев объявляют о своем дне рождения, поэтому я обязательно указываю в рекламе особых предложений для дней рождения, что «личные данные тщательно проверяются». Мы предлагаем специальные обеденные полчаса со скидкой для ребят, у которых времени в обрез, но которые хотят быстренько перепихнуться и быстренько вернуться на работу. Мы предлагаем скидку в пятьдесят долларов, если вы приведете друга, и в пятьсот долларов, если посоветуете квалифицированный «кадр». У меня также есть программа для «завсегдатаев», наших лучших клиентов.

Кроме «взносов», я не чураюсь бартера. На сайте я пишу так: «Вы заинтересованы в равноценном обмене? Вы бухгалтер? Компьютерщик? Автомеханик? Доктор? Адвокат? Страховой агент? Мы можем с вами договориться». Просто я хочу, чтобы у всех девочек было хорошее медицинское обслуживание.

Мне нравится так вести дела, потому что так можно получать товары и услуги без необходимости афишировать мое имя. Я купила «мерседес», пару квартир, наняла адвоката, веду дела через сеть, не говоря уже о всяких срочно необходимых медикаментах от представителя фармацевтической компании и лечении. И все это за бартер или скидки взамен на то, что мне нужно.

Я позволяю девочкам тоже так делать, то есть договариваться с клиентами, но только тем, которых хорошо знаю и которым доверяю. Если вы работаете на меня, вы должны заработать определенные привилегии хорошей работой. Прежде чем начать работать, девочка подписывает контракт и соглашается следовать правилам. Об этом ей говорят в первую очередь. На самом деле, самое первое, что я делаю, когда мне звонят в поисках работы, так это отсылаю претендентке памятку сотрудника. Многие потенциальные девочки передумывают, прочитав правила, но я не

против. Те, кто остаются, скорее станут профессионалками, которые хорошо выполняют работу.

Конечно, девочки в нашем деле не всегда профессионалки, поэтому мне приходится их проверять очень тщательно. Возьмите, например, Сирену. Она была моделью из Восточной Европы. Ее ко мне направил один наш клиент. Нью-йоркское агентство, на которое она работала, было одним из тех, что просят полторы тысячи за час. У нее там было недостаточно работы, поэтому, несмотря на значительную разницу в оплате, она решила перейти ко мне. Сначала она хотела, чтобы я больше требовала за ее услуги, чтобы продавала как специальное предложение, но я сказала ей, что не в моих правилах выделять кого-то из девочек, словно бы она более достойна. Так было не всегда. Этому мне пришлось научиться. Моя философия в том, что на каждый товар найдется покупатель, поэтому все девочки, грубо говоря, стоят одинаково, даже толстые и староватые, с маленькой грудью и некрасивые. У меня есть девочки, которые пользуются особой популярностью. Вид некоторых наверняка удивил бы вас. Например, Бетт, у которой нос, как у Пятачка, или Джилл, которая плотнее большинства девочек, но клиенты всегда в восторге от их раскованности. Если бы вы встретили такую девочку на улице, вы бы не были так поражены, но за закрытыми дверьми они хорошо делают свое дело. Сирена наконец согласилась с моими условиями, и я взяла ее в оборот.

Сирена прекрасно продавалась. Благодаря фотографиям и происхождению, уйма парней хотела познакомиться с ней поближе. Но, как и с другими вещами, которые вы приобретаете по сильно сниженным ценам, здесь был подвох.

Первую неделю она отработала на «ура». На все доступные часы были назначены свидания. Всего около тридцати штук. Она была весьма довольна заработком. Я тоже. Поэтому где-то месяц спустя я записала ее еще на одну неделю.

Однако к этому времени начали поступать отзывы о ее работе. Они были ужасающими, одними из худших за все время, что я помню. В следующий раз, когда она появилась, мне удалось организовать для нее ровно половину свиданий, по сравнению с первой неделей. В то время я еще не поняла, что происходит. Поэтому, решив, что в первую неделю ей просто не очень повезло, я позвала ее в третий раз. К тому времени плохая слава о ней успела довольно сильно распространиться, и ей досталось только три свидания на целую неделю. У меня никто так плохо не продавался ни до, ни после нее. Я не могла даже предложить ее постоянному клиенту, который уже видел ее раньше, и чувствовала, что он заслуживает компенсации.

Наконец, я попросила этого клиента рассказать мне, в чем проблема. Ну, тогда его прорвало. Он немало плохого рассказал о ней.

— Прежде всего, — начал он, — она не похожа на свои фотографии, не говоря уже о том, что она не очень симпатичная, но, когда ты ожидаешь одно, а получаешь совершенно другое, о каком настроении может идти речь? Было бы лучше, если бы она сделала свежие фотографии и показала себя такой, какая она есть, вместо того чтобы использовать старые и подправленные фото, которые не дают совершенно никакого представления о ней. Во-вторых, что еще хуже, место было отвратительным. Я не думаю, что она хоть как-то прибиралась в номере за целый день, а меньше всего мне хотелось думать обо всех тех парнях, которые побывали там до меня. Но я не мог не думать об этом. Это было очень заметно. По всему номеру были следы предыдущих посетителей. В-третьих, она была не слишком ухожена. Она европейка, поэтому, я полагаю, ей удобней с растительностью на теле и всем прочим, но если вы спросите меня, то волосатые подмышки вышли из моды еще в семидесятые. И наконец, обслуживание у нее ужасающее. Казалось, что ей это не приносит удовольствия. Она была немногословна. Типа «давай побыстрее покончим с этим». Мне нет необходимости платить за подобное отношение. Я такое могу и дома получить!

Я поблагодарила клиента и сделала ему за честность скидку на следующее свидание. А потом, поскольку она нарушила чуть ли не все мои правила и в целом предлагала клиентам нечто противоположное понятию «свидание», я сказала этой девочке за полторы штуки в час, что она больше на меня не работает.

Поначалу я тяжело работала, но отдача того стоила. Я хорошо зарабатывала с самого начала. Поскольку через пролив находился Манхэттен, я там часто бывала, когда хотела поиграть и выпустить пар. Я начала встречаться с мальчиком по имени Остин. Он был стриптизером. Но на одном месте долго не сидел. Иногда он работал в «Веселье», пресловутом клубе с мужским стриптизом на Таймс-сквер, который упоминается в книжке Мадонны «Секс». Это был роскошный паренек с самыми красивыми глазами, которые я только встречала. Наши отношения продлились не слишком долго, в отличие от отношений с некоторыми его друзьями. Он тусовался с кучкой малолетних модников. Они были очень смешными. Один из них, Яно, жил в Майами, и нам пришло в голову, что мне стоит переехать туда.

Бизнес хорошо шел в Нью-Джерси, поэтому я не хотела

ничего менять, но мне хотелось сменить обстановку. Я обсудила это с Полковником Эдом, и он дал добро. В моем бизнесе наступала новая эра, когда все делалось на расстоянии — через Интернет или мобильный телефон. Как сказал Полковник Эд, теперь ничто не мешало мне заниматься тем, чем я сейчас занимаюсь, лежа на пляже во Флориде.

Я была довольна, что не была прикована к одному месту. Я нашла отличные апартаменты в Майами, в которых очень хотела жить, но мне как-то надо было убедить управляющих комплекса, что я могу платить за них, хоть у меня нет кредиток или чего-либо подобного. Наконец я решила отослать им квитанции из фешенебельного отеля в Нью-Джерси, в котором я прожила девять месяцев. Этого им хватило, чтобы считать меня ответственным жильцом.

Я также договорилась с Яно. У него всегда были проблемы с деньгами, поэтому я сказала ему, что он сможет пожить у меня, если разрешит пользоваться его машиной. У меня все еще не было прав, с тех пор как у меня украли сумочку в Монреале. А без этого я не могла взять тачку напрокат. Тогда я слишком легко пускала людей в свою жизнь и бизнес. В конце концов и Яно, и Полковник кинули меня.

Началось с того, что меня остановили за проезд на стоп-сигнал. Не такое уж большое нарушение, но когда я через какое-то время все-таки добралась до суда, чтобы выплатить штраф, я узнала, что опоздала. Если во Флориде вы не выплачиваете штраф в течение определенного времени, то потом приходится улаживать проблему напрямую с полицией.

Тогда я пошла в полицейский участок, где они обнаружили, что существует ордер семилетней давности на мой арест в Нью-Джерси. Это была та глупая история, которая случилась в Атлантик-Сити после того, как убили Тито. Я тогда взяла напрокат машину и не успела заплатить (неудивительно, если учесть все то, что происходило тогда в моей жизни). Поэтому компания по прокату обратилась в полицию с заявлением об угоне. Однажды ночью я устала вести машину и остановилась в одном отеле. Все, что я хотела, так это расслабиться в джакузи и пойти спать. Когда я вернулась в номер после джакузи, ко мне в дверь ломились полицейские. Они увидели машину на стоянке и проверили номера. Зайдя в номер, они тщательно его обыскали и в ванной нашли крохотный пузырек со следами кокаина, который, по всей видимости, забыл предыдущий постоялец. На самом деле это был не мой пузырек. Я еще даже не успела распаковать вещи. Обвинение в угоне отпало, зато пришили обвинение в хранении наркотиков, поэтому мне следовало

прибыть в суд на слушание. Я так и не пришла, поэтому был выдан ордер на мой арест. И я так понимаю, что ордеры на арест, даже за такие мелочи, никогда не отменяются, даже через семь лет.

Сначала я не сильно забеспокоилась, просто слегка расстроилась, что это случилось, когда у меня так хорошо шли дела. К тому же мне нравилось жить во Флориде. Прошлое догнало меня. Я решила, что либо Яно, либо Полковник придут мне на помощь и внесут залог. Я ждала, ждала, но они так и не появились. Вместо этого они решили оставить меня в каталажке и прибрать к рукам мой бизнес.

Именно я контактировала с девочками, которых приглашала на неделю-две, чтобы заполнить заказы. И именно я налаживала отношения с клиентами из списка рассылки Полковника Эда. Я была щедра с ними обоими. Я уже начала подозревать, что Полковник Эд получает больше, чем заслуживает. Я подружилась с одним компьютерным гением в Майами, и он показал мне, как можно легко управляться со списками рассылки и рассылать письма со множеством адресатов, чем Полковник как раз занимался за определенную плату. Он убедил меня, что это очень сложный процесс и что он мне просто необходим для помощи с рассылкой. Даже когда я узнала, что все это чушь собачья, я продолжала держать его при себе.

С Яно история оказалась еще хуже. Пытаясь помочь ему встать на ноги, чтобы он смог сам зарабатывать и убрался из моей квартиры, я организовала для него в Майами отдельное мужское эскорт-агентство. Я даже сделала для него сайт. Но он не справлялся с работой. Все закончилось тем, что я занималась обоими агентствами, а он груши околачивал. Деньги эти были уже не в радость, хотя за это время я собрала великолепную коллекцию сумочек от Луи Витона, но к тому времени, когда меня арестовали, я просто сходила с ума от усталости.

В общем, прошло целых два месяца, прежде чем мне удалось выбраться и спасти бизнес. Дело в том, что меня экстрадировали в Нью-Джерси, а это очень медленный процесс. Когда я наконец попала туда, меня выпустили на поруки, поскольку обвинение было выдвинуто давно, да и наркотиков было обнаружено очень мало. Но к тому времени ущерб уже был причинен.

Первое, что я сделала, когда меня выпустили, так это вернулась в Майами, чтобы разыскать свои вещи. Яно и его девушка (которая, как я слышала, переехала в мою квартиру, пока меня там не было) порвали отношения, поэтому там практически ничего не осталось. Я набрала 911, как только попала туда, и в полиции выяснили, что кое-что из моих вещей лежало у соседа. Я

получила назад компьютеры и кое-какую мебель, но вся моя одежда пропала, не говоря уже о коллекции сумочек от Луи Витона.

Я полетела назад в Нью-Джерси, поджав хвост. Еще хуже было то, что я набрала значительный вес, пока сидела в тюрьме — около двадцати килограмм. Поэтому чувствовала я себя отвратительно. Однако мне полегчало, когда я начала возвращать агентство. Я узнала, что Яно и Полковник Эд работали отвратительно, пока меня не было, поэтому все были просто счастливы, что я вернулась. Например, они организовали Мэнди свидание с каким-то грабителем-отморозком, который был известен тем, что любил калечить людей ножом. Он ей не причинил вреда, только привязал и украл все деньги и «Ролекс». Я была зла на нее за то, что она работала на этих уродов, пока я сидела в тюрьме, но я сыграла на ее чувстве вины, чтобы она вернулась ко мне и бросила их. Клиенты, с которыми я поговорила, были очень недовольны предоставляемым обслуживанием.

За одну сумасшедшую неделю я успела все поправить, а потом объявила о своем возвращении. Я пригласила несколько девочек из Монреаля и забронировала для них всех номера. Яно не додумался удалить все контакты из моих компьютеров, когда сваливал, поэтому я все еще знала, как связаться с изначальным списком клиентов. Я разослала сообщение всем клиентам, девочкам, друзьям. В теме было написано: ВРАГ ПОВЕРЖЕН!!!

После этого вернуть агентство не составляло труда. Яно исчез с лица земли, вероятно, испугавшись того, что я могу с ним сделать, если найду. А Полковник Эд в конце концов за что-то попал за решетку. После этого бизнес наладился, и теперь наконец игра велась по моим правилам.

Друг-компьютерщик научил меня нескольким штучкам, и я начала искать пути по улучшению купленного у Полковника Эда списка. Первое, что я сделала, так это разместила объявления на бесплатных ресурсах, похожих на Живой Журнал, используя припасенные фотографии полуобнаженных девочек. После этого я разослала электронные письма всему списку, предлагая свободный доступ, если они введут свои полные имена, кое-какую другую основную информацию и подтвердят свои электронные адреса. Потом я просто села и начала ждать, когда ребята свяжутся со мной. Используя полученную информацию, я начала чистить список, удаляя повторяющиеся контакты, адреса, от которых приходили отчеты о недоставке, и всех тех, кто сообщил о прекращении сотрудничества.

Использовала тот же трюк с фотографиями, чтобы время от времени расширять список. Проблема в том, что требовалось очень много времени и усилий, чтобы продолжать размещать липовые объявления в местах, где их могут увидеть потенциальные клиенты, и ждать от них ответа. Вот почему я все еще думаю, что, несмотря ни на что, я все-таки не зря купила у Полковника Эда этот список. На протяжении многих лет я использовала его в работе и считаю его сейчас своим самым важным активом.

Я сократила исходный список Полковника с семи тысяч адресов до списка приблизительно в две тысячи мужчин, проживающих в Нью-Джерси и окрестностях. Я всех их лично проверила и знаю, что они заинтересованы в моих услугах. Кроме трюка с объявлениями, я пополняла список благодаря рекомендациям клиентов и личным контактам, но тот исходный список все еще составляет основу клиентской базы. На сегодняшний день я знаю привычки ребят: что они ищут и как часто они это делают. Я знаю, что все они настоящие клиенты, а не подсадные утки из полиции (полицейские, которые пользуются моими услугами по личной инициативе, не в счет). Я также знаю, чем они занимаются, где работают, в браке или нет (большинство женаты), есть ли дети (у большинства есть), а также много других подробностей. Например, удачен ли брак и нравится ли работа. (Ребята любят почесать языками, когда звонят мне.) Благодаря подобной информации я чувствую себя более защищенной от неожиданностей. Лучшие клиенты те, которые могут многое потерять. Они не менее заинтересованы в моей безопасности, чем я сама.

Я начала работать в Нью-Джерси более шести лет назад, но мой бизнес всегда работал по одним и тем же правилам, хотя сайт стал намного сложнее, и у меня появилась возможность попробовать различные маркетинговые техники. Мне понадобилось немного времени, чтобы организовать бесперебойную работу, которая с тех пор не давала мне бездельничать. Очень часто у меня бывало больше работы, чем я могла выполнить, и мне пришлось научиться говорить «нет», научиться делать себе выходные дни, научиться не поднимать трубку. Последнее мне все еще удается с трудом.

Одной из интересных особенностей того, как изменился с годами бизнес, является его прозрачность. Со временем она усилилась. Кроме того, что я поддерживаю собственную безопасность с помощью современных технологий, которые позволяют вести дела за закрытыми дверьми, я также вышла на новый качественный уровень. Благодаря популярным сайтам с

обзорами, где клиенты делятся впечатлениями. Так что, еще не связавшись с нами, они уже знают достаточно много.

Агентство, которое было у меня в Балтиморе, сейчас долго бы не протянуло. А все благодаря подобным сайтам. Ребята могут читать о том, как других надули, как они не получили обещанного (или подразумеваемого) секса. Они просто не будут звонить, и на этом все закончится. Мужчины, которые искали подобные услуги в «Желтых страницах», знали не более, чем вы хотели, чтобы они знали, но теперь все изменилось. У любого человека, который может позволить себе наши услуги, есть дома компьютер, и он может посмотреть «обзор» любой девочки на подобных сайтах. Всех настоящих профессионалок можно найти там, поэтому ребята регулярно просматривают эти сайты. Так что если девочка хочет и дальше работать, ей нужно иметь хорошие отзывы. Практика тоже идет на пользу. Она помогает мне следить за тем, как обстоят дела у моих девочек, что важно, поскольку я не присутствую в комнате, когда они работают. Кроме того, чем лучше отзывы, тем больше я могу запросить за девочку (я часто прошу больше всего за десятку лучших девочек). Я сама тоже иногда появляюсь в отзывах, в которых ребята критикуют мою работу на телефоне. (Они часто упоминают мой сладкий, томный голос.) Иногда мужчин пробивает на поэзию в описаниях свиданий, или они даже дают самый настоящий «репортаж с места событий», наподобие того что приводится далее. В целом парни немногословны, когда они удовлетворены. Типичный отличный отклик может выглядеть как-то так: «Отношение: хорошее; Внешность: горяча; Рекомендации: да; Цена: триста долларов». Но если клиент чувствует, что его как-то надули, тогда он не скупится на «комплименты».

Вот, например, отзыв, выложенный однажды вечером, когда у меня были проблемы с телефоном, а девочка, которая в тот вечер работала, пыталась справиться с простудой:

Когда я позвонил, чтобы договориться о свидании, я сказал (агенту), что могу опоздать, на что она ответила, что это пустяки, она выставит мне счет только за полчаса, если это все, что мне там нужно. Я подумал, что это круто.

Но когда я вовремя прибыл на место и позвонил, то мне пришло сообщение, что звонок не может быть совершен. Я подождал минут десять, позвонил снова, то же самое. Подождал еще десять минут, безрезультатно. В восемь сорок пять, через пятнадцать минут после того, как должно было начаться свидание, я попытался отослать электронное письмо с карманного компьютера с сообщением о том, что не могу дозвониться. Через

пять минут она мне перезвонила и сообщила номер комнаты. Я подумал: ну ладно. Побежал наверх, сказал (девочке), что мне понадобится только полчаса, дал деньги и запрыгнул в душ.

Когда я вышел, девочка говорит мне: «Пожалуйста, позвоните в агентство и спросите, какая оплата, поскольку мне сказали, что вы платите за полный час, а я не хочу потом за вас оплачивать лишние полчаса». Я попробовал позвонить. Опять неудача. Наконец она сказала, что мы позвоним потом.

Во время «процесса». У нее (девочки), как и обещали, были очень хорошо сделаны имплантанты. На ощупь очень хороши. Я начал над ними работать, и тут случилась первая заминка — запах пота. У нее немного попахивали подмышки, что меня не порадовало. Я нагнул ее, чтобы она немного пососала. Она не возражала. Когда она начала умело делать дело, я начал щупать ее ноги, а они оказались не выбриты. Какого хрена?!

Она сосала как надо — используя руки, без рук, брала глубоко, потом просто минет — очень хорошо сочетала разные вещи. Но когда я ее повалил в миссионерскую позу, вернулся запах подмышек. Тогда я попросил ее закончить ртом. Она согласилась.

Не могу сказать, что мне понравился подобный отзыв, но он говорил правду. Это была не самая наша удачная ночь. Хотя мы ему возместили убытки.

Именно Всемирная паутина, а не закон, внесла хоть какой-то порядок в эту индустрию. По правде говоря, мне нравится то, как она сейчас работает. Слова «профессионализм», «надежность», «гордость за свое дело» не использовались в этом бизнесе, когда я начинала, но теперь я просто не представляю, как можно делать дела без этих принципов.

Глава 10
Интимные (деловые) отношения

Теперь, когда я организовала успешный, прибыльный бизнес, я настроена целиком и полностью уменьшать личный риск. Именно поэтому я стараюсь никогда не встречаться с клиентами и девочками лично. (Исключая тех, конечно, которых я уже знаю. Я все еще приглашаю девочек, с которыми работала раньше в разных местах и которые являются моими подругами.) Я вполне доступна по телефону, электронной почте или на сайте, но для них нет особой причины знакомиться со мной, знать, где я работаю, или даже знать мое настоящее имя. Я, как и мои девочки, использую псевдоним.

Это не только повышает безопасность, но также добавляет определенную долю таинственности. Когда я раньше встречалась с девочками, они часто поражались тому, как я молода. Это, а также мой дружелюбный характер заставляют их воспринимать меня иначе, скорее как подругу или приятельницу, с которой можно потусоваться, а не как начальника. Вот тогда они начинают увиливать. Они думают, что я пойму, если они будут опаздывать или ходить в солярий в рабочее время, а я не смогу их достать. Они думают, что я хочу слушать, как они жалуются на своих парней или на клиентов из-за всяких пустяков только потому, что я им как подруга. Но я не понимаю и слушать не хочу. Что меня интересует, так это тяжелый труд и зарабатывание денег. Поэтому лучше всего держать людей на расстоянии. Ничего личного, просто бизнес.

Отделение церкви от государства, так сказать, было так важно для меня, что нам с моей лучшей подругой Мэнди, когда я начала бизнес в Нью-Джерси, следовало решать, будем ли мы друзьями или коллегами. Я знала, что должно быть что-то одно, поскольку мы слишком хорошо знали друг друга. Мы решили быть друзьями. Она больше на меня не работает, но иногда наведывается в гости.

Как хозяйка, я могу нарушать собственные правила, если хочу, но я заметила, что если нарушаю, то часто попадаю в переплет. Трейси, псевдоним Синди, была из тех редких случаев, когда я слишком сблизилась с девочкой. Я встретила ее, когда была в Монреале, где она работала на сутенера, у которого я продолжала брать девочек, когда обосновалась в Нью-Джерси. Так я иногда поступаю с некоторыми агентствами, когда мне нужна свежая кровь. (Я предпочитаю агентства, в которых нет сутенеров,

а есть просто деловые люди. Я делаю то, что необходимо, чтобы клиенты были счастливы.) Именно так в один прекрасный день Синди приехала поработать на меня.

Сутенер Синди был настоящим ублюдком. Мне было ее жаль — это была первая ошибка. Она была милой и красивой девочкой, мы в Монреале с ней общались, хотя я плохо ее знала. Но она мне понравилась, поэтому однажды, когда она начала рыдать, я совершила еще одну ошибку — спросила, что случилось.

Она ответила, что совсем недавно наконец откупилась от сутенера и теперь может работать на себя, но потом он ее обманул. Когда она начала работать на него, он заставил ее поверить, что она ему должна, и не просто процент от дохода, а также вознаграждение за то, что помог ей начать работать. Вы можете в такое поверить? Как-то ей удалось заплатить ему, но он все еще настаивал на том, чтобы она отстегивала ему часть от заработка вне зависимости от того, он находил клиента или нет. Я говорила, что сутенеры считают, что девочки принадлежат им, и именно так этот парень относился к Синди — как к имуществу, которым он уже давно владел.

Мне это не нравилось, поскольку я знаю, что такое сутенеры. Я подумала о Хулио и о парне, с которым убежала Наташа, и о других, с которыми меня сводила судьба. Часть проблемы состоит в том, что мне нравится преподавать урок парням, которые считают, что могут пользоваться женщинами только потому, что они женщины. Я сказала ей, что непохоже на меня, что, если она хочет избавиться от сутенера, ей не следует возвращаться домой, а остаться в Нью-Джерси и работать на меня. Так она и поступила.

Многие скажут, что я правильно сделала, но бизнес есть бизнес, и в большинстве случаев существуют веские причины того, почему девочка увязла так сильно, как она. Синди была не из тех, кто умеет жить самостоятельно, и я быстро поняла, что она не хотела совсем избавиться от сутенера, а просто найти другого, который бы лучше с ней обращался и платил больше денег. Ей нужен был кто-то, кто мог взять под контроль ее жизнь и говорить, что надо делать. К ее несчастью, «милых» сутенеров не существует, а я не нянька для девочек.

То, что я приняла сторону Синди, стоило мне очень ценного делового партнера. Ее сутенеру, по всей видимости, не понравилось, что я помогла его девочке бросить его, и мы больше не сотрудничали. Самое поганое в том, что я пожертвовала партнером только ради того, чтобы получить на шею еще одну нуждающуюся девку.

Синди была словно ребенок, постоянно опаздывала или

исчезала на несколько дней подряд. Когда она настраивалась на работу, она была просто восхитительна. Клиенты любили ее, но, чтобы заставить ее раскрыться, мне пришлось стать ей матерью, лучшим другом, опекуном и психиатром в одном флаконе.

Она любила хорошенько принять наркоты и пойти кутить с ребятами, которых едва знала, поэтому мне приходилось бросать все и отправляться искать ее, пока она не попала в очень серьезную историю. У нее в Нью-Джерси практически не было друзей, поэтому я чувствовала, что отвечаю за нее. Когда она не была под кайфом, то начинала говорить о самоубийстве. Тогда я чувствовала, что мне надо не спускать с нее глаз. Одним из основных правил моего агентства является то, что девочки должны заниматься только безопасным сексом, без исключений. Синди следовала этому правилу, когда ходила на свидания. Вероятно, за это следует благодарить клиентов, а не ее. Но в нерабочее время она благополучно об этом забывала и трахалась со всеми подряд без презервативов.

Это уже было слишком. Меньше всего мне хотелось, чтобы позвонил клиент и сказал, что девочка, которую он имел на прошлой неделе, только что получила положительный тест на ВИЧ. Такое у меня было один раз в Монреале. Тогда я слишком часто оставляла девочек и клиентов разгребаться с такими проблемами, пока не узнала, что одна моя девочка серьезно заболела. Один из ее бывших клиентов был моим хорошим другом. Я рассказала ему. Это был один из самых неприятных моментов в моей жизни.

К сожалению, даже я не могу вот так вот бросить человека. Мне пришлось уволить Синди, а единственным способом это сделать — было найти для нее нового «опекуна». Когда она работала на меня и была в ударе, то зарабатывала около десяти тысяч долларов в месяц, но как-то ей удавалось просаживать все эти деньги. Я дала ей две с половиной тысячи, отослала домой к семье и решила, что это мне будет хорошим уроком. Я не психиатр, я не могу помочь девочке с таким количеством проблем, как бы я ни хотела этого. Я должна заниматься тем, что умею. Я слышала, что Синди вернулась в Монреаль к тому же сутенеру, что меня совсем не удивляет. Иногда очень удачно получается, если такая девочка исчезает из твоей жизни, не успев причинить много вреда.

Синди мне так и не вернула те две с половиной тысячи, но я даже не собираюсь заикаться об этом, что совсем на меня не похоже. Еще одно мое правило гласит, что если ты мне должен деньги, то ты мне должен деньги, и тебе лучше вернуть их так или иначе. В случае с Синди я списала их как подарок. Это был

своего рода откуп. Я не могла помочь ей, поэтому откупилась, чтобы избавиться от нее. Если бы не те особые обстоятельства, у нас с ней были бы намного более серьезные проблемы.

Чаще всего у меня с девочками возникают проблемы из-за денег. Либо они не платят то, что должны, либо забывают, сколько должны, или платят недостаточно, потому что не умеют считать. Иногда они ошибаются случайно. Конечно, они не математики с высшим образованием, но иногда они намеренно юлят. Проблема в том, что я не могу определить, когда это происходит намеренно, а когда — случайно. Поэтому я не могу до конца доверять ни одной девочке. Большинство девочек не думают о будущем, особенно когда речь идет о деньгах. Они получают тысячу долларов и думают, что обеспечены на всю оставшуюся жизнь.

Возьмем, например, Кристи (псевдоним — Джинджер), которая работала на меня множество раз и является настоящей профессионалкой. Джинджер — высокая белокурая секс-бомба с огромной грудью, которая похожа на порнозвезду. На самом деле она раньше немного снималась. Она уже работала лет десять, а почему бы и нет? Она все еще выглядит потрясающе и отзывы получает на «пятерочку». Вы подумаете, что вот на нее можно было бы положиться. Но даже она однажды пыталась меня надуть.

Джинджер встречалась с клиентами в номере отеля, который я зарезервировала для нее на всю неделю, и каждую ночь отдавала моим помощникам мою долю. Пока не наступил последний день недели, ее последний день в городе. Тогда она решила не ждать моего помощника, а сбежать, прихватив всю выручку за день.

Я разумный человек. Возможно, у нее была причина уйти раньше. Может, была причина, почему ей понадобились деньги в тот день. Если бы она потрудилась позвонить мне и рассказать, в чем дело, я бы что-нибудь придумала. Но Джинджер исчезла с тысячей долларов, которые принадлежали мне.

Я восприняла это спокойно. Я позвонила ей и оставила сообщение, что нам необходимо уладить кое-какие дела. Она так и не перезвонила. После этого я звонила ей каждый месяц и оставляла одно и то же сообщение: «Ты знаешь, что должна мне деньги, нам надо решить этот вопрос». И каждый раз никакого ответа. Прошло полтора года, прежде чем я решила что-то предпринять. Я всегда предоставляю девочкам достаточно времени на исправление ошибок. Это честный вариант.

Мне донесли, что Джинджер работала на другое местное агентство, поэтому в один прекрасный день, после того как она

снова не ответила на мой звонок, я заставила одного своего друга позвонить в ее агентство и заказать с ней встречу. План был следующим — он притворится клиентом, которому нужно попасть на ее последнее в тот день свидание, но, когда он появится в номере отеля, то вместо этого ограбит ее. Именно так мой приятель и сделал. Он здоровяк, бывший вышибала в клубе, и у него есть разрешение на ношение оружия. Он еще взял друга в помощь. Они ее не тронули, но двое громил с пушками напугают любую девушку.

Ребята повели себя как профессионалы. Они попали в комнату Джинджер, забрали все деньги, которые она заработала за день, пересчитали, а потом, следуя моим указаниям, положили треть назад на тумбочку. Это была доля агентства, на которое она работала. Меня интересовала только Джинджер, а если я не возьму деньги агентства, это будет значить, что я хотела проучить только ее, а не агентство. Я также позвонила в ее агентство и рассказала им все на тот случай, если Джинджер захочет улизнуть с его деньгами. Перед тем как уйти, ребята дали понять Джинджер, в чем была ее ошибка. «Если бы ты вовремя отдавала долги, этого бы никогда не случилось», — сказал ей вышибала. Уверена, что до нее дошло.

Ребята принесли мне мою тысячу долларов, а остаток оставили себе, как плату за услуги. Я не собиралась заработать на этой истории, просто надо было получить свои деньги и решить вопрос. Ребята за полчаса работы заработали полторы тысячи долларов на двоих.

Это не значит, что я всегда прибегаю к подобным методам. Как я уже говорила, прошло более года, у нее было достаточно времени, чтобы рассчитаться. Она могла платить мне по частям, могла отработать. Так или иначе, она должна была заплатить. Она не приняла ни одного из моих предложений, поэтому не оставила мне выбора.

Я знаю, что тысяча долларов — небольшие деньги, но дело не в количестве. Дело в принципе. Если одна девочка крадет у тебя и ей это сходит с рук, то другие рано или поздно узнают об этом, и тогда начнется. Поэтому я не могу шутить с такими вещами, какой бы ни была сумма. Особенно я. То, что я молодая женщина, дает в этом бизнесе определенные преимущества, но есть и минусы, один из которых состоит в том, что люди считают, что смогут легко меня оставить в дураках. Теперь девочки все понимают. Они знают, что однажды мы снова встретимся, потому что живем в довольно маленьком мире. Я хочу, чтобы все мои девочки знали, если они собираются поступить, как Джинджер, что у меня хорошая память и рано или поздно я их достану.

Поэтому зачем нарываться? Неужели вы хотите остаток жизни оглядываться через плечо, потому что должны кому-то несчастную тысячу долларов? К сожалению, не все девочки такие сообразительные. Если бы они такими были, то занимались бы тем, чем занимаюсь я, а не тем, чем занимаются они.

Никто из моих девочек не может обвинить меня в несправедливости. Я никогда не пытаюсь их обокрасть. Я даже не ставлю их на счетчик, если они запаздывают с моей долей. Я просто хочу получить свое. Джинджер запомнила урок. Несколько месяцев спустя она вернулась ко мне и больше не безобразничала.

Жаль, что после Джинджер все еще происходили подобные вещи. Да, история повторялась, и она будет повторяться снова. Девочки остаются девочками.

У меня есть еще один способ заставить девочек погашать долги — я звоню их мужьям или парням и говорю, чем их драгоценные вторые половинки занимаются в свободное время. Или записываю диск с их рекламными фотографиями, который отсылаю семье девочки. Еще я могу вывесить уведомление на сайте под фотографией девочки, а также подписать ее настоящее имя — «Услуги этой леди недоступны, пока она не выплатит нам долг. До тех пор это уведомление и фотографии останутся на сайте».

Что касается клиентов, то в основном они — трудяги вроде врачей (их пока больше всего среди клиентов), а также юристы, ответственные служащие и дельцы (есть исключение — мальчик, который занимается доставкой ИБП для нас. Как у него получается так часто пользоваться нашими услугами, остается для меня загадкой). У них у всех есть деньги и есть что терять, а это практически так же важно, как и деньги, потому что позволяет мне и моему бизнесу быть в безопасности. Я нужна им так же сильно, как и они мне. Хотя сегодня многие девочки продают себя в Интернете, у большинства серьезных клиентов нет времени лазить по сети в поисках того, что им надо. Даже если бы они это и делали, им все равно не хочется давать личные данные каждую неделю новой девочке. Им необходима безопасность, а если они обращаются ко мне, человеку, которого знают, они могут выбирать самых разных партнерш, доверяя номер телефона и кредитной карточки лишь одному человеку — мне. Моим девочкам нет нужды знать даже настоящее имя клиента, если он сам его не скажет.

Я стараюсь жить по старому правилу «Клиент всегда прав», хотя иногда это и не так. Это касается даже моих ребят, которые в целом очень неплохие люди. Но если днем человек выглядит

респектабельным гражданином, это вовсе не означает, что он таков на самом деле. Нам звонят самые разные люди. «К каждому свой подход» — так говорю я, и, пока они не нарушают правила и ведут себя прилично, я их не сужу (по крайней мере, при них).

Был один парень, которому не нужен был секс. Он просто хотел, чтобы о нем заботились, как о младенце. В самом прямом смысле. Он приносил бутылочку, соску-пустышку, большие подгузники, а девочка должна была кормить его, помогать отрыгивать и менять пеленки. Это дело такое. Парочке девочек это пришлось не по вкусу, но большинство не возражало. Для них это было легким времяпрепровождением. Младенцы в основном просто лежат.

Он был не единственным человеком, которому нужен был не секс. Был у меня еще клиент из Нью-Йорка, который тоже носил с собой всякие причиндалы. В его случае это была длинная пластиковая трубка и маленький грызун. Он просил девочку вставить смазанную трубку ему в зад, засунуть песчанку (как бы она ни называлась) в бутылку, а потом ждать, пока грызун не заползет ему в зад. Как только это происходило, девочка вытаскивала трубку, и бедное животное царапалось у него в заднице, пока не задыхалось. Но не это приносило парню удовлетворение. Он предвкушал, как девочка отвезет его в больницу и как там этого грызуна будут доставать. Он заранее указывал, что она должна надеть самый откровенный наряд стриптизерши, чтобы, когда они прибудут в больницу, ни у кого не осталось сомнения в том, какая у нее профессия. А потом он с нетерпением ждал того момента, когда сможет сказать, что «что-то застряло у меня в заднице». Он просто балдел от подобной унизительной ситуации.

Один из моих постоянных лучших клиентов никогда не занимался любовью с моими девочками, хотя много раз их нанимал. Он работает в страховой компании и любит садомазо. Так, наверное, расслабляется. Иногда он за раз заказывает целую кучу девочек, а поскольку он не женат, они часто едут к нему домой. Сначала он едет в магазин и покупает полные пакеты сексуальных игрушек, которыми можно забить целую комнату. Потом приезжают девочки и первый час просто распаковывают игрушки и вставляют батарейки где надо. Шальные деньги. У него кучи денег, большой дом и целая площадка для игры в баскетбол. Однажды он привязал девочку вниз головой к шесту под баскетбольным кольцом. Обычно я отказываю в таких случаях, поскольку кто-то может пострадать, но этот парень такая лапушка и так хорошо отстегивает, что девочки соглашаются на все. Поскольку он постоянный клиент, я знаю, что могу ему

доверять.

Я не осуждаю человека за то, что у него причуды. Я просто хочу быть уверена, что девочки знают, на что идут. Но если клиент ведет себя нехорошо, если пытается причинить вред, или угрожает, или просто ведет себя неуважительно с девочкой, он сразу же попадает в черный список. В зависимости от обстоятельств, я даже могу выложить описание ситуации на одном из обзорных сайтов, чтобы все знали, что этого человека стоит опасаться. Как я уже говорила, подобные сайты защищают обе стороны.

Я вывешиваю подобное предупреждение на сайт, если человек причиняет вред, обкрадывает девочку или угрожает ей. Если он «забывает» заплатить, то это уже другой вопрос. Это уже на ответственности девочки. Она должна брать у него деньги заранее, а если парень не платит, то ничего не получает. Если девочка забывает о деньгах, тогда это ее вина. В таких ситуациях я говорю девочке, что ей придется разгребаться самой, что обычно означает, что она выплачивает мне разницу из собственного кармана. Но это хорошо. Это помогает не забывать о правилах в следующий раз.

Когда-то у меня был постоянный клиент, который возглавлял крупную технологическую компанию и любил конкретно говорить девочкам, что надо делать. Я имею в виду КОНКРЕТНО, до мельчайших подробностей. Он должен был быть главным во всем. Он говорил партнерше, куда положить руку, что потом сказать, как двигаться и прочее.

Я не считала это большой проблемой, но потом до меня дошли довольно тревожные новости. Однажды летом, во время отпуска, он пригласил несколько девочек, которых я знала, на собственную яхту. Он сам договорился с ними, поэтому я за них не отвечала, но меня все равно встревожило то, что они мне рассказали. Сначала они очень обрадовались и с радостью согласились, не подумав как следует. Лично мне было бы неуютно на чужой яхте с человеком, которого я едва знаю, поскольку я не смогла бы развернуться и уйти, когда мне того захочется. Как я и думала, как только они вышли в море, он за них взялся. Он обращался с ними, как с собаками, говорил, когда сидеть, когда есть, когда спать, что надевать. Это был просто кошмар.

Одна из девочек позвонила мне из отеля на Багамах, где они остановились на ночь, и, плача, рассказала все это. Она согласилась на его предложение, потому что думала, что будет большая вечеринка на яхте. В результате она чувствовала себя, словно заложница.

— Утром выбирайся из номера, садись на первый же самолет и вали, — посоветовала я ей. — И позвони в полицию, если он будет возникать.

Но она этого не сделала, потому что не хотела тратить свои деньги на самолет. Глупо. Что касается меня, то что бы ни случилось дальше, это ее вина в такой же степени, как и его.

Однако этот парень был засранцем, и я решила, что этого достаточно, чтобы добавить его в черный список. Честно говоря, чувак, который любил изображать младенца, тоже был засранцем, но, по крайней мере, безобидным. Поэтому он до сих пор пользуется услугами моего агентства.

Глава 11
Любовь и карма

Я стараюсь убедить себя в том, что мне никто не нужен. Бизнес лучше развивается, когда я одна и нет никаких привязанностей и ответственности. Но что бы я ни делала, я снова и снова оказываюсь в одной и той же ситуации. Я понимаю, что для меня логичнее быть одной, но большая часть меня не хочет этого. А хуже всего то, что чем старше я становлюсь, тем сильнее мне не хочется быть одной.

Когда я начинала агентство в Нью-Джерси, Филипп, мой добрый друг из Монреаля, все еще иногда звонил. Однажды мой бывший парикмахер из Монреаля, с которым я всегда поддерживала связь, сообщил, что Филипп женился. Он знал это наверняка, потому что делал его будущей жене свадебную прическу. У меня создалось впечатление, что он это сделал ради справки, поскольку был иммигрантом и хотел остаться в Канаде, но, тем не менее, мое сердце было разбито. После этой новости у меня целый год не было секса.

Конечно, мой год воздержания включал время, которое я провела в тюрьме, то есть два месяца, когда я набрала много лишнего веса. В тюрьме, ясное дело, у меня секса не было, а потом лишний вес и заботы о возврате агентства помогли оставаться невинной. Когда мой бизнес стал на ноги, я ходила на свидания, но совершенно не собиралась сразу же заниматься сексом. Большинство парней не задерживались, как только узнавали, что дамочка не дает.

Наконец, я начала качаться с тренером, записалась на бокс, чтобы вернуть «боевую форму». В конце концов я снова влюбилась. Его звали Марк, и нас познакомил общий друг. Марк был успешным шеф-поваром в ресторане одной гостиницы. Мы начали жить вместе в квартирке в Нью-Джерси, ездили отдыхать, даже вместе купили собаку — маленького щенка, которого назвали Макс. Марк принял то, кто я есть и чем занимаюсь. В результате я не бросила Марка. Я заставила его бросить меня. Я выяснила через его друга, что ему предложили великолепную работу в другом городе, но он отказался из-за того, что это разрушит наши отношения. Всегда до этого для моих парней я была на втором месте, но не в этот раз. Я не хотела, чтобы из-за меня рушилась карьера Марка, поэтому, несмотря на всю боль, мне пришлось его отпустить.

Мне следовало принять обет безбрачия, который был бы для

меня полезным, до того, как я встретила Марка. Потому что после Марка моя личная жизнь покатилась под откос. Однажды я сидела в ночном клубе в Нью-Йорке, когда Фредди осветил меня фонариком и широко улыбнулся. Так мы встретились. По крайней мере, так я встретила его. Он встретил меня час спустя, когда пришел в себя после дозы и выполз из какой-то норы.

Фредди даже без фонарика был очень заметным. Он был высоким, темным и поджарым. Не то чтобы он был красивым в классическом смысле слова, просто у него было интересное лицо, интересные татуировки, и он был хорошо сложен. Позже я узнала, что он качался как проклятый, и именно поэтому его внешность так сильно привлекает внимание, в том числе и мое. У него были идеальные пропорции, точеная фигура, достаточно мышц, подтянутость, широкие плечи, узкая талия, красивые длинные руки и ноги. Даже когда он был расслаблен, казалось, что он готов к действию в любую секунду.

Однако Фредди никогда особо не расслаблялся. Я и раньше видела его в клубах. У нас были похожие вкусы в клубной культуре. Казалось, что он постоянно общался со всеми подряд, разговаривал, обнимался, танцевал с теми, кто стоял поближе. Люди были рады проводить время с Фредди, особенно девушки. Он был таким открытым, дружелюбным человеком, что его просто невозможно было не любить, даже если вы знали, что доверять ему нельзя.

Я знала, какая у Фредди репутация. Практически все это знали. Он был диким, беспечным человеком, вокруг которого постоянно крутились бабы. Он был ловеласом. Ему очень нравилась слава плейбоя, к тому же внешне он был ее воплощением, поэтому в клубах его все звали не иначе, как Плейбой. Это было его прозвище. Я почти уверена, что он сам его придумал. И все равно люди так его называли. А меня тянет на плохих мальчиков. Всегда тянуло и тянет сейчас. Их живость, их очарование, их способность взять ситуацию под контроль. Мне быстро надоедают хорошие ребята. Одно время я встречалась с парнем, который никогда не брал на себя ответственность. Он постоянно спрашивал: «Куда ты хочешь пойти? Что хочешь поесть? Я сделаю все, что захочешь». Я каждый день принимаю миллион решений и терпеть не могу людей, которые не могут принять ни одного. Это меня сводит с ума. Фредди был кем угодно, но не хорошим мальчиком.

В ту ночь я наблюдала за Фредди, танцевала неподалеку, пока действие галлюциногенного наркотика, который он принял, не прошло и он не вернулся в наш мир. Как только он заметил, что я смотрю на него, он подошел и спросил, как меня зовут.

Потом, не дав мне опомниться, начал уговаривать поехать к нему, чтобы провести «веселую ночку», как он выразился. Он не тратил время, а сразу же перешел к сути и не отступал, даже когда я высмеяла его предложение. Мне это понравилось.

После этого мы потанцевали, поговорили и пофлиртовали. Наконец Фредди прошептал мне на ушко: «Это будет незабываемо. Ты не пожалеешь».

Он был так уверен в себе, как же я могла сопротивляться? Я позволила взять себя за руку и отвести к выходу из клуба. Я старалась идти быстро, прикрыв лицо волосами, чтобы никто не заметил, что я делаю. У Фредди была определенная репутация. У меня тоже. Я часто ходила в этот клуб, и люди знали меня как человека, с которым не следует шутить. Я решила уйти с Фредди, но не хотела, чтобы кто-то подумал, будто я такая тупая, что повелась на его слащавые уговоры. Он меня не обдурил. Просто заинтересовал.

Когда мы ехали в такси к нему домой, я спокойно раздумывала, как вести себя дальше в этой ситуации. Я решила, что это будет трах на одну ночь, что означало, что мне нужно быть холодной и дать ему понять, о чем я думаю. Когда мы прибудем на место, я сразу скажу ему, что уеду, как только мы закончим. Я четко дам ему понять, что именно я использую его, а не наоборот. У меня до сих пор ни разу не было настоящего секса на одну ночь, с тех пор как я попробовала его с Филиппом в Монреале и нечаянно влюбилась в него. Я решила, что настало время попробовать еще раз, но я также хотела, чтобы он знал, каков расклад.

Казалось, что Фредди не обращает внимания на мою молчаливость. Он просто болтал без умолку и держал меня за руку, пока мы ехали к нему. И продолжал лялякать, пока искал ключи, открывал дверь и впускал меня внутрь. Я была вся на иголках, когда вошла в его спальню. Первое, что я увидела, было лохматое существо, которое глядело на нас из угла. Это оказался маленький, миленький кролик с мягкими, серыми ушками. Мне пришлось еще раз посмотреть на него, чтобы убедиться, что он настоящий. В это время Фредди подошел к нему и взял на руки. Удивительно, что у такого парня, как Фредди, дома живет кролик. К тому же он, по всей видимости, его обожает. Он потерся об него щекой, потом мы сели на пол, чтобы он мог представить меня своему питомцу.

Слушая рассказ Фредди о кролике, я совершенно забыла о беспокойстве и о том, что собиралась ему сказать. Это была действительно долгая неделя, и я пошла в клуб, чтобы немного отвлечься. Я была так утомлена, что, думаю, просто не хотела ни

о чем беспокоиться, хотя бы какое-то время. Как ни удивительно, я начала расслабляться. Казалось, Фредди заметил это, потому что встал и включил музыку — какие-то развязные клубные ритмы, как раз то, что я люблю. Именно тогда я решила: будь что будет. Фредди подошел ко мне и принялся срывать с меня одежду. Как всегда, вовремя. А потом мы обнаружили, что у нас нет презервативов.

Мы остановились, и я позвонила помощнику.

— Ты можешь привезти мне презервативов? — спросила я, стараясь не рассмеяться. Я знала, что эта просьба смутит его, но все же сделала это. Он всегда делал то, о чем я просила. — И подхвати по пути Джастин. Она в клубе, — попросила я. — Я не хочу, чтобы она одна ждала меня. Она тоже может отправляться домой вместе с тобой.

Джастин прилетела из Флориды, чтобы поработать на меня на этой неделе, и мы вместе приехали на такси, чтобы повеселиться. Мы считали, что заслужили это. Мы с Джастин были знакомы много лет, задолго до того, как я основала это агентство. Поэтому она — исключение из правила о том, что я не тусуюсь с подчиненными. Я не хотела, чтобы она застряла в клубе. Я ведь ушла, даже не сказав, куда иду.

Когда приехал помощник, Джастин приехала с ним. Это не входило в мой план. Фредди понял все не так. Он был просто в восторге от Джастин, а она, к моему удивлению, от него. Джастин следовало уехать с моим помощником, который убрался как только смог, но она этого не сделала. Она осталась, хотя знала, как я отношусь к тому, чтобы делиться мужчинами. В тот момент ей, казалось, было все равно. Я сидела и в обалдении смотрела, как Фредди трахает ее. Я сама еще не успела трахнуться с ним. Наконец я поняла, что мне следует одеться.

Когда я попыталась забрать свою одежду, часть которой до сих пор лежала на кровати, которую они использовали по назначению, Фредди начал хватать меня. Он попытался затянуть меня на кровать.

— Я не собираюсь быть второй, — подчеркнула я, но они не обратили на это внимания.

Мне стало нехорошо. Последнее, что пришло мне на ум, было то, что мне следовало уехать с помощником. Мне было плохо, я ничего не соображала после двух суток лихорадочной работы. Я отрубилась в углу спальни Фредди.

Проснувшись, я начала кричать.

Уже наступило утро, и мне было досадно, что я все еще нахожусь дома у Фредди. Даже если бы все прошло так, как я планировала, чего, как видите, не произошло, я совершенно не

собиралась оставаться на ночь. Я была очень смущена.

— Я говорила тебе, что мне надо было вызвать нам такси, — услышала я голос Джастин, который доносился с кровати. — Я знала, что она разозлится.

Я быстро вызвала машину и немедленно ушла. Джастин шла за мной. Пока мы ехали домой, я не переставала вычитывать ее. Я просто не могла поверить, что она так повела себя. Она же неглупая девочка. Она извинилась и сказала, что именно Фредди хотел, чтобы меня ночью не беспокоили (словно бы я только из-за этого расстроилась).

— Он беспокоился, что ты выглядишь такой уставшей и разбитой, — добавила она. Как похвально для мудака, который только что трахнул мою так называемую подругу.

В шесть утра мне пришло голосовое сообщение: «Привет. Это Фредди. Как поживаешь?» И все. Никаких извинений. Никаких объяснений. Ни тени вины в голосе. Словно бы мы всегда были друзьями и не было этой ночи.

Не могу толком объяснить, как так случилось, что мы сошлись после этого. Если учесть не совсем удачное начало, это странно. Но любовь и влечение никогда не имели для меня особого смысла. Однако могу сказать, что после этого он настойчиво, даже напористо ухаживал за мной, а мне это в мужиках нравится. Менее двух недель спустя я съехала из гостиницы в Нью-Джерси и переехала в его квартиру на Манхэттене.

С самого начала между нами возникла борьба характеров. Фредди привык водить женщин за нос. Просто было в нем нечто, что заставляло их укладываться штабелями у его ног, и он решил, что так будет всегда. Но я не привыкла, чтобы меня кто-либо контролировал. Больше никогда. Сперва ему, видать, понравился подобный вызов. Мне он тоже понравился. Что еще важнее, я должна была заставить этого кобеля, парня, которого хотели все женщины, полюбить меня. Как мне могла не понравиться подобная задача?

Вместе мы строили грандиозные планы. Прежде всего мы хотели открыть в его квартире игорный клуб. Мы оба любили играть и проводили ночи напролет в подвалах Чайна-тауна, то проигрывая, то выигрывая, то снова проигрывая наши деньги (в основном мои деньги). Я прикинула: поскольку мы тратили столько денег на игру и поскольку многие люди, которых мы знали, делали то же самое, почему бы не сделать так, чтобы часть этих денег попадала к нам в карман?

Я планировала и дальше заниматься агентством, конечно, не выходя из квартиры. А потом, если дела пойдут хорошо, он помог

бы мне расширить бизнес и охватить Нью-Йорк. Фредди был таким известным клубным тусовщиком, что он наверняка знал достаточно людей, для того чтобы можно было создать еще один список клиентов для моего агентства. Ему эта мысль очень понравилась, и мы принялись обсуждать, какой образ создать для нашего нового агентства, чтобы оно отличалось от тысяч других. Мы решили создать концепцию агентства на основе клубного образа Фредди — «Играй, как плейбой!» Какой мужчина не захочет стать Хью Хефнером хотя бы на одну ночь?

Фредди понравилась мысль основать со мной собственную империю, но в конце концов его эго не могло смириться с тем, что он любил сильную женщину. Он ревновал меня к работе и называл ее «другим мужчиной». Ему очень не нравилось, когда я игнорировала его, работая всю ночь, чтобы подготовиться к туру, или когда я просила его подождать и не вешать трубку, пока отвечала на бесконечные звонки в понедельник с утра. Но в то же время его радовали деньги, которые я зарабатывала. И ему нравилось, как мы звучали вместе — Плейбой и Мадам. Звучит так же хорошо, как Танго и Кэш.

Он чувствовал себя еще более ущемленным, когда внезапно позвонила Мэнди и сообщила, что приезжает в Нью-Йорк вместе с несколькими девочками и хочет меня видеть. Мы не виделись уже два года с тех пор, когда она приехала в Нью-Джерси, чтобы помочь решить, стоит ли открывать агентство. Я была на седьмом небе от счастья, что она приезжает. Даже когда мы были далеко друг от друга, я чувствовала, что Мэнди занимает частичку моего сердца, что удавалось сделать очень и очень немногим людям. Я считала ее настоящим другом.

Мы решили пообедать вместе, когда она прилетит, и даже, хотя у меня обычно нет времени днем на простое общение, я отложила все дела, чтобы уделить ей все внимание. Фредди это заметил.

«Всего несколько дней назад ты бы ни за что не оторвалась от работы, даже чтобы поспать, — пожаловался он, — а теперь ты смогла найти время на что-то, кроме работы?» Я попыталась объяснить, что это совсем другое, поскольку Мэнди для меня много значила. К тому же прошло очень-очень много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз. Что бы я ни говорила, он не понимал.

После этого я его просто игнорировала и делала то, что хотела. Это оказалось хорошей идеей, поскольку Мэнди, как оказалось, была в плохой форме. Она рассказала, пока мы обедали, что ее парень, полностью чокнутый чувак, с которым она постоянно ссорилась, но которого по-настоящему любила и

потому жила с ним много лет, только что бросил ее. Он даже не удосужился сказать «прощай», просто оставил записку. Она не могла с ним связаться с тех пор, как он ушел, просто спросить, почему он это сделал. Это было для нее полной неожиданностью.

Она сказала, что с ней все в порядке, только настроение паршивое, но я могу сказать, что это не была правдой. Ярость просматривалась сквозь ее прикольные шутки, пока, наконец, ее не пробило.

«Я потеряла то единственное, что делало меня счастливой», — сказала она. После этого она кисла все сильнее и сильнее.

Я не хотела оставлять ее одну, поэтому предложила остаться с ней у нее в гостинице. Конечно, когда я сообщила об этом Фредди, он подумал только о себе и еще больше разозлился, но мне было все равно. Мне было по-настоящему страшно, когда на следующий день я оставила Мэнди одну на какое-то время, чтобы уладить кое-какие дела. Когда я закончила, то попыталась позвонить ей, чтобы встретиться в гостинице, но не могла дозвониться. Я оставила несколько сообщений, но она не перезвонила. Я сходила с ума от беспокойства, представляла, что она могла что-то сделать с собой, пока меня не было рядом.

Наконец она сняла трубку. Она ничего с собой не сделала, но подумывала об этом. Я немедленно ринулась в гостиницу. Меня обуревали смешанные чувства вины и досады. Мэнди была со мной, когда у меня была в жизни черная полоса, и сейчас я хотела ей помочь, но не была уверена, что смогу. Как я могла заставить ее хотеть жить, если иногда сама не хочу жить? Я знаю, что так думать нехорошо, но иногда мне кажется, что было бы лучше, если бы все мы были мертвы. Мы живем в отвратительном мире, а счастье кажется вещью, которую все хотят и за которую все борются, но ее на всех не хватает. Кто знает, где искать ответ? Я просто знала, что очень хочу, чтобы с моей подругой все было хорошо.

Мы с Мэнди закрылись в ее номере и несколько дней просто говорили, говорили, говорили обо всем, что происходило в нашей жизни. Нам даже удалось немного повеселиться. В итоге, как это часто бывало при общении с Мэнди, она помогла мне больше, чем я ей. Мы говорили о Фредди, и она заставила меня посмотреть правде в глаза — наши отношения развиваются не очень удачно. К тому времени, когда Мэнди собралась отправляться домой, я думаю, она была уже в порядке, а я была очень рада, что она приезжала.

Разговор с Мэнди напомнил мне о том, что я знала об отношениях — должно быть равновесие. Например, для меня

было бы сложно, если не невозможно, построить серьезные отношения с человеком, у которого не было собственного прошлого. Как только отношения между нами портятся, любой парень может использовать против меня то, как я зарабатываю на жизнь, если в его собственной жизни нет ничего такого, что я могла бы использовать против него. Я также считаю, что единственный случай, когда отношениям ничто не угрожает, — это когда вам не нужны деньги партнера. Но у нас с Фредди было совсем не так. Он постоянно брал у меня взаймы деньги на что-то, даже на то, чтобы повести меня куда-нибудь. Не то чтобы мне были так важны деньги. У меня были лишние деньги, и я люблю делиться тем, что у меня есть, с людьми, которых люблю. Поэтому он так завидовал моей работе и друзьям. Он чувствовал себя незащищенным, потому что финансово я от него не зависела, мало того, если он собирался и дальше жить так, как жил, когда мы сошлись, то ему я была просто необходима. Это не шло на пользу ни ему, ни мне. Если не существует равновесия в том, что люди приносят домой, рано или поздно возникает вопрос денег.

Это единственная вещь, которую я узнала о любви после всех разочарований. Кроме этого любовь все еще остается неупорядоченной частью моей жизни. Все же я должна завоевать ее, разумом или чувствами, но обычно я думаю, что лучше всего было бы держаться от нее как можно дальше. В общем-то, чувства — это слабость. Моя первая любовь Андре рассказал мне об этом.

Теперь у меня вошло в привычку гулять одновременно с несколькими парнями, чтобы не скучать и в то же время чтобы все не зашло слишком далеко. (Между прочим, это не значит, что я занимаюсь со всеми ними сексом.) Поэтому у меня всегда есть кто-то под рукой, который помогает забыть о других парнях и о работе. Но иногда я забываю о собственных правилах или игнорирую их. Фредди был одним из таких исключений и серьезным напоминанием о том, что правила нужны мне по очень важной причине.

Последний раз, когда я разговаривала с Фредди, мы ругались по телефону. Перед этим мы несколько дней ссорились, и в тот момент я не могла сказать наверняка, любила я его или ненавидела. Где-то на задворках сознания застрял вопрос: смирюсь ли я с этим оскорблением или сделаю так, как учил Андре — пошлю чувства куда подальше и буду спасать гордость и уважение любой ценой?

Потом Фредди произнес совершенно неправильную вещь:

— Ты ничто. У тебя нет друзей. Ты просто дешевая шлюха из Нью-Джерси, вот кто ты.

Я знала, что он в тот момент был на работе. Он работал

барменом в ресторане друга, и я знала, что он, вероятно, говорил это при людях. При людях, которых я знала. Потом он сказал, чтобы я немедленно выметалась из его квартиры. К тому времени мы жили вместе меньше месяца, но я больше не собиралась спорить с ним. Я знала, что все кончено. Я сказала, что скоро приеду, чтобы забрать свои вещи.

— Если ты туда поедешь, я сделаю так, чтобы тебя арестовали, — орал он. — У меня сейчас дома брат, а он полицейский. У него твой винчестер со всеми твоими деловыми данными. Ты можешь попасть в тюрьму, и надолго.

Я была поражена. Кто этот парень? Очевидно, я его совершенно не знала. Он меня, по всей видимости, тоже не знал, если угрожал подобными вещами. Играть с моим сердцем — это одно, а шутить с моими деньгами, благополучием, безопасностью, свободой… Это недопустимо.

Кроме всего прочего, у Фредди остался мой пес Макс. Я его обожаю, и он напоминает мне о жизни с Марком, который был намного лучше Фредди. Макс переехал к Фредди вместе со мной. Фредди его тут же полюбил. Он повсюду таскал его с собой (возможно, потому что Макс нравился женщинам). Макс любил играть с кроликом, когда я была слишком занята, чтобы возиться с ним. Они были совсем как дети. Теперь Фредди угрожал выгнать его на улицу.

Я отключилась и начала думать. Был четверг. В четверг вечером после работы он всегда ходит в лаунж-кафе «Нагой обед». Полетели ракеты.

Я знала, кто может быстро достать для меня пушку, поэтому позвонила ему, чтобы узнать, есть ли у него для меня подходящее оружие для защиты. Он сказал, что есть пистолет двадцать второго калибра, чистый как стеклышко. Он может мне немедленно продать его за пятьсот долларов. Я послала помощника с деньгами, чтобы забрать его.

Потом я позвонила Азиатским Мальчикам. Я хотела показать Фредди, что у меня-таки есть друзья, много друзей, и они готовы почти на все ради меня. Я какое-то время была знакома с этими ребятами, в основном потому что любила играть в Чайна-тауне, а они всегда ходили группами. Очень немногие среди них опасны поодиночке, но когда они собираются вместе, то это уже совсем другая история. Я знала, что могу рассчитывать на них. Они сказали, что могут собрать десять ребят, которые пойдут со мной в клуб, и еще пятьдесят будут ждать неподалеку. Дополнительные силы можно было вызвать по телефону в любой момент. Я определенно собиралась произвести впечатление.

Примерно через час после разговора с Фредди я вошла в

«Нагой обед» с заряженным пистолетом и десятью гангстерами в качестве свиты. Я заказала бутылку «Хеннеси» для мальчиков и бутылку «Вев Клико Ла Гран Дам Розе» для себя.

Фредди не было видно. Чтобы убить время, я танцевала, пила шампанское прямо из бутылки и ждала. Скоро я заметила несколько друзей Фредди — одного из его лучших друзей Ника Басиста и фотографа, имени которого я не помнила. Там было еще несколько его приятелей, которых я видела, когда Фредди брал меня в гости в Хемптонз на День памяти. Я подошла к ним и сообщила, что праздную наш разрыв. Фотограф сказал, что он тоже порвал со своей девушкой. Он предложил отмечать вместе. Я не обратила на него внимания и повернулась к Нику.

— Очень жаль, что мы не закончили того, что начали, — сказала я.

Вечеринка в Хемптонз, где я встретила Ника, оказалась сексуальной. Фредди меня об этом не предупредил, когда приглашал на пляж на все выходные. Я думаю, он решил, что если я занимаюсь эскорт-бизнесом, то меня это вполне устроит. Но это было не так. В одну из ночей, когда Фредди подался бог весть куда заниматься бог весть чем, я решила, что следует поближе познакомиться с его другом Ником Басистом. Я хотела посмотреть, так ли Фредди открыт в плане отношений, как он утверждал. Если он думал, что я буду терпеть его постоянные походы налево, тогда он не был бы против моей небольшой интрижки с этим мальчиком. Фредди проглотил приманку. Он застал нас вместе и тут же начал ревновать. Он пообещал, что теперь будет вести себя хорошо. Я даже расстроилась, потому что Ник оказался по-настоящему классным парнем. Хотя мы не успели сделать ничего серьезного, Фредди очень сильно переживал по этому поводу. Он не мог смириться с мыслью, что я могу быть с другим мужчиной. Но, конечно, у него никогда не было проблем с собственными двойными стандартами.

Пока я продолжала разыгрывать тщательно выверенное представление перед друзьями Фредди, Ник просто стоял и глазел на меня. Он придвинулся ко мне и сказал:

— Никогда не бывает слишком поздно, ты же знаешь. Просто скажи, когда.

— Увидимся снаружи через пятнадцать минут, — сказала я и пошла танцевать дальше.

Я вернулась к мальчикам и поблагодарила их за то, что пришли со мной. Я сказала, что они могут остаться и хорошо провести время, поскольку я передумала. Мы не собирались брать Фредди, не сегодня. У меня появились другие соображения.

Пока я ждала Ника снаружи, я налетела на Джейми Игрока,

еще одного из многочисленных дружбанов Фредди.

— Фредди очень расстроился, — сообщил он. На его лице отразилось неподдельное участие. — Он думает, что все испортил.

— Так и есть, — согласилась я.

— Он просто был расстроен. Он не знал, что говорит. Ты должна дать ему сутки, чтобы он отошел, а потом вы сможете все обсудить.

— Это я ему должна давать сутки? Он меня домой не пускает. Держит у себя все мои вещи. Мне даже не во что переодеться. Он угрожал мне. И моей собаке! Он зашел слишком далеко.

Казалось, что Джейми собирался возразить, но я уже поговорила с ним. И тут, как всегда вовремя, появился Ник. Я была рада, что Джейми видел, что я ушла с Ником, поскольку теперь об этом узнают все. Я ненавидела Фредди и хотела, чтобы он это знал.

Сначала мы с Ником хотели пойти в отель за углом, но там не оказалось свободных номеров. Тогда он предложил поехать в дом Себа, что было прекрасной мыслью. Именно в доме Себа в Хемптонз между мной и Фредди пробежала черная кошка. Так что не исключено, что именно в доме Себа наши отношения завершатся навсегда.

Я всегда верила: чтобы забыть кого-то, нужно его заменить другим человеком. И как только ты начинаешь трахать другого, пути назад нет. Для меня это лучший способ покончить с парнем и заставить чувства утихнуть. В ту ночь я трахалась с Ником, словно заведенная, собственно, прямо перед Себом и его девушкой. В ту ночь у меня впервые был трах на один раз… ну, наконец-то.

Позже я сама поехала в квартиру Фредди. У меня все еще были свои ключи, и к тому времени я достаточно успокоилась, чтобы понять, что он, вероятно, блефовал, когда говорил о брате-полицейском. У Фредди было достаточно своих причин не пускать полицию на порог. Как только я вошла внутрь, ко мне подбежал Макс, весело виляя хвостом, чтобы поприветствовать. Остальные мои вещи были заперты в другой комнате, от которой у меня не было ключей. Я стучала в нее, кричала. Внутри было тихо, но я знала, что Фредди, скорей всего, находится внутри. Он однажды говорил мне, что потерял ключ от этой двери, поэтому ее никак нельзя запереть снаружи.

У меня все еще был пистолет, и я прикинула, не проще ли разнести замок пулей. Но быстро поняла, что оно того не стоит. Если я собиралась попасть за решетку за ношение незарегистрированного пистолета, то сперва я хотела получить

удовольствие, застрелив Фредди, а не его дверь. Макс, словно угорелый, носился вокруг моих ног. Его уже давно надо было выгулять. Поэтому я подхватила его на руки, и мы ушли.

Мы с Максом взяли машину до Нью-Джерси и въехали в другой отель. На следующий день я послала помощника за вещами. Фредди никак ему не мешал. Я думаю, что он сказал свое слово, а я свое. Не осталось ничего, из-за чего стоило бы воевать.

Я поняла, что в любви мне не везет. Но я уже не маленькая, и у меня было достаточно опыта, чтобы понять, что все это неспроста. Как я уже говорила, я верю в карму, поэтому знаю, что многие неприятности случаются из-за меня самой. В прошлом я оставила в дураках многих парней, поэтому теперь приходится выплачивать старые долги. Поэтому я стараюсь вести бизнес честно, обходиться и с девочками, и с клиентами справедливо. Я обращаюсь с ними так, как хотела бы, чтобы они обращались со мной. В большинстве случаев все остаются довольны. Но любовь — это другое.

Я провела большую часть своей жизни в поисках человека, который заботился бы обо мне. И неважно, что это за человек. Иногда мне приходит в голову, что в этом мире я абсолютно никому не нужна, и если я умру, то велика вероятность, что это никто не заметит, кроме моих клиентов. Какое-то время я делала вид, что Фредди мог быть тем, кто заботился бы обо мне, если бы со мной случилось что-то нехорошее. После него был Джастин, с которым я жила на джерсийском побережье, пока он не начал заниматься наркотиками и врать компании, которая работала с его кредиткой, кто на самом деле должен им денег. Они оба на какое-то время убедили меня, что я им действительно небезразлична.

Есть четыре вещи, которых я боюсь до чертиков: обязательства, высота, Лас-Вегас и Элвис Пресли. Первые две, я думаю, объяснять не надо. Вегас, потому что это Мекка для любителей азартных игр, и я знаю, что потеряю там голову и едва ли когда-нибудь найду ее снова. Честно говоря, не знаю, почему Элвис. Просто у меня от него мурашки по коже бегают. А может, потому что их так много в Вегасе? Каждый раз, когда я вижу пародиста Элвиса, я думаю: а вдруг это настоящий Элвис, который вернулся из царства мертвых, а никто об этом не подозревает, поскольку их так много, этих долбаных пародистов Элвиса, и мы не видим разницы? Интересно, если бы такое действительно произошло, стал бы настоящий Элвис счастливым, смог бы он жить мирной жизнью или расстроился бы, что его никто не замечает? Я не знаю, что было бы лучше для человека

вроде него, но ото всей этой истории у меня голова идет кругом.

Не так давно, когда я была с Джастином, я придумала план, как взглянуть в лицо собственным страхам. Однажды ночью, вскоре после того как мы сошлись, когда мы все еще были влюблены друг в друга, мы начали обсуждать брак. Я решила, что самым лучшим и наиболее романтичным способом пожениться для меня было бы запрыгнуть в самолет до Лас-Вегаса, прихватить одного из священников-псевдоэлвисов, чтобы он нас обвенчал, и потом выпрыгнуть из самолета с парашютом, чтобы закрепить сделку, так сказать. Так я смогла бы совладать со всеми своими страхами и оставить их позади.

Я все еще считаю это неплохой мыслью. Конечно, мы так этого и не сделали, но мы это много обсуждали, и он был какое-то время настроен довольно решительно. Если существует способ обновить карму, начать с чистого листа, то я считаю, что он заключается в чем-то подобном. Может, мне нужно совершить какой-то серьезный поступок, чтобы встретиться со всеми своими демонами.

Глава 12
Функциональная семья

В последнее время, несмотря на правила, я стала чаще впускать людей в свою жизнь. Я не думаю, что когда-нибудь выйду замуж или остепенюсь. Причины очевидны. Даже если я найду кого-нибудь, кто не окажется ублюдком, я все равно не смогу ему доверять. На примере собственных родителей, клиентов, которые в основном женаты, девочек и подружек я могу сказать, что не очень-то верю в «пока смерть не разлучит нас».

Но у меня начинают образовываться определенные привязанности. Во-первых, моя собака Макс, с которым мы пережили несколько черных полос и интрижек. Сейчас он единственный мужчина в моей жизни, лучший, который у меня когда-либо был.

Также была Зои, с которой я познакомилась в Монреале. Ей было около восемнадцати лет, и она уже работала проституткой. В принципе, она так и не поменяла профессию. Как я уже говорила, я люблю время от времени приглашать девочек из Монреаля, поскольку там живет много профессионалок. Если верить Зои, то практически каждая более-менее симпатичная девочка в Монреале рано или поздно пробует себя в нашем деле. Может быть, она преувеличивает, но не слишком. Я привезла Зои в Нью-Джерси около года назад. Предполагалось, что она поработает недельку и укатит домой. В конце концов она решила остаться насовсем. Она хотела отделаться от сутенера, который долго контролировал ее. Лучшим способом избавиться от него было уехать из страны.

Зои была блондинкой с мягким голосом, в котором сквозил легкий французский акцент. Настоящая сексуальная кошечка. У нее были длинные, густые волосы, точеная фигура и прекрасные силиконовые сиськи — крупные, но не такие пугающе большие, как у Памелы Андерсон, достаточно мягкие и приятные на ощупь (по крайней мере, мне так говорили ее клиенты). У нее уже был большой опыт и работала она превосходно. Клиенты любили ее, поэтому у меня не было причины отшивать ее. Но наши отношения переросли в нечто большее, чем простой контакт хозяйки эскорт-агентства и девочки по вызову.

В то время, когда Зои приехала в наши края, я думала, как расширять бизнес. Уже несколько лет у меня достаточно успешно шли дела, и мне хотелось знать, насколько мне удастся расширить бизнес. Однако рассчитывать я могла только на себя. Я

мечтала «захватить» другие районы Нью-Джерси и даже проникнуть в другие города, такие как Бостон и Филадельфия. Даже если бы я работала круглые сутки, я все равно не смогла бы вытянуть все это в одиночку, поэтому я договорилась с Зои, что она станет моим помощником.

У Зои приятный голос, а я слишком много времени провела на телефоне; это, собственно, та часть работы, которая сводит меня с ума. Договорились так: когда Зои не с клиентами, она работает на телефоне, организовывает и подтверждает заказы. Она также время от времени занимается заказами по электронной почте, хотя я до сих пор люблю делать большую часть компьютерной работы сама. В обмен на это она получила жилье. В то время у меня была большая квартира с двумя спальнями, одну из которых я не использовала, поэтому в ней поселилась Зои. После этого мы стали чем-то большим, чем деловые партнеры. Мы стали соседками и подружками.

Я все еще занимаюсь всей маркетинговой и деловой стратегией. Не уверена, что найдется человек, которому я смогу доверить делать это за меня, но что касается связей с клиентами, Зои отлично справляется. Она никогда не раздражается и не злится. Она немного пассивна и иногда не знает, как справиться с ситуацией, когда, например, клиент жалуется, что девочка опоздала. В таких случаях она обычно просит подождать и спрашивает, что делать. В экстремальных ситуациях она просто передает мне трубку. Я обычно нахожусь неподалеку.

Когда возникают осложнения, я их улаживаю в зависимости от того, с кем имею дело. За годы я очень хорошо изучила клиентов. Часто девочки опаздывают потому, что я люблю выстраивать их график впритирку друг к другу, чтобы не терять время, если это возможно. Если предыдущий парень опоздал или девочке по какой-то причине надо сделать перерыв — покушать, освежиться или еще что-нибудь — значит, клиенту придется подождать внизу или на парковке десять, пятнадцать или даже тридцать минут, что может сделать беднягу очень несчастным. Иногда достаточно просто убедить парня, что его время не начнется, пока он не попадет в номер, и я даже добавлю немного времени в конце, в качестве вознаграждения за ожидание. Это для тех ребят, которые озабочены тем, чтобы получить обслуживание в полном объеме за те деньги, что они заплатили. (Они почти никогда не используют дополнительное время, потому что очень немногим требуется весь час на то, ради чего они пришли.) Другие люди раздражаются из-за того, что надо ждать: они беспокоятся, что это убьет все настроение. Таким я говорю сладким голоском:

— Мне очень жаль, что тебе приходится ждать, милый. Я позволю тебе отшлепать ее в качестве компенсации. — Обычно это помогает. Но именно такие вещи меня уже задолбали. А у Зои это получается все лучше и лучше.

Зои — очень дружелюбный, открытый человек. С ее появлением многое изменилось. Я всегда много времени проводила в разъездах, но теперь все больше сижу на месте и сама приглашаю людей к себе. Для меня это большой шаг вперед.

Я также считаю, что стала более открытой с людьми, по крайней мере, с некоторыми. Если бы это было не так, я едва ли заметила бы Мелиссу, когда она появилась. Когда я встретила ее в первый раз, она была довольно забитым созданием — высокая, с короткими темными волосами и туповатая. Она не была именно тихоней, просто робким и немного наивным созданием. Такую девочку вы можете легко убедить сделать все, что захотите. Мне нравятся сильные люди. Такой она определенно не была, поэтому она была не из тех девочек, которые могут произвести на меня впечатление.

В первый раз я встретила Мелиссу благодаря другу Лукасу. Лукас был конченым наркоманом. Он потреблял любые клубные наркотики, которые только мог достать, и я познакомилась с ним, когда постоянно кутила. Он был смешным, странным чуваком. Он мне нравился, но я никогда ему не доверяла. Мы просто тусовались.

Однажды он позвонил мне и сказал, что у него есть девочка. Он спросил, не нужна ли мне новая подчиненная. Я всегда ищу новые таланты и прислушиваюсь к рекомендациям, поэтому спросила, как она выглядит и где работала раньше. Не помню точно, что он сказал. Помню только, что его описание мне пришлось по вкусу. Лукас — скользкий тип, и я тогда еще ничего не подозревала.

Также Лукас объяснил, что места, где Мелисса работала до этого, не шибко продвинуты технически, поэтому ее фотографий и отзывов нет ни на одном из сайтов. Такое бывает иногда, поэтому я не сильно беспокоилась по этому поводу, поскольку знала, как вести себя в подобной ситуации. Я решила, что она была обычной дешевой шлюхой и хотела повысить свой класс. Я сказала ему, что мы могли бы зарегистрировать ее в сети и поработать с ней, чтобы получить хорошие отзывы. Так она заработает определенную репутацию у хороших клиентов. Я также сказала ему, что это будет непростым делом и ей придется серьезно потрудиться. Но нет ничего невозможного. Он сказал, что она с радостью возьмется за работу и будет делать все, что я посчитаю необходимым.

Первым делом надо было достать ее фотографии и выложить их на сайте. Если только клиент не знает меня хорошо и не верит моим описаниям — а у меня они есть — он практически всегда хочет посмотреть на фотографии, прежде чем назначить свидание. Иногда клиент звонит и в отчаянии начинает спрашивать, кто у меня есть прямо сейчас, как выглядит. Тогда он берет то, что имеется, но обычно клиенты предпочитают подождать девочку, которую хотят. Конечно, если ждать не слишком долго.

Мы не можем использовать любые старые фотографии. Мы же не страничку в социальных сетях делаем, а занимаемся бизнесом. Фотографии должны быть сексуальными, в полный рост, и что еще важнее, они должны быть точными. Даже если девочка красиво одевается и прихорашивается, она должна выглядеть такой, какая она в жизни. Не раз у меня бывали клиенты, которые приходили на свидание и тут же уходили, когда девочка открывала дверь. Может быть, она набрала вес или выглядит старше, чем на фотографиях, или просто не следит за собой, а может, у нее был неудачный день, но клиенты могут быть очень разборчивыми в таких вещах. Увидев фотографию девочки, клиент начинает фантазировать, и если девочка с самого начала портит эту фантазию, тогда зачем ему платить за это? Чтобы подобная ситуация не возникала, следует регулярно фотографироваться, чтобы было видно, как девочка выглядит на самом деле, а не выкладывать старые или подчищенные фотографии, до которых ей расти и расти. Если все делается как надо, то клиент знает, чего ему ждать, и я получаю меньше звонков с просьбой переоформить свидание с кем-нибудь другим.

Я хотела поговорить с Мелиссой до того, как ее будут фотографировать, потому что фотографии очень важны в этом бизнесе, потому что это своего рода искусство. Я знала, что она в подобных вещах — новичок, поэтому предельно четко озвучила правила. У меня есть парочка фотографов, с которыми я регулярно сотрудничаю. Они — профессионалы, которые точно знают, что мне нужно, и у них есть определенная цена. Поскольку у девочек в этом бизнесе денежки обычно не водятся, то я выработала два варианта решения проблемы. Первый способ — проститутка может погасить стоимость фотографий, что означает, что она получает их немедленно и предоставляет нам право использовать их на нашем сайте для рекламы ее услуг. Фотографии будут убраны с сайта по ее требованию в течение трех-пяти рабочих дней. И второй способ — мы можем разделить стоимость фотографий. В этом случае компания обладает авторскими правами на них, и мы можем делать с ними все что

угодно, пока нам не будет выплачена вся сумма. После этого авторские права переходят девочке, которая может использовать их в других местах или попросить нас не использовать их вообще. У Мелиссы денег не было, поэтому она выбрала второй способ. Она задала не слишком много вопросов, но согласилась на мои условия. У меня также возникло ощущение, что она понятия не имела, как можно сделать хорошую фотографию, поэтому я решила присутствовать при съемке. Мы решили, что она придет ко мне домой фотографироваться с одним из моих фотографов.

Когда Мелисса пришла, она произвела хорошее первое впечатление. Она была скорее симпатичной, чем сексуальной, но я сразу же поняла, как создать для нее образ студенточки и эффективно его продать. Я была немного удивлена, что она не принесла с собой практически никаких вещей, но у меня дома всегда было достаточно белья и косметики, поэтому я знала, что смогу подобрать для нее что-нибудь. Я начала разговаривать с фотографом о том, что я хочу получить в результате, а Зои, которая как раз перестала говорить по телефону, заговорила с Мелиссой. Зои может разговаривать ни о чем практически с кем угодно.

Краем глаза я заметила, что Мелиссе нравится внимание Зои, поэтому я дала им немного поболтать. Мелисса была немного застенчивой, а Зои пыталась ее расшевелить, что было необходимо, если я хотела получить удачные фотографии. Между тем мы с фотографом выбирали одежду и всякие примочки, чтобы создать правильный образ.

Я навострила ушки, когда услышала вопрос Зои:

— Сколько же тебе лет?

— А, двадцать два, — ответила Мелисса.

— Правда? — удивилась Зои. — Ты почти как я! Я думала, что ты моложе.

Зои переключилась на другую тему, но почему-то у меня в голове засела тревога. Я предложила Зои пойти в другую комнату поговорить о делах. В это время в гостиной готовилась площадка для съемки, поэтому мы пошли в спальню. Я шепотом спросила ее: «Как ты думаешь, сколько ей лет на самом деле?» — «Не знаю, — ответила Зои, сразу поняв мою озабоченность, — но думаю, что она молода. По разговору невозможно определить».

— Давай снова ее спросим, — предложила я. Мы направились назад в гостиную и уселись на диван возле Мелиссы.

— Сколько тебе лет? — прямо спросила я, стараясь, чтобы мой вопрос не звучал обвиняюще.

— Ну, где-то двадцать два, — ответила она. У нее был слегка напуганный голос.

— Тебе не может быть так много, — возразила Зои. — Когда ты родилась?

Ответ на этот вопрос она не знала, и очень скоро мы ее вывели на чистую воду.

— Мне семнадцать, — наконец призналась она. Она хихикнула, сказав это, как напакостившая девочка, но мне было не до смеха.

— Ты не должна этим заниматься, — сказала я ей. — В твоем возрасте ты должна быть в школе. Что ты здесь делаешь? Почему Лукас сказал мне, что ты старше?

И тут Мелисса сломалась. В любом случае, ее уверенность была явно слабой, и она совсем улетучилась, стоило мне нажать в нужном месте. Лукас оказался тем самым нужным, или скорее ненужным, местом. Мелисса очень расстроилась и когда, наконец, начала говорить, то не могла ни на секунду остановиться.

— Лукас заставлял меня этим заниматься, — призналась она. — Это началось через несколько дней после того, как я к нему переехала. Именно он попросил меня жить с ним. До этого он был классным, поэтому я решила, что это прекрасная мысль. Но затем он изменился, и все из-за денег. Я должна была платить свою часть аренды, как он сказал, а также покупать продукты и даже наркотики, которые до этого он мне давал бесплатно. Я сказала, что найду работу, но он возразил, что это будет слишком долго, и даже если и найду, то денег все равно хватать не будет. Он сказал, что знает, как я смогу заработать достаточно денег.

Когда я однажды пришла домой, меня ждала машина, которая должна была отвезти на свидание. Лукас все подстроил. Я не знала, что делать, поэтому села в машину. Много месяцев все это казалось кошмаром, поэтому мне было все равно, что происходит. Я едва помню, как выглядел парень. Когда я приехала домой, Лукас забрал все мои деньги. Он сказал, что мне придется заниматься этим только три недели, пока мы не накопим достаточно денег, чтобы прожить. Но этого не произошло. Он позвонил тебе, потому что знал, что ты можешь найти больше клиентов и что ты больше с них берешь. Его интересуют только деньги.

Оказалось, что Мелисса убежала из дому. У нее были какие-то проблемы с семьей и законом, поэтому она оказалась в приюте для детей в пригороде Нью-Йорка. Ничего вам не напоминает? Мне очень легко было провести параллель. Приют оказался ужасным местом, поэтому она убегала так часто, как могла. Обычно ее очень быстро находили и водворяли назад, но однажды, благодаря какому-то кришнаиту, который дал ей денег на автобус, она доехала до Нью-Йорка. Из вещей у нее была

только та одежда, что была на ней. — Будь хорошей, Бог смотрит, — наставлял ее кришнаит, когда давал деньги. Она подумала, что от него забавно такое слышать.

У нее не было куда податься, поэтому она спала в вагонах обычного поезда, где встретила Лукаса и его приятеля Тима. Они заманили ее в Нью-Джерси обещаниями наркотиков и безопасного места, где можно будет перекантоваться. В то время она сидела на коксе, а они познакомили ее с метамфетаминами. Поначалу было весело, жизнь текла не спеша. Она приходила и уходила, иногда спала на диване Лукаса, когда он разрешал ей. Она уже и забыла, что бывают подобные безопасные места. Наконец однажды вечером он сказал ей: «Ты будешь моей девушкой». Хотя ему следовало сказать, что она будет его «кормильцем». Но у нее не было вариантов, поэтому она согласилась.

Я тут же решила, что Мелисса назад к Лукасу не вернется. Ни за что. Она должна была остаться с нами. Зои не только согласилась, она была в восторге. Думаю, она решила, что нашла подружку для всяких забав. Так Зои, Мелисса и я стали семьей, нашей собственной извращенной версией Святого семейства.

На следующий день мы все отправились в квартиру Лукаса, чтобы забрать ее вещи. Мы намеренно не позвонили ему, чтобы сказать, что его «подружка» не придет домой… никогда. Я опасалась, что он придет в ярость и уничтожит ее вещи или попробует их продать, дешевый ублюдок. На случай осложнений я прихватила Тони, одного из моих друзей из мафии. Пока мы ехали к Лукасу, мы успели рассказать ему историю Мелиссы. Он был возмущен. У мафии есть строгий моральный кодекс, особенно если дело касается женщин и детей. Он сказал, что если бы Лукас был на месте, то он бы преподал ему бесплатный урок.

Мелисса вела себя, словно это было какое-то приключение. Вообще она выглядела старше своих лет, но именно в этот момент я ясно увидела, что она совсем еще ребенок. Глядя на ее реакцию, можно было подумать, что мы едем в Диснейленд.

Когда мы приехали, Лукас, конечно же, был дома. Он не работал, поэтому ему не надо было где-то быть. Мелисса собрала одежду, а мы поинтересовались, где же те деньги, которые он на ней заработал. «Ты сказал, что собирал их для меня, — закричала Мелисса, — так где же они?» Ясное дело, что их уже давно не было.

После этого Лукас начал проклинать Мелиссу. Но прежде чем кто-либо из нас успел ответить, Тони ударил его, сильно ударил. Лукас ударился спиной о стену и медленно сполз на пол. Был всего лишь один удар, но большего и не требовалось. Я знала, что

взять Тони было удачной идеей.

По дороге домой Мелисса спросила Тони, зачем он ударил Лукаса.

— Он меня вывел, и мне не понравилось то, как он говорил с тобой, — пояснил он.

Мелисса одарила его широкой улыбкой. До того я никогда не видела, чтобы она так улыбалась. Думаю, что в тот момент он ей очень понравился. Все остальное время, пока мы ехали, Тони рассказывал Мелиссе, что ей нужно взять себя в руки и получить образование. Мелисса слушала и соглашалась.

Поскольку Лукас практически полностью управлял ее жизнью, я хотела, чтобы Мелисса знала, что она тоже может сказать слово в собственной судьбе, поэтому я спросила ее, хочет ли она остаться на какое-то время с нами или отправится куда-нибудь в другое место. Я знала, что она захочет остаться с нами, но решила, что важно поставить ее перед выбором. Она была просто счастлива, что остается.

Но тогда я сказала ей, что если она собирается остаться, то ей придется уважать определенные правила. Без исключений. Прежде всего, больше она работать не будет, ни в каком качестве. И никаких наркотиков. Они с Лукасом экспериментировали с различными наркотическими коктейлями, но я сказала ей, что это следует прекратить. Я не хотела показаться лицемером, поэтому призналась ей, что сама иногда балуюсь подобными вещами, как и Зои, но нам можно, потому что мы взрослые. А она ребенок, и ей следует вести себя соответственно.

Я также сказала ей, зная, что это будет весьма сложным моментом, что нам придется позвонить ее маме. Нам не нужно было говорить ей, где именно теперь живет Мелисса, но мы должны были сообщить ей, что с Мелиссой все в порядке, и дать ей номер телефона, по которому она могла бы дозвониться до нас.

Сначала, когда я позвонила, мама Мелиссы очень рассердилась, но я сказала ей, что Мелисса может остаться у меня и я ставлю ее в известность, что у ее дочери все в порядке. Потом я время от времени звонила ей, чтобы рассказать, как дела у Мелиссы. Когда мы хотели поехать на выходные в Бостон, я позвонила маме Мелиссы, чтобы узнать, не против ли она. Она была поражена этим вопросом. «Да, конечно, делайте, что хотите», — ответила она, но на этот раз она не казалась сердитой. Я думаю, что ей понравился новый расклад.

Я знаю, что вы можете подумать о нас. Ничего себе семейка — нелегальный иммигрант/девочка по вызову, малолетняя преступница и я. Однако нам было весело вместе. Мы начали

после этого называть Мелиссу Фелония[6], поскольку «за нее тебе дадут от двадцати лет до пожизненного». Мы с Зои относились к ней, как к младшей сестре. Поскольку у меня в квартире было только две спальни, и обе заняты, мы не знали, где ей спать. Это было забавно, потому что до того, как ко мне переехала Зои, я много месяцев жила одна, и мне казалось, что квартира реально огромная. А теперь стало как-то тесновато, но никто не возражал, и мы все же нашли решение. Иногда Мелисса спала на большом диване в гостиной, иногда вместе со мной или Зои, словно бы она осталась после вечеринки на ночь.

Поскольку Мелисса не собиралась в школу, а я не давала ей работать, даже отвечать на телефонные звонки, ей иногда бывало скучно. Я пыталась придумывать для нее задания, чтобы хоть как-то занять, как если бы она была в школе. Ей нравилось рисовать, и у нее очень неплохо получалось, поэтому я сказала, чтобы она рисовала людей, которых встречала. Она также сказала, что ей нравится писать, так что я предложила ей писать о том, что с ней происходит. Она брала Макса на прогулку или тусовалась с Зои, когда та не работала, но у Мелиссы энергия била через край, у нее был живой ум, и я могла с уверенностью сказать, что однажды жизнь с нами ей надоест.

К счастью, где-то в это время Николь стала почетным членом нашего странного маленького семейства. Николь время от времени работала на меня в течение нескольких месяцев. Ей было за сорок, она была разведена и у нее было двое детей, но такой миленькой блондиночки вы в жизни не видели. У нее было незабываемое тело. Никто не мог догадаться, сколько ей лет, а те клиенты, которые знали, не обращали на это внимания.

На протяжении недели дети Николь живут с отцом, который также поддерживает Николь и платит за ее дом в Нью-Джерси. Так они договорились при разводе. Бывший муж Николь — странный чувак. Однажды он заявил ей, что если бы он мог сам родить детей, то так бы и поступил, но из-за природных ограничений ему пришлось связаться с ней, а также раскошелиться. Но о Николь хорошо заботились. Она работала лишь для того, чтобы были карманные деньги на легкие наркотики.

Поскольку Николь не обязательно было работать, она часто сидела днем дома, ничем особо не занимаясь. Я отправляла Мелиссу домой, когда она начинала действовать мне на нервы или когда я была очень занята. Это оказалось идеальным решением для всех, потому что в конце концов они понравились друг другу.

Именно я всегда звонила маме Мелиссы, но спустя какое-то

время они, наконец, договорились общаться напрямую. Когда Мелисса первый раз общалась с матерью по телефону, разговор затянулся надолго. В результате они решили, что мама должна приехать проведать ее. Мы решили встретиться на выходных в доме Николь. Я решила, что будет лучше, если она не увидит мою квартиру. Там везде можно увидеть массу компрометирующих вещей, и, кроме того, я не хотела, чтобы она могла выследить меня, если когда-нибудь узнает, чем я зарабатываю на жизнь и что случилось с ее дочерью.

Однажды в субботу приехала ее мама в сопровождении брата Мелиссы и ее отчима. Мы все собрались, чтобы поддержать Мелиссу, — я, Зои, Николь и даже дети Николь, которые приехали к ней на выходные. Мы постарались изо всех сил произвести впечатление обычных, довольных жизнью людей, но все, казалось, немного нервничали, особенно Мелисса. Она не знала, что рассказать маме о том, чем она все это время занималась.

— Правда не всегда освобождает, — заметила я. — Она также может поставить тебя в определенные рамки.

В данном случае она могла поставить в рамки меня тоже, поэтому я не хотела влезать в эту историю. Но я действительно хотела, чтобы мама Мелиссы знала, что ее дочке пришлось перенести, чтобы она поняла, каким опасностям подвергалась Мелисса, пока была одна. Она легко могла стать проституткой-наркоманкой, как Наташа, или попасть в кабалу к какому-нибудь сутенеру, как в свое время не повезло Зои, или еще хуже. От таких вещей очень сложно отделаться. Я-то знаю. Я такое видела не раз. Я хотела, чтобы у ее матери было хоть какое-то представление о том, что может случиться с молодой девочкой, если ее оставить одну без присмотра, поэтому я сказала ей, не упоминая о своей роли в этом, конечно, что Лукас пытался заставить Мелиссу заниматься проституцией. У ее мамы перехватило дыхание, и она уставилась на меня. Думаю, она решала, верить мне или нет. Мелисса любила устраивать сцены, постоянно преувеличивала или просто выдумывала небылицы, чтобы привлечь внимание, поэтому мне показалось, что ее мама уже давно решила для себя особо не верить тому, что говорит дочь. Но это уже не Мелисса говорила, а я. Когда мы общались по телефону, я всегда говорила с ней напрямую. Я могла опускать определенные подробности, но никогда не врала.

Когда мама Мелиссы увидела, что мы живем как одна большая счастливая семья, включая Николь, ее детей, Зои и меня, как нам весело вместе, думаю, ей стало стыдно. Она увидела, что Мелисса может быть членом семьи. Мне кажется, что часть

возникших между ними проблем была все-таки на совести матери. В конце концов, она взрослый человек, а Мелисса только начинает разбираться, что к чему, и у нее впереди еще долгий путь.

В тот день Мелисса поехала домой с родителями, и с тех пор я ее не видела. Хотя мы поддерживаем связь. Последний раз, когда я говорила с ней, она рассказала, что нашла какую-то незамысловатую работу за десять долларов в час, но ей это нравится. Также она работала над тем, чтобы получить диплом о среднем образовании и поступить в колледж. Она хотела пойти в художественное училище, что казалось неплохой идеей, поскольку ей нравилось рисование, и она собиралась проведать папу впервые за долгое время. Дела у нее шли на лад. Немного неуверенная в себе, но взволнованная из-за открывающихся возможностей и больше не такая обозленная и перепуганная, как прежде. Я думаю, именно такой должна быть девочка в ее возрасте, но что я могу знать о подобных вещах? В ее годы я управляла борделем в Нью-Йорке и жила с наркоторговцем, который был на двадцать лет старше меня. Он постоянно изменял мне, а хорошо приняв на грудь, любил поколотить. Вот кто заботился обо мне, когда я была в ее возрасте.

Надеюсь, что с Мелиссой все будет хорошо в будущем, но кто знает? Этот мир бывает жесток к молоденьким девочкам, и те, которые совершили то, что она, склонны вернуться к старому, когда наступают тяжелые времена и нечем платить за жилье. «Один раз шлюха — шлюха навсегда», — любят говорить люди в моем мире. Возможно, Мелиссе удастся изменить свою жизнь, но я могу сделать вид, будто не знаю, сколько у нее шансов на это, а их немного. Тем не менее девочка в ее возрасте заслуживает второй шанс, не так ли?

Глава 13
Один воскресный день из жизни весьма юной мадам

Даже мне нужен выходной, поэтому по воскресеньям мой «магазинчик» официально закрыт. (В рекламе мы пишем, что работаем с девяти утра до одиннадцати вечера с понедельника по пятницу.) Помощники тоже гуляют. Один остается по субботам на всякий случай для разных поручений — например, отвезти девочек в аэропорт, чтобы они могли улететь домой после трудовой недели. Но по воскресеньям оба моих помощника могут смело игнорировать меня, даже если у меня найдутся причины позвонить им.

Хотя по воскресеньям можно заработать кучу денег, я решила, что это будет день отдыха, поскольку именно в этот день у большинства моих парней и друзей выходной. К тому же я люблю гулять вечером в пятницу или субботу, поэтому мне нужно воскресенье, чтобы прийти в себя. Однако воскресенье очень популярно у клиентов. За много лет я многое узнала о ходе мыслей мужчин. Одно я могу вам сказать точно. Во многих отношениях они мыслят похоже, особенно когда дело доходит до секса.

Например, вы можете подумать, что по пятницам у меня должна быть запарка. Рабочая неделя заканчивается, и настало время выпустить пар. Зарплата часто бывает по пятницам, поэтому ребята чувствуют тяжесть денег в кошельках. Хотя в пятницу к нам и обращаются, но пятница ничто по сравнению с воскресеньем, когда телефон не замолкает практически ни на минуту.

Именно тогда, когда впереди тяжелая трудовая неделя, мужчинам больше всего необходимы мои услуги. В представлении большинства из них пятницы предназначены для подружек, субботы — для жен, а воскресенья — для них самих. И это означает, что если они не пьют с приятелями или не смотрят футбол (или уже выпили и посмотрели), то могут позвонить мне в надежде, что, хоть мы и закрыты, я сделаю для них исключение.

Воскресенье также замечательный день для бизнесменов. Все мои клиенты заняты в определенном бизнесе, поэтому многие из них ездят в деловые командировки. Они обычно стараются улететь в воскресенье вечером, чтобы начать работу с утра пораньше в понедельник. Но после того как они поселились в

отеле, что им делать? Они одни в незнакомом городе. Им скучно. Им нечем заняться до завтрашнего утра, а все еще выходные. Именно тогда они звонят мне.

Клиенты, которые постоянно находятся в разъездах и знают не понаслышке, что значит скука в воскресенье вечером, часто заранее просят меня устроить им свидание. Они звонят мне, когда бронируют номер в отеле, и берут напрокат машину. Если они звонят загодя, то я с радостью готова им помочь, даже в выходной день, как случилось, например, не так давно. Один из моих лучших постоянных клиентов загодя сообщил, что приедет на неделю в Нью-Йорк и хотел бы встретиться с девочкой, когда прилетит в город. Он согласился доплатить за поездку в Манхэттен, поскольку я работаю только в Нью-Джерси. Он даже не настаивал на конкретном времени, поэтому я сказала, что придумаю для него что-нибудь. Он только попросил, чтобы девочка была новой (в смысле, новой для него).

Много недель назад я назначила на эту роль Даниэль. Она была новенькой не только для клиента, но и для меня. Она никогда раньше не работала на меня, но ее очень рекомендовала другая девочка, которая какое-то время работала на меня. Это показалось мне хорошей возможностью проверить ее. Я видела ее фотографии. Я также читала отзывы о ней. Было очевидно, что она знала, что делает. К сожалению, я не смогла уговорить ни одного из помощников поработать лишний день, поэтому я собиралась лично привезти ее на свидание. Оно было назначено где-то на девять часов вечера. Она могла поехать на него прямо из аэропорта, но затем мне следовало подвезти ее до отеля в Нью-Джерси, где бы она смогла работать остаток недели. Клиент попросил дополнительных два часа, поэтому я ей не понадоблюсь где-то аж до одиннадцати часов. У меня было достаточно времени, чтобы отдохнуть.

Я планировала выполнить несколько поручений, возможно, встретиться с другом, купить еды в корейском магазине для меня и моего парня Джастина, а также постараться как можно дольше не обращать внимания на телефонные звонки. Я не работала уже две недели, и то воскресенье было последним днем моих «каникул». Я хотела в этот день побездельничать как можно больше.

Когда я решила отдохнуть, то сказала всем — клиентам, девочкам и помощникам — что убегаю с мужем. Проблема состоит в том, что я сама и есть мой бизнес. Если меня не будет на месте, ничего делаться не будет.

Конечно, я не вышла замуж. То, что я делала, можно было назвать «очищение системы». У меня много лет были

многочисленные язвы от самых различных потрясений, и в один прекрасный момент это стало невыносимо. Я принимала все обезболивающие, какие только могла достать, чтобы дожить до вечера — перкоцет, викодин, даже морфин, который доставал для меня один клиент, работавший представителем фармацевтической компании. Он дал мне несколько доз в обмен на дополнительное свидание с девочкой, которую он выбирал сам. Я не понимала, что многие из этих препаратов могут через какое-то время только ухудшить состояние моих язв. Джастин наконец уговорил меня прекратить их принимать, чтобы позволить телу восстановиться. Именно тогда я переехала в его дом на джерсийском побережье. Он заботился обо мне. Боже, боль была ужасная. Не обязательно было, чтобы все знали, чем я на самом деле занимаюсь. Люди должны были знать, что я буду недоступна до тех пор, пока не дам следующих указаний.

В то воскресенье я ехала по шоссе, которое проходило по джерсийскому побережью. Крышу я убрала, включила диск с миксами моих любимых ди-джеев на полную мощность, а система навигации на моем новом БМВ время от времени сообщала мне приятным, успокаивающим женским голосом, где и когда нужно повернуть или остановиться. Когда мобильный телефон, который лежал у меня на коленях, начал звонить в первый раз, я не обратила на него внимания. Но когда он зазвонил во второй раз, я посмотрела на экран и увидела номер Даниэль. Она была среди тех немногих людей, с которыми мне следовало пообщаться в тот день.

— Привет, милая. Как дела?

— Привет, это Даниэль. Послушай, я не могу найти подходящий рейс, чтобы успеть вовремя. Они либо все забронированы, либо очень дороги.

— Ты где сейчас, милая?

— Все еще во Флориде.

Настоящая шлюха. Уже почти полдень, а она только сейчас начала думать, что же ей делать, чтобы успеть на встречу. Мы с ней заранее договорились, что она прилетит к вечеру, чтобы клиент смог вдоволь с ней повеселиться. Но я не была удивлена. Она была не менее и не более придурковатой, чем любая девочка в нашем бизнесе. Производственный риск.

— Откуда ты собираешься вылететь?

— Из Прайслина.

— А в какой аэропорт хочешь прибыть?

— В Ла-Гуардиа.

— Попробуй Ньюарк, милая. Также можешь попробовать аэропорт Кеннеди, но сначала проверь Ньюарк.

— А где это?

— Ньюарк в Нью-Джерси, дорогуша. За рекой находится Манхэттен, а это как раз возле меня. Попробуй все три аэропорта. Ты сейчас за компьютером сидишь?

— Да.

— Хорошо, тогда попробуй прямо сейчас и, если возникнут проблемы, перезвони. Мы хотим, чтобы ты прибыла как можно раньше, милая, хорошо? Как можно раньше.

— Лады.

Я люблю быструю езду. Я поняла, закончив разговор, что постепенно разогналась до ста семидесяти километров в час. Положив телефон назад на колени, я начала сбавлять скорость. Не так давно у меня отобрали права, поэтому меньше всего мне хотелось, чтобы меня остановила полиция. «Приближается поворот через двадцать секунд… десять секунд… пять секунд… поверните», — сообщила мне система GPS. Боже, как я люблю эту штуку.

Корейский магазин находился в сорока минутах от нашего с Джастином дома, но съездить туда стоило. Он большой, и в нем есть все, поэтому я планировала запастись едой на целый месяц. Недавно Джастин скинул немного веса. Вероятно, потому что много работал. Но выяснилось, все дело в наркотиках, которые он активно употреблял у меня за спиной. Поэтому я решила его подкормить.

Когда я доверху загрузила тележку пачками свежеприготовленного кимчи, ребрышками в фирменном маринаде магазина, грудой овощей и конфетами с изображениями героев мультфильмов на упаковках, телефон зазвонил снова. Я положила его в сумочку, чтобы попозже посмотреть, кто звонил. Возле стойки с хлебобулочными изделиями я попробовала кусочек рыхлого блинчика, только что испеченного, с намазанным на него комковатым соусом из красной фасоли. Вкус показался мне знакомым, я была уверена, что уже пробовала его, когда была в Корее, но воспоминание было таким туманным, что я не могла сказать, когда я там была и с кем.

Когда я заполнила багажник и заднее сиденье машины пакетами с продуктами, я посмотрела, кто же мне звонил. Оказалось, что это был один постоянный клиент. Зная его, я могла предположить, что в последние пару недель ему пришлось несладко, так как он не мог связаться со мной. Я знала, что он звонил несколько раз, поэтому, выехав со стоянки, я решила сделать широкий жест и позвонить ему.

— Приветик. Это я, — поздоровалась я, когда он снял трубку. Я была уверена, что мой голос он знает.

— Привет. Я пытался связаться с тобой, — сообщил он.

— Да, я знаю. Я получала твои сообщения. Хочешь что-нибудь получить на этой неделе?

— Вообще-то хотел сегодня вечером.

— Мы обычно не работаем по воскресеньям, ты же знаешь. Но у меня есть одна девочка, прилетает вечером. Не знаю точно, когда она прилетит, но я гляну, сможет ли она тебя обслужить.

— Это было бы прекрасно. В любое время. Я тут сижу, смотрю игру, так что звони, когда сможешь. Ты сообщишь? Или мне позже перезвонить?

— Скоро буду знать точно. Когда вернусь домой и смогу ей позвонить, сообщу тебе ее расписание.

— Отлично. Спасибо. Когда, как ты думаешь, это будет?

— Ну, через часок где-то.

— Хорошо. Ты знаешь, нам тебя в последнее время не хватало. Ну как? Ты-таки вышла замуж?

— Было замечательно. Спасибо, что спросил.

— Ну, тогда поздравляю.

— Спасибо. Я перезвоню как только смогу, хорошо, детка?

— Ага.

Телефонные звонки снова настроили меня на рабочий лад, и, поскольку мне еще нужно было полчаса ехать до дома, я решила сделать несколько вещей. Сперва я позвонила другу в городе и оставила ему сообщение о том, что приеду поздно, и если он будет неподалеку, то я смогу отдать ему деньги. Я всегда быстро отдаю долги.

Дальше, вспомнив о долгах, я позвонила Ангелите. Это была еще одна девочка, которая должна была, по идее, поработать на меня несколько недель назад, но так и не появилась. Ангелиту мне посоветовала Шерри, еще одна местная содержательница борделя, с которой я иногда менялась девочками. Если я собиралась сотрудничать с Шерри, мне следовало ждать осложнений, потому что у нас очень разные стандарты и политика. Иногда девочки путаются из-за этого. Она была намного спокойнее меня и брала на работу практически всех подряд.

Как и любой другой новенькой, Ангелите дали мою брошюрку, чтобы она поняла, чего я жду от нее. Мои правила по части денег недвусмысленны. Поскольку девочки приезжают отовсюду, чтобы поработать на меня, и всегда останавливаются в трехзвездочных отелях, где происходят свидания, возникают определенные расходы. Я рада, когда могу выгодно договориться

и получить самую хорошую цену (в этом я уже успела набить руку), но каждая девочка должна платить свою долю. Это означает перелет, гостиницу, автомобиль (хотя я так же рада, когда за небольшую плату мои помощники работают извозчиками) и прочие вещи, которые могут понадобиться. Что касается Ангелиты, то я заказала номер в отеле на неделю, и, согласно брошюрке, если бы она даже там не появилась, то все равно должна была выплатить мне часть расходов на гостиницу.

Я уже звонила Ангелите несколько раз после того, как она кинула меня, но до сих пор получила от нее только голосовую почту. На этот раз, однако, она взяла трубку, поэтому я сразу же перешла к делу. Я не спросила, что случилось, потому что мне было все равно. Последнее, что я хотела услышать, так это тысячи извинений или еще одну душещипательную историю очередной девочки. Я просто сказала ей то, что говорю всегда в подобных ситуациях, что у нас есть нерешенный вопрос и что я готова его уладить любым возможным способом. Поскольку я была в отпуске, я не расписала следующую неделю и беспокоилась, что, как только уведомлю клиентов о возобновлении работы, меня завалят заявками. Поэтому я также сказала Ангелите, что если она хочет поработать на меня на этой неделе, то я могу вычесть ее долг из той суммы, которую она заработает за неделю.

— Хорошо, — согласилась она, — но я не смогу работать до четверга. Я работаю на Шерри с понедельника по среду.

— Хорошо, тогда я запишу тебя на четверг и пятницу. Думаю, что поселю тебя в Принстоне или Мэдоулендз. Во сколько ты сможешь приехать в четверг?

— Я смогу приехать в Мэдоулендз, когда скажешь. Я даже могу приехать туда в среду поздно ночью.

— Ты так близко находишься? Где ты будешь работать в среду?

— Вот там и работаю — в Мэдоулендз. С понедельника по среду.

— Именно в Мэдоулендз?

Моя территория в Нью-Джерси значит для меня очень много. Я ее ревностно охраняю. Это одна из причин, почему я обосновалась в Нью-Джерси, а не в Нью-Йорке, поскольку знала, что так у меня будет самый лучший доступ к клиентам и никто не сможет составить мне конкуренцию. Когда я приехала в Нью-Джерси, рынок был свободен, и я буквально с нуля создала первоклассное агентство.

Я встречалась с Шерри в каком-то клубе в Нью-Йорке. У нас

было много общих знакомых, мы часто бывали на одних и тех же вечеринках. У нас было шапочное знакомство, поэтому, когда год назад они с сестрой решили открыть собственное агентство, я не возражала. Она пришла ко мне за советом, и я его ей дала, но подчеркнула, что буду помогать, если она не будет лезть на мою территорию. Она могла взять себе Южный Джерси, поскольку я не хотела так сильно расширяться, но Принстон, Эдисон, Нью-Брунсуик, Ньюарк, этот Мэдоулендз принадлежали мне. И я посылала ей кучи клиентов. Каждый раз, когда парень ехал в Атлантик-Сити, я соединяла его с ней. Больше такого не будет.

— Я этого не знала, — начала нервничать Ангелита, когда я пояснила ей, чем недовольна. — Но это вы уже сами между собой решайте. Я имею в виду, что она просто сказала мне, куда ехать. Я туда не просилась. Тебе надо с ней поговорить.

— Но ты же понимаешь, о чем я говорю? — поинтересовалась я.

— Да, я понимаю, но…

— Вот что я собираюсь сделать. Я собираюсь записать тебя на Мэдоулендз на всю неделю. Ты уже где-то остановилась?

— Да, в Шератоне.

— Хорошо. Когда завтра ты туда приедешь, позвони мне. Я хочу выложить твои данные на наш сайт и разослать почту клиентам, чтобы сообщить, что ты будешь там всю неделю. Таким образом, пока Шерри заставляет тебя сидеть, ожидая следующего свидания, я подкину тебе настоящую работу. И я гарантирую, что со мной ты заработаешь денег. Намного больше. Хорошо?

— Думаю, да.

— Тогда позвонишь мне завтра утром?

— Да, хорошо. Но что я скажу Шерри?

— Тебе не надо ей ничего говорить. Это касается только нас.

— Да. Разбирайтесь сами. Хорошо. Я позвоню завтра.

Все остальное время, пока я ехала домой, я была раздражена. Я подумала, не позвонить ли Шерри и не высказать ли ей все, что я думаю о той глупой затее, которой она занималась у меня за спиной. Но я знала, что лучше промолчать. Она не должна была знать, что я в курсе. Когда я подъехала к дому, Джастин услышал звук двигателя и вышел, чтобы помочь мне с продуктами.

— Ты ни за что не догадаешься, что случилось, — сказала я ему.

Я рассказала ему о Шерри, пока он смотрел, что я купила.

— Ты разговаривала с Шерри? — поинтересовался он, когда я завершила рассказ.

— Нет. Мне нет нужды с ней разговаривать. Она же не дура. Теперь я буду не только забирать ее девочек, начиная с Ангелиты.

Я собираюсь забрать ее территорию — Атлантик-Сити, Южный Джерси, даже Филли, потому что она и там бывает. Помнишь, как я утром сказала, что еще не готова вернуться к работе? Ну, теперь у меня есть стимул. Мне надо сделать несколько звонков. У меня девочка прилетает сегодня, и еще один чувак, которого я вожу за нос, хочет сейчас с ней встретиться, но может подождать, сколько надо, а завтра первым делом надо начать организацию встреч для Ангелиты, потому что она пойдет туда, где деньги. Им всем только деньги подавай. У нас доверие держится на деньгах. Ты разберешь продукты, милый?

— Да, я проголодался. Ты привезла что-нибудь хорошее?

— Да, я привезла много хороших вещей, но подожди немного, и я приготовлю ужин. Мне сперва нужно немного времени, чтобы разгрести дела, но я хочу приготовить для тебя ужин.

— Хорошо.

Многое изменилось после того дня. Это был один из последних хороших наших с Джастином деньков. Вскоре я поймала его на том, что он принимал наркотики, и мы разорвали отношения. После того дня я на какое-то время полностью сосредоточилась на работе и из-за этого, наверное, не сразу заметила, что он странно ведет себя. Он глотал таблетки в то самое время, когда помогал мне спрыгнуть с них.

Вскоре я закрыла агентство и спряталась. В этот период, я уверена, мои клиенты решили, что я бросила этот бизнес или меня арестовали. Многие мои девочки начали работать на других людей. Я не могу винить их за это. Такова природа нашего дела.

Глава 14
Девочки, которых я знала и любила… или ненавидела… или девочки, которые не на шутку вывели меня из себя

Вы очень удивитесь, когда узнаете, что я очень даже против проституции как явления. Меня воспитали и научили отличать хорошее от плохого. У приемных родителей могли быть свои проблемы, но они верили в основные ценности среднего класса (в их случае, в ценности верхнего сегмента среднего класса), и они привили их мне, прежде чем распалась наша семья. Частично именно благодаря им я верю, что с людьми следует вести себя честно, обращаться с ними так, как бы вы хотели, чтобы обращались с вами, решать жизненные проблемы разумно, а не срываться и позволять чувствам овладевать вами. Именно из-за этих качеств, которые кажутся достаточно затертыми для обывателей, я так отличаюсь от большинства людей, которые крутятся в этом бизнесе.

Возможно, вы также удивитесь, когда узнаете, что я верю в то, что брак — священен. Не исключено, что эту веру укрепило то, что произошло с отношениями моих родителей. Большинство моих клиентов женаты, и, на мой взгляд, их поведение, то есть встречи с девочками, аморально целиком и полностью. Но я думаю, что мы много делаем плохих вещей, например курим, и кто-то наживается на этой привычке. Я стараюсь не судить людей. Кто я такая, чтобы судить?

Но честно говоря, я терпеть не могу большинство ребят, которые используют сервис, который оплачивает мою ренту.

Время от времени мне звонит чья-нибудь жена, и это самое худшее. Обычно такое случается, когда жена начинает подозревать, что муж ей изменяет, поэтому она начинает просматривать список звонков или телефонную книгу его мобильного телефона. Иногда они выходят на меня благодаря отчетам по использованию кредитных карт. Поскольку мне нужно держать ухо востро, не нервничать, защищать себя и клиента, я обычно отвечаю жене: «Извините, дорогуша, но я не знаю никого с таким именем. Я думаю, что вы ошиблись номером». Хоть я и говорю это, на самом деле я хочу сказать другое: «Да, твой муж — ублюдок, и все хуже, чем ты себе представляешь. Ты, наверное,

думаешь, что я его любовница, но это не так. Я регулярно свожу твоего мужа со шлюхами, один или два раза в неделю. Помнишь, как ты думала, что ему нужно было срочно ехать в офис на День Благодарения? Ну, он соврал. Он позвонил мне. Тебе следует немедленно его бросить. Собирай вещички, забирай детей и вали от него сегодня же. Тебе в жизни не нужен такой говнюк».

Конечно, я думаю, что клиенты хуже проституток. Ведь именно они давали клятвы быть верными. Но и девочек тоже есть в чем упрекнуть. Им не стоит спать с женатыми мужчинами. Очевидно, что они не всегда знают, кто женат, а кто нет, и это явно не тот вопрос, который проститутки должны задавать клиентам, если они правильно выполняют работу. Но тем не менее я думаю, что на них лежит часть ответственности. И на мне тоже, потому что я все это организовываю.

Если парень одинок, и девочка тоже одинока и занимается тем, чем занимается по веским причинам, тогда я не чувствую угрызений совести, беря деньги за секс. Единственная проблема в том, что такое бывает очень редко. Обычно девочка попадает в этот бизнес или из-за наркотиков, на которые ей отчаянно не хватает денег, или потому что она на мели (например, убежала из дому, как Наташа и я) и ей необходимы деньги, или потому что связалась с плохим парнем, который умеет держать ее под контролем и зарабатывать на ней деньги.

Я никогда не буду заниматься тем, чем занимаются мои девочки. И не потому, что считаю это чем-то предосудительным, просто я думаю, что в жизни можно добиться большего, чем это. Проституция не была бы так плоха, если бы было просто два взрослых человека, которые соглашаются на связь без риска навредить женам, или детям, или кому там еще, хотя особого уважения у этого тоже нет. Это как стать отцом — любой мудак с членом может это сделать, но это совсем не означает, что он должен это делать.

Многие девочки обвиняют меня в том, что я не сильно уважаю женщин, которые работают на меня, и я соглашаюсь с ними. Это еще одна причина, почему я не сутенер. Я не вожу девочек за нос. Я им сразу же говорю, что думаю на самом деле. Честно говоря, я больше уважаю шлюх, которые работают на улице, потому что там все просто — сделал дело, заплатил, а теперь — вали. И если она не наркоманка и не дура, то все происходит безопасно, с презервативом. В таких случаях это просто секс, но если вы работаете в моем агентстве, то это уже другое. Тут уже примешана близость или, по крайней мере, ее подобие. В агентстве девочки целуются, делают минет без презерватива. Для секса они используют презервативы, или, по

крайней мере, я им внушаю, что это следует делать, но все же интим здесь приобретает новый смысл. Ясное дело, чем теснее близость, тем она опаснее для обоих партнеров. Честно говоря, я предлагаю самый нехороший сервис, потому что он самый опасный.

Пока я занималась этим бизнесом, я очень сильно разуверилась в женщинах. Правда в том, что моя работа не требует особых усилий. Требуется только определенное время и дисциплина, чтобы все устроить. Если бы хоть у кого-то из девочек, работавших на меня все это время, было достаточно ума, они бы сами создали подобные агентства, нашли бы клиентов и зарабатывали бы намного больше денег. Но эти девочки еле-еле могут заставить себя работать. По крайней мере половина из них не умеет пользоваться компьютером. Такова природа нашего дела. Если бы девочка могла заниматься чем-то другим, то не занималась бы проституцией. Практически у них всех есть серьезные проблемы — наркомания, расточительство, парни, которые обращаются с ними как с дерьмом. Многие неуравновешенны или без царя в голове. Чтобы заниматься этим делом, нужно быть именно таким человеком.

Зои, например, однажды пошла в салон, где ей сделал массаж очень сексуальный парень. Они успели трахнуться, прежде чем закончился ее сеанс, и она оставила ему приличную сумму за «услуги». Потом она порекомендовала его подруге, которая недавно порвала с парнем и ей нужно было развеяться. Когда эта подруга подошла к массажисту и предложила сделать ей не только массаж, но и кое-что еще, он оскорбился до глубины души. «Я таким не занимаюсь», — ответил он. У Зои настолько извращенное представление об окружающем мире, что ей даже в голову не могло прийти, что она просто понравилась массажисту, и поэтому он захотел ее. Без всякой оплаты.

За всю свою карьеру я уважала только троих девочек, которые работали на меня. Троих из, возможно, нескольких сотен. Первая — Энджи. Она училась в колледже и работала в эскорте, чтобы оплатить образование. В отличие от большинства девочек, она копила каждый доллар, который зарабатывала, и, блин, неужели она была дешевой? Она ждала целый час моего шофера, чтобы он отвез ее на свидание, вместо того чтобы взять такси за пятнадцать долларов. Так она платила за образование. Она и другие вещи делала. Например, путешествовала по Европе. Через какое-то время она перестала работать. Я полагаю, что она закончила колледж и подыскала работенку получше. Она была прирожденным бизнесменом, поэтому я уверена, что она нашла

достойное занятие.

Потом еще была девочка по имени Антония, которая до сих пор время от времени работает на меня. Ей действительно нравится этим заниматься, она воспринимает работу очень серьезно. Когда клиенты начинают фантазировать об идеальной партнерше, за которую они готовы заплатить, то у них получается именно ее портрет — милой, симпатичной девушки, которой очень нравится секс и которая достаточно раскованна, чтобы не чувствовать себя неловко, когда ей за него платят. Пока я не встретила Антонию, я не подозревала, что может существовать такая женщина. (Конечно, я этого никогда не говорю клиентам.) Когда парень интересуется, я просто смотрю на него с напускной откровенностью и говорю:

— Да, детка, они все нимфоманки, которым всегда мало… всем им.

Антония одна на миллион, на миллиард. Она это делает не из каких-то плохих побуждений. Для нее это жизненный выбор. Я это, в принципе, уважаю. Может, она прячет каких-то демонов, но если и так, она держит их в узде. На нее можно положиться, она прекрасный человек.

Третья девочка — Моник. Она была замужем, но муж покончил жизнь самоубийством. По ее словам, он очень любил ее, просто у него были проблемы. Он был на лечении и забыл принять пилюли, когда сделал это. Она работала какое-то время, откладывая все деньги, чтобы заняться чем-нибудь другим. Она была фотографом. Она приехала из Флориды работать, но, когда у нее появлялось свободное время, она ехала в Нью-Йорк, чтобы походить по музеям. Она также провела полгода в Азии, путешествуя и фотографируя. Она была невероятной и в то же время очень скромной. Однажды она показала некоторые свои работы. Они были весьма хороши. Также она давала уроки. Она занималась самыми разными вещами.

Конечно, все эти три дамочки пользовались бешеной популярностью у клиентов. Энджи зарабатывала больше всех, когда работала на меня. Это значит, что они делали все что угодно. Клиенты обычно не бывают в таком восторге от какой-либо девочки, если только она не выкладывается на все сто, что может быть опасным. Я не знаю, почему они это делали. Все трое работали неполную рабочую неделю, поэтому можно предположить, что они просто хотели за это время заработать как можно больше денег. Я всегда могла устроить для них столько встреч, сколько они могли себе позволить. Уверена, что клиенты оставляли им хорошие чаевые.

Энджи, Антония и Моник определенно были исключениями

из правила. У меня также есть хорошая подруга, которая является одной из лучших порноактрис в стране. Она зарабатывает десять тысяч долларов в неделю, работая повсюду за плату от одной до полторы тысячи за встречу. У нее не особо много постоянных клиентов, но поклонников хоть отбавляй, которые знают ее по фильмам. Она снялась более чем в сотне фильмов, чтобы заработать звездный статус, и она колесит по стране девять месяцев в году, рекламируя себя. Она определенно тоже исключение из правила, но она никогда не работала на меня, потому что ей не нужен такой человек, как я. Она не только зарабатывает намного больше денег за свидание, чем мои девочки, но и прикарманивает все деньги, потому что умеет вести собственный бизнес.

Большинство девочек в этом бизнесе полные неудачницы. Мне даже сложно уважать тех из них, с кем я дружу. Например, моя подруга Николь, у которой есть дети и которую поддерживает бывший муж, по сути, работает, чтобы ей было на что гульнуть. Само по себе это неплохо, но недавно я осталась у нее ночевать и видела, как ее подонок-парень готов был избить ее до полусмерти. Он был в ее доме, он ломал ее вещи, а она даже не удосужилась выкинуть его на улицу. Он ведь ей ни для чего не нужен.

Когда он слегка подостыл, Николь убралась оттуда и пошла в магазин, в котором проторчала несколько часов, просто гуляя вдоль прилавков и разглядывая упаковки с зубной пастой, пока ее парень успокаивался. Я пошла в магазин, забрала ее оттуда и сказала, что я на ее стороне. Потом я привезла ее домой и сказала ему:

— Послушай, ты не можешь так вести себя с ней. Она меньше тебя, и я буду ее защищать. Ты знаешь, я пристрелю тебя, если придется. — Он тоже мой друг, поэтому он знал, что я так и сделаю.

Но потом, спустя несколько дней, все повторилось снова. Он начал избивать ее, а потом выгнал из собственного дома. Я снова приехала за ней, но на этот раз сказала:

— Если ты будешь все время возвращаться к нему, тогда это и твоя вина тоже.

Она просто посмотрела на меня и ответила:

— Но если я не вернусь, он заберет весь мой герыч! — По всей видимости, она оставила дома всю дурь, и это все, о чем она беспокоилась. Я сказала, что это очень грустно и трогательно. Потом я отвезла ее домой, как она попросила.

У Зои тоже много лет был сутенер, после чего она наконец свалила от него и пришла сюда. Он не только забрал все ее

деньги и жил на них (она была его единственной «подчиненной»), он даже не смог сам позаботиться о себе. Она ему готовила, убирала, даже стирала ему одежду. Если этот парень не мог даже себе рубашку постирать, тогда зачем он ей вообще сдался? Он сказала мне, что через какое-то время после того, как она переехала в Нью-Джерси, один из ее друзей дома в Канаде встретил этого парня и сказал, что он живет на улице. Без нее он был ничем, а она не видела этого.

У Зои, сколько я ее знала, всегда были проблемы с самоуважением. Она даже волнуется о том, что о ней думают клиенты, даже те, кого она видит в первый и последний раз. Был у нее один клиент не так давно, который был просто невероятен. Даже я еле могла слушать ее историю после всего того, что мне довелось повидать и послушать за многие годы.

Мы путешествовали как часть команды, которую я организовала для нас самих, поэтому мы находились вне тех мест, где жили наши клиенты. Чтобы посмотреть, что мы можем заработать, я разместила рекламу для Зои на одном местном сайте, включая бесплатную страницу, что, возможно, было ошибкой. Кто угодно может найти вас по такой бесплатной рекламе, включая легавых, но мы решили, что это всего на один раз, поэтому, глядишь, пронесет. Мы сразу же получили несколько ответов и организовали несколько встреч для нее в другом отеле, поэтому мы могли быть хоть в какой-то безопасности. Все клиенты будут новыми людьми, которых она не знала, но Зои не была против. Она постоянно так работала у себя дома в Монреале.

Все шло хорошо, пока время не дошло до последнего свидания в тот день. Как только она увидела парня, она поняла, что у нее будут неприятности. Парень был старым. Она прикинула, что ему было не меньше семидесяти. Но он был не просто старым, он был больным. Он сказал, что у него синдром Паркинсона, и она ему поверила, потому что у него постоянно тряслись руки. И он был не просто больным, он был раненым. Он сказал, что произошел несчастный случай во время игры в гольф, как-то так, и что у него перебинтована вся правая сторона тела, включая правое бедро. Она сказала, что было видно, как сквозь бинты сочится гной и кровь. Когда она мне об этом рассказывала, мне пришлось ее остановить. Больше подробностей я вытерпеть не могла.

Когда Зои открыла дверь, она не знала, что с ним делать, поэтому предложила ему принять душ. Он немного попахивал, и это до того, как он снял всю одежду. Но он сказал, что ему нельзя мочить раны. Врач так сказал. Именно тогда ей следовало

сказать:

— Извините, ничем не могу помочь.

Если ты проститутка, это еще не значит, что у тебя нет права устанавливать определенные стандарты. Но Зои никогда не умела говорить «нет». Когда она сказала мне, что никогда не отказывалась от клиента ни по какой причине, у меня челюсть отвисла. «Почему?» — поинтересовалась я. «Потому что я не люблю так поступать с людьми», — ответила она. Неужели она боится их этим задеть? Я просто не догоняю, почему она об этом беспокоится.

Но это не мои проблемы. Моя проблема была в том, что, когда я позвонила Зои, чтобы сказать, что час закончился, парень очень расстроился. Он сказал, что ему нужно еще время. Он еще не успел кончить, за что Зои не уставала благодарить небеса. Она потом сказала, что если бы увидела его сперму, то обед не удержался бы у нее в желудке. Он угрожал зайти на сайт обзоров, как только вернется домой, и написать разгромную заметку о Зои и о нашем агентстве. Он сказал, что собирается рассказать всем, как мы облапошиваем людей, как воспользовались тяжелым состоянием бедняги.

Поскольку меня там не было, то Зои самой пришлось улаживать вопрос. Я заставила ее подробно рассказать, что было дальше. Она сказала парню, что если он завсегдатай подобных сайтов, то должен знать, что в этом деле есть одно твердое правило, которое гласит, что час есть час, без исключений. «Большинство девочек помогли бы мне, — жаловался он. — Они бы помогли мне выбраться из одежды и почиститься, и тогда бы это не заняло так много времени».

Зои на это не купилась, и я была горда, что она стойко держала оборону. «Вам не приходило в голову, что некоторым людям все это может не нравиться? — парировала она. — Я была с вами мила и старалась изо всех сил, но больше я не могу!»

Вы подумаете, что такой человек, как он, со всеми его проблемами, научился бы быть намного приветливее с людьми, чтобы получить то, что ему надо. Я имею в виду, что он был не в том положении, чтобы чего-то требовать. В конце концов он ушел неудовлетворенный, но я не думаю, что он выложил плохой обзор. В любом случае я ни одного такого не видела. Но даже если он все-таки это сделал, это не конец света. Тогда мы предложили бы нескольким постоянным клиентам выгодные условия, чтобы они написали отличные отзывы, которые могли бы затмить его точку зрения. Если клиент видит, что среди десятков положительных отзывов есть один отрицательный, он считает, что просто не свезло. Этот парень явно не относится к

тем клиентам, которых мы рады видеть снова. Так что скатертью дорога!

В результате все получилось, но я не могла поверить, что у Зои так мало самоуважения. Она должна была с самого начала послать парня домой, прежде чем все усложнилось. Но она обычная шлюха и горда этим. Я просто не могу поверить, что ей так сильно уж нужны были эти несколько сотен долларов. Да и герыч никому так сильно не нужен, но это не остановило Николь. Мы с ней были друзьями, пока мне не пришлось уволить ее, потому что однажды она съела столько дури, что испражнилась прямо в ванне отельного номера и отрубилась. Там ее и нашел следующий клиент. Она не оставила мне выбора. Я знаю, что ни в чем не испытываю особой нужды. И я этим горжусь.

Эти девочки делают много денег, они зарабатывают астрономические суммы, поэтому это не их проблема. Проблема с большинством из них в том, что они швыряют деньги на ветер, поэтому они ничего не создают, никогда ни к чему не стремятся, никогда не стараются научиться чему-нибудь на собственном опыте. Они просто живут сегодняшним днем. Они думают, что будут вечно юны, но это не так. Они не смогут так, как Николь и еще парочка девочек, которых я знала, которые все еще хорошо зарабатывали после сорока. Даже Николь, вероятно, долго не протянет, по крайней мере, не с таким образом жизни. Если девочкам суждено дожить до зрелого возраста, то какие у них варианты? Остаться с мужем-ублюдком, который будет ее гонять, как захочет? Или работать на говенной работе с хреновой зарплатой в какой-нибудь забегаловке? У них не такой уж широкий выбор, но они не думают об альтернативах, хотя должны бы.

Так уважаю ли я их? Однозначно, нет. С чего бы вдруг?

Жалко ли мне их? Иногда, но ненадолго. По крайней мере, я стараюсь не жалеть. Мы сами делаем выбор, и мы ответственны за то, кем мы становимся.

Эпилог

Иногда я думаю, что у Вселенной есть собственные правила и способы заставить вас следовать им, хотите вы того или нет. До недавнего времени дела у меня шли достаточно хорошо. Мы с Зои становились все ближе и ближе. Мы стали по-настоящему хорошими друзьями. Мы заботились друг о друге, и я постепенно начала доверять ей настолько, что она стала почти моим настоящим деловым партнером. Мы жили вместе, работали вместе, путешествовали вместе, играли вместе. Это было лучше, чем любые отношения с парнем, которые у меня когда-либо были.

Но что бы я ни делала, жизнь, кажется, всегда возвращается на круги своя. Словно бы Вселенная не хочет, чтобы я слишком долго была счастлива или жила слишком стабильно. Сейчас я не работаю. Начну ли я работать снова, возьмусь ли за что-то новое? Я не совсем уверена в этом. Сейчас не совсем удачное время бросаться в бой, особенно на моей старой территории, но рано или поздно мне понадобятся деньги. И когда это случится, что мне еще останется делать?

После того звонка в номер Зои в Бостоне, когда офицер Дэн снял трубку вместо нее, я потеряла с ней связь. Я знала, что ее замели, и пыталась найти для нее адвоката или хотя бы кого-то, кто бы присматривал за ней, пока она сидит в тюрьме. Но никто не хотел вмешиваться в эту историю, тем более что я закрыла агентство и у меня было не так уж много денег. Мне следовало где-то еще припрятать наличности, а не только у нас в комнате, как я обычно делаю, но я сильно расслабилась с тех пор, как дела пошли хорошо, и я их так и не вернула. Я знаю, что ее как минимум обвинили в незаконном хранении оружия. Пистолет, который я оставила в номере, был куплен незаконно и не был зарегистрирован. Не знаю, обвинили ли ее также в проституции, но меня бы это не удивило. В любом случае, она находилась в стране нелегально, поэтому ей еще светила и депортация. Всего несколько месяцев назад у нас была такая замечательная маленькая семья. Потом Мелисса вернулась к матери, Николь доигралась, а теперь еще и Зои пропала. Я снова одна-одинешенька.

Иногда я действительно хочу завязать с таким бизнесом, но как только мне в голову приходит такая мысль, за ней сразу же появляется другая — а чем я еще могу заниматься? Я многого достигла в жизни. Не самым последним достижением является то, что я осталась в живых, в чем я явно переплюнула многих девочек, которых встречала и с которыми жила в различных

детских приютах, интернатах и прочих государственных учреждениях в штате Мэн, когда была подростком. Так что же остается делать девчонке, которая вышла из такой среды, с восьмью классами образования? Как девчонке, которая хочет добиться чего-то в жизни, но не хочет полагаться на какого-нибудь парня, достичь успеха без необходимости унижаться?

«Завязывай с этим бизнесом», — можете предложить вы. У меня было много парней, которые говорили такие слова. Но что потом? Допустим, что я зарекусь заниматься этим, а что потом?

Моя история, по всей видимости, еще не окончена, и я не знаю, будет ли в ней хороший конец. Заслуживаю ли я его. Иногда я думаю, что шанс есть, но бывают моменты… Ну, перспективы не слишком радужные. Единственное, что могу сказать, так это то, что я попала во взрослый мир, когда была очень молода. Вы можете подумать, что тринадцатилетняя девочка ничего не понимает, но я уже тогда знала, что моими главными целями будут уважение и успех.

Я считаю, что в какой-то степени достигла этих целей. Сегодня я в общем-то защищена от опасности и насилия, а начинала я совсем в других условиях. Чувство защищенности — это то, что я полностью создала самостоятельно, и, даже хотя моя жизнь в основном беспокойна и сложна, у меня все еще находятся поводы часто улыбаться. Я не могу требовать большего, и если есть мысль, которую я хочу, чтобы девочки, подобные мне, усвоили на примере моего рассказа, так она заключается в следующем: будь сильной и выживи. Несмотря ни на что.

Благодарности

Прежде всего хочу поблагодарить Кристу за невероятную силу и способность складывать кусочки моей жизни в некую понятную систему. И за то, что, делая это, она остается моей союзницей и дорогим другом, который всегда может выслушать меня. Это удивительно.

Хочу поблагодарить Бет Уэйрхем за то, что она не боялась идти на риск и била наверняка, что позволило мне без проблем стирать свое грязное белье на публике. Эта книга помогла мне бросить вызов многим демонам и сэкономила кучу денег на походы к психологу! Спасибо также Уитни Фрик и всем остальным членам команды издательства «Скрибнер» за поддержку этой книги.

Хочу выразить благодарность Кэрри, которая была со мной в самых разных жизненных ситуациях и никогда не бросала, даже тогда, когда я, будь на ее месте, бросила бы. Это вселяет в меня надежду, что в мире еще остались хорошие люди.

Хочу сказать спасибо трем моим любимым гостиницам за то, что они позволили мне создать эту книгу, предоставив домашний уют вдали от дома. (Сообщите, если захотите содрать с меня штрафы за курение, которое вы постоянно не замечаете.) Особая благодарность Карлосу, Марте, Аммире, Эвелин и Элизабет — ребята, вы нечто!

Хочу поблагодарить также корешей из Бруклина, которые не давали мне унывать.

Лучшее оставила напоследок! Огромное спасибо всем моим подчиненным и клиентам, которые не только помогли выжить тринадцатилетней беглянке из дому, но также дали возможность прожить полную приключений, невероятную жизнь, о которой большинство людей может только прочитать в книжках!

notes

1

Фирма «Прада» предлагает клиентам ультрамодную дизайнерскую одежду, а «Пейлес» специализируется на производстве недорогих товаров *(Примеч. ред.)*.

2

У нас общие смех и боль, и даже общие слезы, / Ты единственный, кто действительно знал меня… О, если ты взглянешь на меня сейчас, то увидишь там пустоту, / Но когда ты вернешься ко мне, несмотря на все трудности, ты увидишь, что у меня на лице *(англ.)*.

3

Эй, девочки *(исп.)*.

4

Кристаллическая форма кокаина.

5

Спид — наркотик из группы стимуляторов.

6

Фелония (англ. felony) — понятие в английской системе права, означающее тяжкое преступление.